

Ирина Владимировна Васильева

Ирина Хмелевская

КРОКОДИЛ

ИЗ СТРАНЫ
ШАРЛОТТЫ

CAUTION
NEXT 1/2 MILE

Annotation

Героиня иронического детектива «Крокодил из страны Шарлотты», неукротимая Иоанна, вместе со своим возлюбленным, следователем по прозвищу Дьявол, ищет подлого злодея, от руки которого погибает ее любимая подруга. И, как следовало ожидать, разоблачает неведомого убийцу.

- [Иоанна Хмелевская](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Иоанна Хмелевская

Крокодил из страны Шарлотты

На первых порах, сразу по возвращении, я ничего за ней особенного не заметила. Алиция была прежней Алицией – такая же безалаберная и рассеянная, такая же душевная и отзывчивая, как всегда по уши в делах. А у меня и своих хватало: хотелось обойти всех друзей и знакомых – шутка ли, год не виделись, – хотелось отогреться в домашнем кругу, благо домочадцы успели по мне истоскаться, так что вникать в дела Алиции я не стала, да и зачем? Правда, меня несколько озадачило ее наплевательское отношение к будущему своему замужеству, оно у нее все откладывалось из-за каких-то там помех, теряясь в туманной перспективе. А может, решила я, она просто передумала, может, проволочки ей даже на руку, насколько я Алицию знаю, узы брака никогда не казались ей такими уж желанными. Да и новости, которые я привезла на этот счет, были не слишком хорошими, меня они даже сбивали с толку: похоже, что Гуннара одолели сомнения, – но Алиция слушала меня вполуха. Казалось, мысли ее заняты совсем другим.

И только недели через две она слегка приоткрыла завесу молчания. Навестила меня впервые после приезда, любовалась в ванной заграничным моим приобретением – потрясным новеньким унитазом. Красавчик идеально вписывался в пастельную гамму интерьера, и Алиция одобрила мой вкус, – правда, присоветовала подыскать к такой сантехнике еще и хорошего столяра, ничуть меня своим советом не озадачив, потому как было ясно, что имеется в виду водопроводчик.

– Нервы у меня, – без всякого перехода объявила она, рассеянно созерцая салатовую, сверкающую девственной свежестью эмаль.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовалась я, пытаюсь отвлечься от дум об умывальнике – эх, надо было в пару к унитазу и его купить, почему я не купила?

Алиция отвела взгляд от сантехники и, явно стараясь замять разговор, изобразила беззаботный смех. Выглядело это так, будто она рычит, брезгливо на кого-то ощерясь. Потом вся как-то поникла и вздохнула.

– Кстати, у тебя еще осталась твоя успокоительная микстура? Вдруг это именно то, что мне надо?

– Еще есть. Могу дать целую бутыл, у меня их две. Все равно

прокиснет, последнее время я ее не употребляю, не до нервов.

Микстура стояла тут же, в аптечке. Алиция вытащила пробку, понюхала и с отчаянной решимостью хлебнула прямо из горлышка. Поставив не глядя бутылку на умывальник, она сразу про нее забыла, судорожно потянувшись за стаканом воды.

– Да, редкостная гадость, – выдохнула она.

– Положи к себе в сумку, а то ведь оставишь, – сказала я и, плотно закупорив, для верности сама засунула микстуру в нейлоновую косметичку, а ту – в сумку, нисколько не подозревая, что делаю это себе на погибель.

– Так что у тебя все-таки с нервами? – не удержалась я от расспросов, когда мы вернулись в комнату.

Кроме нас двоих, дома никого не было: Дьявол, отрада моего сердца, поехал за четвертым партнером для бриджа. С минуты на минуту они могли появиться. Алиция закурила сигарету, бросила спичку в кофейную чашку и мрачно уставилась в окно.

– Я боюсь, – сквозь зубы процедила она.

– Чего?!

– Не знаю. Трудно сказать. Лезут в голову всякие бредни. Нервы, видно, расшатались.

– Может, у тебя депрессия?

– Депрессия? Да вроде нет. Не замечала.

– Тогда в чем дело? Какие-нибудь неприятности? Денег нет?

– Деньги есть, неприятностей нету. Просто нервничаю.

– Из-за свадьбы? – подумав, неуверенно предположила я.

– Чьей свадьбы? – оживилась Алиция.

– О господи, твоей!

– А-а, моей. Нет, с какой стати? Я ведь пока еще замуж не выхожу. Не знаю, возможно, я все преувеличиваю.

– Наверняка преувеличиваешь. Человек всегда, когда нервничает, преувеличивает, а оттого еще больше нервничает, глядишь – и попал в порочный круг. Попробуй расписать нынешнюю ситуацию на бумаге. Вспомни средство от депрессии.

Надо сказать, когда-то, в молодые лета, мы изобрели безотказный способ борьбы с депрессией. Берешь лист бумаги, лучше в клетку, и на нем двумя столбиками, по пунктам, расписываешь все плохое и все хорошее. Все, что уже случилось и что еще может случиться, неудачи с далеко идущими последствиями и без оных, все убытки и приобретения, моральные и материальные, – одним словом, все, что на данный момент тебя волнует. Если столбик «плохое» оказывается длиннее столбика

«хорошее», а это уж как пить дать, прибавляешь третий столбик и в него вписываешь рядом способы нейтрализации плохого. Депрессию как рукой снимает!

Как-то, еще в нежном возрасте, я к прочим напастям вписала одно за другим: «1. Нет кавалера. 2. Потеряла расческу», а в столбике «Что делать» прописала противоядие: «Купить новую» – средство, конечно, эффективное, но только применительно к расческе.

В более солидном возрасте записывались события уже другого рода, вроде вот такого трагического: «Пропал план благоустройства города!» – а рядом беспечным росчерком было нацарапано: «Ну и что? Не я же его посеяла!»

В прогнозах я оказалась не сильна, каких только ужасов не воображала, каких только ни придумывала профилактических средств, не предусмотрела лишь одного: что мой ребенок устроит однажды в квартире пожар – и, как выяснилось, дала маху.

Так я из Алиции больше ничего в тот раз и не вытянула – вернулись Дьявол с Янкой, наш тет-а-тет разросся в компанию, а после бриджа гостей по домам развозила не я, а Дьявол.

Спустя два дня я случайно увидела Алицию на улице. Она махала рукой всему подряд, что только ни проезжало мимо. Я ехала на своем замечательном «вольво», вертлявом, как ртуть, послушном, как овечка; заметив Алицию, я сразу тормознула. Она мне страшно обрадовалась и завопила:

– Слушай, подвези, если можешь! Времени у меня в обрез!

– О чем речь! Домой? – И я свернула на Мокотов.

– Нет, в противоположную сторону, на Старе Место!

– О боже! – простонала я, нажав на тормоза, чтобы вовремя свернуть в конце Сенкевича. «Конец Сенкевича» звучит, может, и странновато, но что поделаешь, если тормознула я как раз в этом месте. – Говори толком! Куда именно на Старе Место?

– погоди, – замялась Алиция, оглядываясь назад. – Не знаю, не помню, покажу по ходу. Слушай, – заявила она вдруг, – а ты не можешь сделать так, чтоб эта тачка нас опередила? Вон тот синий «опель» за нами!

– Могу, конечно, – обреченно кивнула я, прикидывая в зеркальце заднего вида ситуацию. – Но ты ведь, кажется, спешишь?

– Спешу, только у меня, понимаешь, идиосинкразия на синие «опели». Или «опли»?

Я сбросила скорость сразу на Крулевской и прижалась вправо без сигнала, чтобы сбить противника с толку. Ради Алиции я готова была даже

на штраф. Синий «опель» обогнал нас, и промелькнувший за какую-то долю секунды профиль водителя показался мне знакомым.

– Если он свернет на Сенаторскую, то ты езжай прямо, а если поедет прямо, тогда свернешь ты, – распорядилась Алиция.

Я собиралась подчиниться ее приказу, но не тут-то было: «опель» проделал то же самое, что и я. Съехал вправо и перед самой Сенаторской так резко сбавил скорость, что пришлось его обогнать.

– Черт! – прокомментировала Алиция.

До поры до времени не вникая в причины ее отвращения к симпатичному, что бы там ни было, «опелю», да и вообще ни во что не вникая, я, вопреки всем мыслимым правилам движения, выкинула такой финт, какой «опелю» и не снился. Ехала я по средней полосе. Мой удалец «вольво» крутанул почти на месте влево, эффектным рывком пропорхнул поперек лавины автомашин и, свернув в обратную сторону, нырнул в сплошной поток, хлещущий с трассы В-3, каким-то чудом найдя в нем просвет. Ни единой милицейской души поблизости не оказалось.

– Недурственно, – похвалила меня Алиция. – А теперь что?

– Думаю, автоинспекция не поддержала бы твой комплимент. А вообще что у тебя с этим «опелем»? Тебе позарез надо за ним тащиться?

– Наоборот, мне надо скрыться от него к чертовой матери, – с чувством сказала она. – Очень уж часто я его в последнее время вижу, глаза намозолил. Поезжай на Старе Място так, чтобы ненароком снова не напороться на него.

Я подумала, что тогда лучше всего вернуться на ту же дорогу, не собирается же «опель» вечно торчать на Сенаторской. А еще я подумала, что у Алиции насчет него какой-то заскок.

– Ты знаешь этого типа? – спросила я, вспомнив показавшийся мне знакомым профиль.

– Может, и знаю, – как-то странно ответила Алиция. – Не уверена.

– Сдается мне, где-то я его видела. Интересно, где и когда?

– Надеюсь, ты его не видела никогда в жизни, – помолчав, сказала она как-то слишком уж серьезно и тут же сменила тему: – Слушай, а может, ты мне вернешь наконец словари?

– О боже! – вырвалось у меня. – Алиция, пощади, умерь хоть чуть-чуть полет своих мыслей! Или словари тебе вспомнились в связи с этим типом?.. Теперь куда?

– Поезжай через рынок и сверни налево за Барбаканом. Не сейчас, дальше.

– Там нет знака?

– Не знаю, если есть, высадишь меня.

– Хорошо, отдам тебе словари. Завтра же привезу. Нет, послезавтра. Вечером. Будешь дома?

– Наверно, на всякий случай позвони. Вот здесь! Останови, я выйду.

Я послушно остановила машину, не успев ничего выяснить насчет того типа.

– Большое тебе спасибо, – сказала на прощание Алиция. – Ты даже не представляешь, как ты меня выручила. Позвони послезавтра, пока!

И ушла – ушла в ту сторону, откуда мы приехали.

Собственно, ничего особенного не произошло. Будто Алиция в растрепанных чувствах для меня редкость! А может, она всерьез нервничает, может, у нее есть какие-то важные причины? Синий «опель»?.. Ну да, действительно ехал за нами, а если это случайно? Оторвались мы от него довольно легко, хотя попробуй угнаться за моим удальцом «вольво»! Я даже не заметила, какой у него номер... Интересно, как тут Алиция без меня жила? Насколько я знаю, ее жизнь не была связана с какой-то опасностью, ей нечего и некого было бояться. Или я не все знаю?.. А этот их брак с Гуннарсом, который должен был состояться уже несколько месяцев назад, почему они тянут? Последнее время Гуннар выглядел каким-то недовольным... или расстроенным?.. Знакомый профиль, где я его видела? И почему она сказала «надеюсь»?

Таковыми вот мыслями, неясными и бестолковыми, была забита моя голова, когда я возвращалась в тот раз домой, – правда, они очень быстро улетучились – мне и своих забот хватало. Через день я позвонила Алиции, но дома ее не оказалось. Позвонила на следующий день и даже растерялась. Реакция на мой звонок была такой бурной, как будто мы не встречались по меньшей мере лет пять и того, что я могу ей позвонить, она ну никак не ожидала.

– Обязательно приходи! – обрадованно вопила она в трубку. – Посмотришь, какой ремонт я сделала!

Тут я окончательно обалдела, ведь не далее как три недели назад, сразу же по приезде, я уже имела удовольствие любоваться ее свежевыкрашенными стенами. Что-то тут не так, подумалось мне, не могла же она в одночасье ни с того ни с сего впасть в такой глубокий маразм! На языке уже вертелся вопрос, не принимает ли она меня за кого-то другого, но я отложила выяснения на потом, пообещала только прийти вечером и напомнила о словарях.

– Ах, ну да, верно! – ужасно обрадовалась Алиция. – Помню – что-то мне от тебя нужно, а вот что, хоть убей, не соображу. Конечно же, словари!

Приезжай, с семи я точно дома!

Раз с семи, то я на всякий случай приехала после восьми. И не увидела в ней ни следа той кипучей радости, которую она выплеснула на меня по телефону. Привычной рассеянности как не бывало, она выглядела сосредоточенной и даже напряженной.

– Слушай, я боюсь, – тихо сказала она. – Боюсь, как не знаю кто. Ты не думай, я отлично помню, что ты у меня была, просто мне требовался повод, чтобы тебя пригласить. А про словари как на грех позабыла. Кстати, ты ими пользуешься?

– Еще бы. Держу под рукой, когда читаю французские и английские детективы, и аккурат сейчас у меня завелось кое-что из этого чтива. Не вовремя ты про них вспомнила.

– Можешь в следующий раз забрать. Мне они не нужны.

– Спасибо, заберу, но, убей меня бог, я ничего не понимаю. Почему тебе нужен какой-то повод, чтобы приглашать меня? А просто так уже пригласить нельзя?

– Не знаю. Я боюсь. Мне кажется, за мной все время следят. Я даже уверена.

Я пренебрежительно пожала плечами:

– Ну допустим. А ты что, ведешь преступный образ жизни, воруеться, собираешься смыться с награбленным? Да пусть себе следят на здоровье, не обращай внимания.

– Я боюсь, – упрямо повторила Алиция.

Да, с нервишками у нее и впрямь было неладно. Никак не могла усидеть на месте, то и дело вскакивала, шастала из комнаты в комнату, из угла в угол. Мне вовсе не улыбалось бегать за нею во время разговора, я передвинула кресло и пристроилась у соединяющей обе комнаты двери – широкой, в четыре филенки. Дверь эта всегда была раскрыта настежь и даже приперта мебелью – Алиция, живя одна, не видела надобности ее закрывать.

– Чего ты боишься, черт тебя дерит? – потеряла я всякое терпение. – Есть же какие-то основания?

Алиция остановилась у комода «антик» и занялась перестановкой с места на место безделушек.

– Боюсь, что я слишком много знаю, – задумчиво протянула она.

Я уставилась на нее в полной растерянности.

– Ну хорошо, тогда скажи мне что-нибудь из того, что ты знаешь. Будем бояться вместе. В компании веселей.

– Не валяй дурака, я серьезно. И ничего тебе не скажу – не хочу

впутывать. Я-то узнала про все случайно. Помнишь тот наш разговор, когда я просила переправлять мне не все письма?

– Помню, ну и что?.. Никаких писем и не было, только одно, от Соланж. Ты его имеешь в виду?

– Нет, были еще, но они пересылались через других.

– Какая разница. Все равно я в этих языках не разбираюсь.

– Твое счастье. А я вот разбираюсь. Одно из писем попало ко мне случайно. Не здесь...

Она умолкла, все с тем же отсутствующим видом скользнула по мне взглядом, потом перешла в другую комнату и для разнообразия принялась общипывать стоявшие на столике гвоздики. Я развернулась в кресле за ней.

– Ну и?..

– Вдобавок ко всему неясно, кого надо бояться, тех или других. Скорее тех, о ком я слишком много узнала...

– ... а не других, которым хочется узнать столько же? – понятно ухватила я на лету. – На твоём месте я бы с этим делом куда-нибудь обратилась.

– Ни в коем разе! – решительно отрезала Алиция. – То есть ты бы, может, и обратилась, а я нет. У меня на этот счет свои соображения. Кстати, не забывай, ты на виду заодно со мной.

Она оставила в покое гвоздики, переместилась к застекленному шкафу и вытащила свечи. Две длинные красивые красные свечи. Я снова развернулась вслед за ней, и взгляд мой упал на стенку рядом со шкафом.

– О! – Я была приятно удивлена. – Да ты, оказывается, почище меня увлекаешься контрастами!

Из свежевыкрашенной стены безобразно торчал огромный крюк – на такой запросто можно было подвесить тушу мамонта. Наверняка выдержал бы. И на таком вот крюке, на изящном красном шнурочке, болталась пара хорошо мне знакомых кастаньет. Этот одиноко торчащий крюк я давно заметила и все ждала, что на нем окажется зеркало в мраморной раме или нечто подобное, но уж никак не вещица весом в пятьдесят граммов. Алиция перехватила мой взгляд и рассмеялась.

– Здесь раньше красовалась та пошлая мазня, помнишь? Закрывала дыру в стене. Мазню я выкинула и собиралась подыскать взамен какую-нибудь картину, но пока подходящей не нашла, а если в стене есть крюк, то на нем должно что-то висеть, логично? Не пропадать же ему зря. Погоди. Сейчас угощу тебя кофе.

Она положила на стол вынутые из шкафа свечи, достала чашки. Я следила за ее действиями со снисходительной иронией – вполне понятной,

если учесть, что на столе уже были две чашки, выставленные пару минут назад.

– Алиция, приди в себя, – со вздохом сказала я. – Или ты расщедрилась на тот случай, если мы вдруг начнем двоиться?

– Ох, что это я? – удивилась Алиция и вернула чашки на место. – Пойми наконец, я боюсь! Места себе не нахожу! Вся на нервах!

– А мое лекарство пьешь?

– Осталось на самом доньшке. Помогает, но не надолго. Перед сном принимаю двойную дозу, иначе глаз не могу сомкнуть. А только усну, кошмары донимают. Просыпаюсь – и снова пью. Да, так что я собиралась сделать?

– Кофеем меня угостить. Наверно, для этого надо поставить воду.

На кухню я за ней не поплелась, сидела в своем кресле между двумя комнатами и, мобилизовав все свои мыслительные способности, напряженно думала. Наконец мне показалось, что я до чего-то додумалась. Скупые намеки Алиции наводили на кое-какие смутные догадки, и от этих догадок мне стало нехорошо. Неужто Алиция и вправду влипла в скверную историю? Да, дело, похоже, серьезное.

Я закурила, поискала глазами пепельницу и увидела ее на столике, придвинутом к двери. Потянулась за ней, и тут взгляд мой упал на дверной косяк. И косяк, и филенки были новые, из натурального благородного дерева, покрытого прозрачным бесцветным лаком. Я всегда питала слабость к хорошему струганому дереву, к его изысканному рисунку. Погруженная в свои мысли, я непроизвольно постучала по дереву ногтем, провела пальцем по слоистым завиткам, наткнулась на сук, взглянула – да так и впилась глазами. Круглый, в слоистых разводах, он торчал в полуметре над полом. Я все водила по нему пальцем, что-то меня в нем озадачивало. Подумаешь, невидаль – какой-то сучок, хотя бы и лакированный. Но почему-то я сползла с кресла, присела на корточки и уставилась на него с бьющимся сердцем, чуть не уткнувшись носом. Я не верила своим глазам, не знала, что и подумать. Нет, ни один сук на свете таким быть не может!..

Не знаю, сколько я так просидела в полной растерянности, бессмысленно таращась на маленький кружочек, только вдруг почувствовала, как меня бросило в жар. Стоило лишь сопоставить этот странный сучок со скупыми намеками Алиции, с ее дурными предчувствиями и страхами – и все встало на свои места. Подтверждались, увы, мои смутные догадки!

Голова у меня сразу заработала, как часовой механизм, мысли

шестеренками цеплялись одна за другую. Предупредить Алицию! Она наверняка об этом не знает! Во что бы то ни стало предупредить, пока она еще чего-нибудь не сболтнула! Но как?! На кухне?.. Исключено, на кухне могли припрятать то же самое. Мало ли какими сюрпризами напичкали эту квартиру! Вот идиотка, вздумалось ей, видите ли, обновить свое гнездышко!..

Алиция вернулась с кофе. Я подседа к письменному столу и на клочке бумаги нацарапала: «Ничего не говори! Делай, что я скажу! Подыгрывай!»

– Что у тебя там? – заинтересовалась Алиция.

– Ресница попала в глаз, – невозмутимым тоном заявила я, подсовывая ей листок. – Погоди, сейчас вытащу.

Алиция прочла и испуганно уставилась на меня. Глаза у нее превратились в два больших вопросительных знака. В панике я не догадалась продумать план действий и теперь не могла сообразить, как же нам с нею объясняться. Говорить шепотом нельзя, отмалчиваться тоже – словом, ни под каким видом нельзя обнаруживать, что мы сориентировались в ситуации. Я схватила еще листок.

– Кстати, ты мне собиралась показать фотографии! – сказала я тоном, который должен был изобразить беззаботное любопытство. – Нашлись они наконец?

– Ах да! – спохватилась Алиция. У нее получалось даже лучше, чем у меня, в голосе звучало простодушное оживление – тем нелепей выглядела застывшая на ее лице тревожная гримаса. – Погоди, сейчас поищу.

И продолжала столбом торчать передо мной, пока я не показала знаками, что ей положено рыться в ящиках и шелестеть бумагами. Она ухватила все на лету, продемонстрировав недюжинный интеллект: глазами уткнулась в листок, на котором я писала, а руками стала перерывать вверх тормашками содержимое письменного стола, самозабвенно выкрикивая: «Может, здесь? Нет, не то. Вот они! Нет, не они! Куда же я их сунула?»

А я тем временем в спешке набрасывала по пунктам инструкцию:

«1. Ты что-то нашла. И вспомнила про срочную работу! Сделай так, чтобы я с тобой попрощалась!

2. Диалог. Ты: Мне надо срочно это закончить! Я: Не провожай меня, я еще зайду в ванную!

3. Пару секунд пошелестеть!

4. Выходишь за мной на цыпочках!

5. Хлопаем дверью ванной, тихонько выходим на лестницу, там я тебе все скажу.

6. Вернувшись, спустишь воду, пошумишь, покрутишь кран, хлопнешь

дверью».

Получилось, может, и бестолково, но я надеялась на ее сообразительность. Во мне вдруг прорезалась маниакальная осторожность, еще бы, при таких-то подозрениях! Похоже, дело тут и впрямь нечисто, не зря Алиция боится. Ни с того ни с сего квартиру под наблюдение не берут. Небось, возьмут на заметку и то, сколько времени мне понадобилось, чтобы выйти на лестницу. Надо сделать так, как будто я вышла из комнаты сразу, а потом еще застряла в ванной, с Алицией уже не разговаривая. Главное – эти типы не должны догадаться, что мы говорили с ней на лестнице. Уж на лестнице-то, надеюсь, не опасно?..

Я протянула Алиции листок и сказала:

– А это что у тебя в руках? По-моему, те самые фотографии!

Алиция непроизвольно уставилась на коробок с кнопками, который как раз вертела в руках.

– Гм, и правда! – обрадовалась она и так же непроизвольно протянула его мне. – Вот, смотри.

Утруждать себя рассматриванием кнопок я не стала, кнопки как кнопки, и даже бумагой не шелестела, трезво рассудив, что от обыкновенных фотоснимков никаких акустических эффектов быть не может.

Алиция изучила инструкцию, в конце приписала: «Сейчас?» – и вопросительно воззрилась на меня.

Я кивнула головой и сказала:

– А эта толстуха сзади – кто такая?

– Подруга хозяйки, – не задумываясь ответила Алиция. – Послушай... – испуганно протянула она, словно вдруг вспомнив что-то очень неприятное. – погоди, кажется... О господи!

– Что с тобой? – с готовностью подхватила я. – Здесь ты очень хорошо вышла.

– Куда вышла?! – выпалила Алиция. – А, ну да! Слушай, ты меня, пожалуйста, извини... совсем из головы вылетело! Мне ведь позарез надо дорисовать к завтрашнему утру один эскиз. Ах, черт! Нужно было сегодня, но если я отдам утром до восьми, то еще сойдет. Придется сесть за него прямо сейчас!

– Ну ты даешь, не могла сделать раньше? – негодовала я, на сей раз совершенно искренне, считая, что Алиция чересчур мягко выразила свой ужас. Могла бы чертыхнуться и покрепче, с большим чувством!

– Забыла! Только сейчас его нашла, завалился под фотографиями. Ты уж прости меня, растяпу!

– С тобой рехнуться можно. Бог простит, ладно, трудись, я сейчас уйду, только вот снимки досмотрю, если позволишь, конечно.

– О чем речь, смотри сколько влезет, а я прямо сейчас сажусь за работу. Тут еще непочатый край.

– Садись, садись. Не обращай на меня внимания, можешь даже не провожать, до двери я сама доберусь и ничего по пути не сопру. Да будет тебе известно, обычай провожать гостей возник не на пустом месте; в старых замках запросто можно было заблудиться, а еще хозяева опасались, что гости по дороге что-нибудь стибрят. Ты не возражаешь, если я загляну перед уходом в ванную?

– Не возражаю, ванная – не замок.

– Удачные получились снимки, вот, кладу их сюда. Ну, счастливо, приятных тебе трудов! Звякни мне завтра, когда освободишься.

– Пока, позвоню. Спасибо тебе, и извини меня, бестолковую!..

Весь диалог мы провели, сидя друг против друга. Алиция то и дело косила глазом в листок, освежая в памяти очередность действий. На лице у нее сохранилось все то же напряжение, а в глазах был все тот же знак вопроса. Я отложила коробок с кнопками, встала, стараясь производить как можно больше шума, взяла сумку и прошла в прихожую. Здесь я открыла дверь в ванную и подождала, пока Алиция потихоньку откроет входную дверь. Хлопнув дверью ванной, я на цыпочках выскользнула за нею на лестничную площадку.

– Ну?! – с нетерпением вцепилась она в меня. Мы уселись на верхней ступеньке.

– В дверном косяке у тебя вставлен микрофон, – сказала я шепотом. – Ты знала об этом?

У Алиции даже дух перехватило.

– Нет, – тоже еле слышно прошептала она. – Вот напасть!

– Кто тебе делал ремонт?

– О господи!.. – Она осеклась и наморщила лоб; на ее лице, скованном тревогой, явственно проступила еще и мрачная ненависть. – Постой, кажется, я становлюсь чертовски понятливой. Вот что, сама я не справлюсь. Нужна твоя помощь.

– Так что все-таки происходит?!

– Они ходят за мной по пятам. Выслеживают меня. Я ведь говорила тебе, что слишком много знаю. Дико боюсь – и ни к кому не могу с этим делом обратиться. Конечно, я тебе все расскажу... – Она в нерешительности помолчала. – Но не сегодня. Не сейчас. Требуется еще кое в чем разобраться, тут нужна стопроцентная уверенность. Понимаешь,

непонятно, то ли это наши, то ли наоборот, скорее, наоборот. У меня есть... – Она снова заколебалась. – У меня есть...

– Так что же у тебя есть, черт подери?!

– Я знаю, где это хранится. Если я им эту штуку отдам, может, они от меня отстанут. По-моему, они не догадываются, что я уже настолько в курсе дела. А вообще темная история, днем с огнем не разберешься. Послушай, давай завтра встретимся где-нибудь на нейтральной почве, в каком-нибудь месте, куда за нами никто не увяжется.

– А почему не у меня дома?

– Лучше, чтобы нас вместе не видели. А то догадаются, что я тебе наболтала лишнего. По правде говоря, я боюсь за тебя.

– Ерунду говоришь!

– Я знаю, что говорю, – отрезала Алиция, посмотрев на меня с какой-то неприязнью.

Я сдалась:

– Ну хорошо, единственное место, куда за нами не попрется ни один придурок, – это дамский туалет. Если что, уборщица тут же его турнет. Ничего больше мне в голову не приходит. Разве что женская баня.

– Неплохая мысль, жаль только, знакомых бань у меня на примете нет, зато можем встретиться внизу в «Европейском», в том туалете, что рядом с кафе.

– Во сколько?

– Я буду в семь, а ты приходи на четверть часа раньше и жди меня внизу.

– Мозолить там глаза целых пятнадцать минут? Ну ладно, сделаю вид, что навожу марафет. А кто все-таки тебе квартиру ремонтировал? По-моему, первым делом надо с этим разобраться.

– Обыкновенный маляр, с подручным. Вот уж чего совсем не понимаю, так это истории с ремонтом. Маляр был не тот.

– То есть как не тот?

– Мне присоветовали одного, а я взяла другого. Сама и нашла.

– Кто тебе присоветовал?

– Завтра все доскажу. Иди уж, и так мы тут чересчур задержались. Мне еще надо хорошенько все обмозговать.

– Прими лекарство и не забудь спустить в унитазе воду. Значит, договорились – в «Европейском» в семь. Счастливо, держи хвост пистолетом!

– Будь здорова, спасибо!

Алиция бесшумно проскользнула в квартиру. Я немного постояла,

подождала, пока не загудит в ванной вода и не хлопнет дверь, и только потом спустилась вниз...

Не знаю, во сколько зазвонил телефон. Я как раз уже засыпала, и врубиться в разговор мне было непросто.

– Не спишь? – спросила Алиция. – Слушай, у меня к тебе просьба. Если я вдруг скоропостижно отдам концы, обязательно зайти взглянуть на меня перед выносом тела. Не в службу, а в дружбу, а?

– Ты что, наклюкалась? Ведь работать собиралась!

– А я и работаю, рук не покладаю. Нет, серьезно, обещаешь прийти? Ну уважь подругу, посмотри на меня перед выносом!

– Боюсь, зрелище окажется не из приятных, но так и быть...

– И еще. Запомни или даже запиши. В случае моей смерти возьми себе то, за что ты бралась после нашего визита к благодетелям, после всяких там виски и коньяков.

– После визита к благодетелям я бралась за «Соплицу»...

– Бралась, а не лакала! Бралась...

– Матерь Божия, ну за что я такое бралась?!

– ... и топотала ногами...

– Алиция, окстись! Топотала ногами?!

– Постарайся припомнить. Спокойной ночи, – невозмутимо сказала она и дала отбой.

Я, конечно, была здорово ошарашена, но все же не настолько, чтобы окончательно проснуться, прийти в себя и призадуматься. А вот так сразу понять, чего она от меня хочет, моя бедная голова наотрез отказывалась. Я решила, что утро вечера мудренее, и заснула с приятным чувством, что меня ждет таинственное, захватывающее приключение.

Минут сорок я прождала в «Европейском» со стоическим хладнокровием. В полдевятого начала нервничать, тем более что уже не представляла, чем еще можно себя занять в дамском туалете. Я поднялась наверх и позвонила Алиции, совсем не надеясь, что она отзовется.

Так и есть, отозвалась не Алиция, а какой-то тип. Уточнив номер, я попросила к телефону пани Хансен.

– А кто говорит?

– Подруга.

– Ваша фамилия?

– Хмелевская, – непроизвольно назвалась я, растерявшись от столь нахрапистого тона. Что это значит?

Алиция прибегла к особым мерам предосторожности?

– По какому делу? – спросили на другом конце провода с той же беспардонностью.

Терпение мое лопнуло.

– Простите, но мне бы хотелось поговорить с пани Хансен, – ответила я на всякий случай вежливо, но столь же настойчиво. – Извольте позвать ее.

– По какому делу?

Тут уж я завелась. Буду еще всякому докладывать! Перебьется!

– Извините, но это я скажу не вам, а пани Хансен. Я вас знать не знаю. Окажите любезность, позовите ее наконец, если она дома.

– Пани Хансен к телефону не подойдет. Зачем она вам нужна?

Вот маньяк несчастный! И где только Алиция такого откопала? Бесполезно спорить, может, Алиции вообще нет дома, а может, это, чего доброго, взломщик. Проклятие, мне ведь позарез надо с ней переговорить, и как можно скорей. Я без слов повесила трубку, не хватало еще дискутировать с этим нахалом. Но что же делать? Ехать к ней? Не наломать бы дров... Мы ведь договорились вместе не показываться. Не напали же на нее там бандиты, зачем бы они откликались, да еще так глупо!

Все больше беспокоясь, я решила позвонить ее сестре – она жила в том же доме, этажом ниже, и могла кое-что объяснить. Могла на крайний случай подняться наверх и проверить. Надо только поделикатней заинтересовать ее ситуацией.

– Добрый день, – как можно беззаботней прощебетала я. – Вы случайно не в курсе, что там у Алиции происходит? Никак не удастся поговорить с ней по телефону, по-моему, там какие-то люди?..

Трубка некоторое время безмолвствовала, потом вдруг разразилась странным каскадом звуков. Сестра Алиции рыдала.

– А вы ничего не знаете? – простонала она срывающимся голосом. – Вам уже никогда не удастся с нею поговорить. Алиции больше нет! Ее убили! Сегодня ночью! Боже мой, боже мой!..

Алиции больше нет...

Быть того не может! Алиция мертва? Убита?.. Сегодня ночью! Господи милосердный!

Трубка что-то бубнила, я выпустила ее из рук и, привалившись к стойке гардероба в «Европейском», всеми силами старалась как-то оградить свое сознание от страшной новости. Идиотская шутка, не хочу, не согласна, никогда не поверю, это неправда!!!

Алиция умерла... Сегодня ночью...

Сегодня ночью она мне звонила. Наказывала что-то запомнить! Очень важное! О чем-то просила!

«...приди взглянуть на меня перед выносом тела...»

Какое-то время в моей голове непрерывно гудели эти слова – все равно как труба в судный день. Абсурдная просьба наполнилась вдруг трагическим смыслом. «Посмотри на меня перед выносом...»

Что это было, предчувствие или уверенность? Что она имела в виду? Чего-то хотела от меня? Нужно обязательно исполнить ее просьбу! Она боялась сказать по телефону в открытую, рассчитывала на мою догадливость. «Взгляни на мое тело...» На тело? Перед выносом... Перед выносом!.. Она хотела, чтобы я как можно скорей оказалась в ее квартире, сразу же после ее смерти. Что-то у нее там дома есть... Надо непременно туда попасть! Но как?!

Милиция уже там и, конечно, ни единой живой души не пропустит. Потом квартиру опечатают, впрочем, «потом» будет поздно, мне нужно туда прорваться до выноса тела! Значит, еще сегодня. То есть уже сейчас. Что делать? Милиция... И правда, милиция!!!

Я наконец вышла из оцепенения. Единственный человек, который может мне помочь, – это майор. Мужик что надо, умница каких мало, он всегда с пониманием относился ко всяким моим закидонам. Прекрасно меня знает и может оказаться полезным...

Необходимость срочно действовать слегка привела меня в чувство. Сейчас не до стрессов, оставлю их на потом... Я стала лихорадочно рыться в сумке и наконец выудила записную книжку, где у меня был записан телефон Центрального управления.

Без труда, с помощью невинной уловки мне удалось узнать, что майор сейчас не где-нибудь, а как раз в квартире Алиции. Я перезвонила туда и попросила его к телефону. Ясно, майор не из простачков, его трудно провести, ему достаточно приоткрыть хотя бы часть правды, а там он, глядишь, и сам докопается.

– Пан майор, – сказала я, – понимаю, что это противоречит всем вашим правилам, но заклинаю вас, позвольте мне к вам туда прийти! Алиция была ближайшей моей подругой и настойчиво просила меня об этом!

– О чем она вас просила?

– Просила меня, если она неожиданно умрет, чтобы я пришла на нее, мертвую, посмотреть. Еще в квартире. Пан майор, Алиции я обязана как никому другому на свете! Я должна!.. Ходите там за мной по пятам, не спускайте с меня глаз, свяжите мне, наконец, руки, суньте в рот кляп, но позвольте прийти!!!

– Вы с ней дружили? И давно ее знаете?

- Давно. Пойдите, сейчас соображу... десять лет.
- Хорошо, приходите, – помолчав, согласился майор.
- Спасибо, буду через пять минут!

Майор наверняка после нашего разговора автоматически включил меня в число подозреваемых – вместе с остальными ее знакомыми. Вне всяких сомнений, он дал согласие с определенным расчетом, вдруг я сделаю или скажу что-нибудь такое, что наведет его на след? Скажем, постараюсь спрятать или уничтожить какую-то улику. А я поставила на этот его расчет – и не прогадала. Правда, пока еще мне и самой было невдомек, что там искать и как объясниться.

Не знаю, как я добралась от отеля «Европейский» до квартиры Алиции на Мокотове. Людей, недавно узнавших об утрате близкого человека, на пушечный выстрел нельзя подпускать к рулю.

Майор предупредил охрану, и я попала в квартиру без всяких проволок. Вошла и нерешительно остановилась в прихожей.

– Добрый день, пани Иоанна, – любезно встретил меня майор. – Проходите. Почему вашей подруге взбрела в голову такая странная мысль – что вы должны взглянуть на ее труп?

Я тяжело вздохнула. Предвидя такой вопрос, я уже загодя, по дороге, придумала ответ.

– У нее был навязчивый страх, – уныло объявила я. – Вы ничего не знаете? Ее мать скоропостижно скончалась здесь же, в этом доме, сидя в кресле, когда Алиция где-то на стороне развлекалась. На нее это очень сильно подействовало. С тех пор она все время боялась, что умрет вот так же по-сиротски. Частенько, бывало, твердила: хоть бы нашлась рядом какая-нибудь живая душа, чтобы в последний раз бросила на меня в моем доме сострадательный взгляд. Ну и поручила это мне – видимо, в моем сострадании была уверена.

– А когда она вас об этом попросила?

Я не сразу ответила, сначала прошла в комнату, Алиция лежала на диване совсем одетая, с таким видом, как будто спала. Мне, правда, не так уж много довелось повидать покойников, но ни один из них не производил впечатление живого. А у Алиции даже цвет лица не изменился, никаких следов тревоги либо страха, никаких признаков насильственной смерти. Глаза у нее были закрыты, неестественной казалось разве что поза: она лежала навзничь. Алиция могла спать в любом положении, только не на спине.

– Вы уверены, что она мертва? – спросила я тихо, с какой-то отчаянной, идиотской надеждой.

– Абсолютно уверен, – отрезал майор. – Можете к ней прикоснуться.

Я решила прикоснуться к руке, иначе всю оставшуюся жизнь сомневалась бы, не похоронили ли ее живьем. Да, мертва...

Алиция... Алиция – воплощенное жизнелюбие, Алиция, которую я ждала не далее как сегодня в отеле «Европейский», чтобы помочь ей... Я ничуть не преувеличивала, когда сказала майору, что она сделала для меня больше, чем кто-либо на этом свете! Совершенно бескорыстно, из одной дружбы, оказала мне однажды такую бесценную услугу, на какую только человек способен. Алиции я буду век благодарна, для нее готова на все возможное и невозможное... Алиция просила у меня помощи... Эта ее просьба для меня закон и посейчас, да что там – до гробовой доски.

Так уж получается: вдруг умирает человек – пусть чужой тебе, но перед которым ты был в долгу, которому был чем-то обязан, и вот ты места себе не находишь, мучительно гадая, что же теперь делать с не оплаченным тобой векселем. С этой минуты ты навсегда обречен на сожаления, а то и чувство вины. За свою жизнь Алиция не дождалась от меня и десятой доли того добра, какое сделала мне! Тем более сейчас, после ее смерти, я обязана вернуть ей долг...

Что-то она от меня хотела. Не успела сказать, надеялась, что дойду своим умом. Скорей всего, она поручает мне разобраться с делом, в котором увязла и с которым не сумела справиться. Вспомнилось выражение мрачной ненависти у нее в глазах – это у нее-то, у Алиции!..

«...Приди взглянуть на меня перед выносом тела...» Ну вот я здесь, в ее квартире. Что тут есть такого, что я должна... что должна? Увидеть? Взять и спрятать? Ума не приложу...

– Простите?.. – Я отвела глаза от Алиции, наконец-то расслышав голос майора. – Вы о чем-то спросили?

– Да так, поинтересовался, когда она говорила с вами насчет этого посмертного визита.

– Не знаю, – сказала я, невменяемо глядя на него. – Здесь можно курить?

Я пыталась выиграть время. Невменяемый вид дался мне без труда, я и так была почти что в беспамятстве. Как себя повести: выложить ему всю правду или, может, наоборот – ради Алиции скрывать, сколько удастся? Майор поднес спичку, выжидательно вглядываясь в меня, – нечего и сомневаться, свой вопрос он будет повторять до изнеможения. Ладно уж, пощажу его.

– Какое-то время тому назад, – ответила я почти не кривя душой. – И упоминала об этом не единожды.

Если паче чаяния правда и всплывет наружу, отговорюсь тем, что со сна плохо соображала. Она позвонила мне ночью, так что имею полное право на забывчивость, а тем более после такого потрясения.

– А когда вы последний раз с нею виделись?

– Вчера вечером, – срывающимся голосом пробормотала я, живо представив себе последнюю нашу встречу. – Здесь, у нее.

Уж в этом можно признаться, да и без меня установят. Моими отпечатками пальцев в квартире все изукрашено. Тот же коробок с кнопками...

Ну на что, на что тут надо обратить внимание?! Неужели ей трудно было выразиться пояснее?

Я огляделась по сторонам. Комната как комната, вроде тут все так же, как и вчера. Майор ненароком сам мне помог.

– Осмотритесь везде, только ни к чему не прикасайтесь, – предложил он. – Возможно, что-то вам покажется странным. Возможно, что-то со вчерашнего дня изменилось. Когда вы здесь были?

– Я приехала после восьми и сидела недолго, пожалуй, не больше часа. Но поручиться не смогу, на часы не смотрела.

Подойдя к соседней комнате, я на пороге остановилась. И не только затем, чтобы посмотреть на сучок в косяке. Он у меня сразу вылетел из головы, стоило моему взгляду случайно упасть на стену с крюком и кастаньетами. Чуть пониже, на светлой, свежевыкрашенной поверхности, гвоздем или каким-то другим острым предметом было нацарапано:

«1. Прачечная!!!

2. Прадедовский кофр!

3. Запастись ключом!

4. Найти конверт!»

Как вкопанная застыла я на пороге, вылупив глаза на неожиданное послание. Инструкция, расписанная по пунктам. Чего еще искать, вчера здесь ничего такого не было, вчера стена сияла девственной чистотой. Вот оно, вот зачем Алиция велела мне прийти немедленно – ради завещания на стене! Я поняла его с ходу, от начала и до конца.

– Кстати, – сказал майор, – у вашей подруги было так заведено – царапать себе пометки на стене?

Я отвернулась от надписи и скорбно покачала головой, осматриваясь уже больше для видимости. Итак, решение принято. Ни за что на свете правду не говорить. Надпись на стене подтверждала мои самые худшие предположения.

– От Алиции всего можно было ожидать, – нашла я. – Что касается

всяких пометок на память, тут она не знала удержу. Могла записывать на клочках не больше почтовой марки, которые потом терялись, могла писать аршинными буквами на плакатных листах. Если требовалось запомнить что-то очень важное, ей ничего не стоило оклеить записками всю квартиру.

– Но это уж, по-моему, чересчур – вот так испортить свежевыкрашенную стену. Вы уверены, что это именно ее рук дело?

– Абсолютно, – с чистой совестью заверила я его. – Мне здесь и не такое доводилось видеть!

– А вчера вечером надпись была?

На сей раз никакие уклончивые ответы мне не помогут, какой дурак поверит, что я проморгала столь приметное украшение интерьера, если оно при мне уже имелось? Хорошо бы, конечно, ответить утвердительно, но очень уж свежими выглядели царапины. Лучше не рисковать.

– Точно помню, что нет. Но Алиция была расстроена – случайно нашла забытый эскиз, который обещала срочно закончить и отдать. После такой промашки небось и сделала себе эту монументальную зарубку на память.

– «Прачечная, – вслух прочитал майор. – Прадедовский кофр. Запастись ключом, найти конверт». Две последние записи более-менее понятны, а что означают первые?

Страшный человек, сразу ухватился за самое главное! Или у них у всех собачий нюх?

– Прачечную тоже можно объяснить, – протянула я в раздумье. – Сдать белье или получить. А кофр... Кто знает, вообще-то был у нее старый семейный сундук, здоровенная такая дурында, обитая жестью. Понятия не имею, где она его держала. Может, собиралась что-то с ним сделать?

– Положим. Возможно. Оглянитесь повнимательней, вдруг еще что-нибудь любопытное бросится в глаза.

Я стала осматриваться, начав, естественно, не с дверного косяка. Письменный стол и его окрестности сохранили вид побоища, – правда, сейчас картина выглядела намного эффектнее, чем вчера. Как будто все это каким-то непостижимым образом побывало в аэродинамической трубе. Кто тут потрудился? Убийца? А может, сама Алиция искала в спешке что-то важное? Сказать майору?..

Якобы ища глазами пепельницу, я бросила взгляд на дверной косяк. Сучок торчал на своем месте, но теперь уже в нем не было ничего необычного – вполне невинный, почтенный деревянный сук, разве что чересчур свободно сидел в своем пазу. Слово бы усох больше, чем сама доска. Микрофона как не бывало.

Я не знала, что и придумать. А вдруг вчера у меня случилась

галлюцинация?

– Ничего такого не вижу, – неуверенно доложила я майору. – Во всяком случае, ничего, бросающегося в глаза. Вот только на столе бардак чуть больше обыкновенного. Да, еще эти свечи...

– Свечи? – заинтересовался майор, с трудом оторвав замороженный взгляд от стола.

Красные свечи, те самые, которые Алиция вчера вытащила из шкафа, теперь лежали на столике горкой мелких стружек. Такое впечатление, будто их настрогали тонкими слоями, но перед тем, как попасть в чьи-то варварские руки, они некоторое время горели. Рядом с этой кучкой стружек стояла пустая чашка из-под кофе. Кстати, а мы кофе пили? Да нет же, Алиция сварила его на кухне, принесла в комнату, но так и не разлила.

– Что-то тут не так, – честно сказала я майору – мало ли какая информация ему пригодится. – Чашка не на месте.

– Минуточку, – как-то уж очень ласково протянул майор, вновь взглянув на стол. – Вот эти следы катаклизма и есть «бардак чуть больше обыкновенного»?!

– Ох, вы знаете, для людей, имеющих дело с графикой и чертежами, здесь обычный рабочий беспорядок. Что для нормального человека бардак, то для нас просто набор необходимых вещей. Хотя вы правы, беспорядка тут сейчас больше, чем нужно...

– Ага, – с облегчением перевел дух майор, – какое счастье, что у меня в семье никто не занимается графикой. Так в чем там дело со свечами и с чашкой?

Я поделилась с ним своими соображениями насчет свечей, и майор с интересом склонился над странной кучкой мусора.

– А почему вы считаете, что чашке здесь не место?

– Кофе мы не пили. Алиция сварила, но потом вспомнила про срочную работу...

Тут я осеклась: какого черта, ведь этот забытый эскиз всего лишь моя выдумка, зачем вносить лишнюю путаницу? Но было уже поздно, пришлось на ходу сочинять дальше.

– ... и мне пришлось уйти. Про кофе я совсем забыла. Но если Алиция и пила его в одиночестве – а чашка, как видите, одна, – то навряд ли здесь, за столиком. Не могла же она угощаться, будто не у себя дома. Чашка должна стоять либо на кухне, либо у кровати, либо на письменном столе.

– А эти свечи вы вчера зажигали?

– Нет. Алиция вынула их из шкафа, не знаю зачем, и положила на столик, даже в подсвечники не вставляла.

- Но видно, что они горели. Это наводит на мысль о госте.
- И одна, при госте, пила кофе? А если угощала, то пила и сама. Без кофе она жить не могла.
- Может, у нее был кто-то, кто кофе вообще не пьет?
- Угостила бы чаем. Чем-нибудь напоила бы, да хоть кефиром! Нет, тут что-то не так.

Я и в самом деле считала, что с этой чашкой и свечками дело нечисто – ну кому и зачем понадобилось их расковырять? Заодно не помешало бы отвлечь внимание майора от настенной скрижали. Ведь ему ничего не стоит увязать загадочные письма с ее странной просьбой ко мне. И тогда, как ни прикидывайся непонятливой дурочкой, своей мертвой хватки он не ослабит. Сам он их не расшифрует, тут опасаться нечего, Алиция перед смертью проявила чудеса интеллекта. Надпись была сформулирована столь гениально, что однозначно воспринималась как пометки на память, одна я могла ее разгадать.

Оставив майора в глубокой задумчивости над чашкой, остатками свечей и бардаком на столе, я вернулась в первую комнату, чтобы еще раз взглянуть на Алицию. Может быть, способ, каким ее убили, тоже мне что-нибудь подскажет?

– Как она, собственно, погибла? – спросила я у майора, который, увы, тенью последовал за мной. – От чего?

– Убита каким-то тонким ножом или кинжалом. Орудие убийства мы пока не нашли, но ясно, что лезвие было очень тонкое и очень острое. Ударили прямо в сердце, со знанием анатомии, жертва, скорей всего, в этот момент лежала.

– Что?! По-вашему, Алиция вот так лежала и ждала, пока ее прикончат?

– Очевидно, приняла перед тем снотворное.

– Вздор! – отрезала я. – Алиция ничего такого никогда не принимала! От нервов – еще куда ни шло, но не от бессонницы! Да еще вчера!

– А почему именно «вчера»?

Я неуверенно покосилась на него.

– Вчера у нее работы хватало по горло. Оттого я так рано и ушла. А сегодняшний день был у нее расписан по минутам. Не могла она принимать снотворное, зная... зная, что ее ждет столько дел.

– Быть может, приняла не по своей воле.

– По ошибке? Вряд ли она его вообще держала в доме. Говорю же вам, снотворным она не пользовалась.

– Я хотел сказать, – осторожно протянул майор, – возможно, лекарство

кто-то ей дал в еде или в питье... кто-то, кому понадобилось, чтобы она крепко заснула.

Я вылупила на него глаза, но видеть его не видела, поглощенная мыслью, неожиданно меня осенившей. Ну конечно, способ, каким с нею разделились, тоже должен многое подсказать. Но что именно?

Я уселась в кресло и начала соображать.

Ясно, кто-то сюда приходил. Наведался после моего ухода, но еще до ее звонка ко мне. Этот визит окончательно убедил Алицию, что дела ее плохи. Не дожидаясь условленной встречи, она оставила для меня инструкцию на стене и наказала прийти как можно скорее, чтобы я успела прочитать. Не будь этого звонка, еще неизвестно, когда бы я к ней попала... Свое послание она нацарапала на всякий случай, наверняка надеялась спастись. Должно быть, помешало нечто непредвиденное. Кто-кто, а уж Алиция не ждала бы гибели сложа руки, не из тех она овечек, которые покорно идут на заклание!

Снотворное! Его подсыпал тот гость. Явился, дал ей снотворное и ушел. Должен был уйти, иначе как бы Алиция нацарапала свою надпись и позвонила мне? А потом вернулся...

Да, но разговаривала она со мной совсем не сонная. Это я клевала носом, чего себе в жизни не прощу. У-у, соня бесчувственная!.. Значит, она говорила со мной, еще ничего такого не съев и не выпив. Хотя я не разбираюсь в барбитуратах, наверняка есть среди них и с отсроченным действием. Интересно, а следы обнаружены? Возможно, ей подсыпали что-то в кофе, а выпила она его позже.

Зачем убийце понадобилось, чтобы Алиция уснула после его ухода? А затем, чтобы вернуться и убить ее. Но почему он не сделал этого сразу? Оставил ее в добром здравии, позволил кое-что предпринять... Вот-вот! Интересовался, что она предпримет, напуганная его приходом! Хотел таким образом что-то выведать!

Так кто же это мог быть? Тот, о ком она слишком много знала, или тот, кто хотел сам знать столько же?

И тут меня бросило в дрожь. Может, теперь и я слишком много знаю? Как ни крути, а по всему выходит, что надо держать язык за зубами! Ни в чем не признаваться! Строить из себя дуру набитую, особого труда мне это не составит...

Стоп! Есть еще одно объяснение, простенькое и понятное. Алиция держалась начеку, так просто не далась бы – могла поднять крик, сопротивляться... Убийца хотел сделать свое черное дело без лишнего шума. Или ему зачем-то понадобилось уйти... Скажем, показаться

свидетелям... Ведь Алиция была еще жива...

И тут у меня возникли всякие соображения насчет алиби – не в нем ли собака зарыта?.. Но я сразу запуталась. Ведь убийце все равно пришлось бы вернуться. Нескладно получается.

Как он подсунил ей снотворное? Ну, тут уж додуматься нетрудно, влил или подмешал во что-то, что она непременно должна была выпить или съесть. Что это могло быть? Конечно же, кофе. Кофе первым делом, а еще сигареты, яйца... Если он сделал ставку на ужин, то насчет яиц мог не сомневаться – яйца были ее слабостью.

Я вдруг стала сбиваться с мысли – оказалось, из-за того, что майор пытается со мной заговорить. Но переключиться с яиц мне не удалось.

– Яйца, – вырвалось у меня по инерции. – Может, где-то найдется скорлупа, проверьте, пожалуйста.

– Вы о чем? – удивился майор.

Я кое-как справилась с царящим в голове сумбуром и коротко выложила свои соображения насчет снотворного, изо всех сил стараясь не проговориться о телефонном звонке. Майор задумался.

– Ну что ж, возможно, вы правы. Пока еще ничего не установлено, нет результатов анализа. Яйца, говорите?

Он пошел было на кухню, но на пороге остановился, не решаясь, видимо, выпускать меня из виду, и командировал на исследование мусора своих подчиненных. Потеряв нить мыслей, я теперь наблюдала за его действиями.

– Доктора Гржибека все еще нет? – обратился он к кому-то в прихожей.

– Нет, – ответили ему. – Сегодня его уже не разыскать. Так как, гражданин майор, будем убирать тело?

– Да надо бы. Подождите немного, пока все здесь не закончим, и тогда уж отвезете в морг. Вскрытие придется отложить до завтра.

Меня всю затрясло от этих слов, нечеловеческим усилием я отогнала от себя жуткую картину: прозекторская, а в ней Алиция. Майор снова обернулся ко мне:

– У меня к вам просьба. Позвольте заодно взять у вас отпечатки пальцев. Кому-то другому я бы подсунил для отвода глаз что-нибудь подержать, но с вами незачем ломать комедию, верно?

– Да я и сама хотела предложить, я тут, по-моему, залапала все подряд. Без лишних хлопот сможете меня исключить.

В недобрый час дернул меня черт за язык. Знать бы, сколько еще предстоит хлопот, каким окажется это «исключение», бежала бы куда глаза

глядят. Но ясновидением я не страдала, так что со спокойной душой снова погрузилась в свои догадки и домыслы.

Убийца забрал с собой микрофон, воткнутый вместо сучка в дверной косяк. О галлюцинации и речи нет, тогда я еще была в полном порядке, ум за разум у меня начинает заходить только сейчас. Возможно, тут имелся не один микрофон, возможно, квартира насквозь была нашпигована всякой подслушивающей пакостью. Теперь-то уж поздно гадать. Где он прятал магнитофон? Скорей всего, в каком-нибудь доступном месте – если вообще им пользовался...

Какого черта они раскрошили свечи?

И кто раскрошил? Алиция? Преступник? Сколько времени они горели?

Вот где в первую очередь надо разобраться. Кому и зачем понадобилось превращать в груды стружек красивые красные свечи? Никакого конкретного объяснения в голову не приходило, но чутье подсказывало, что здесь можно найти ключ ко всей загадке. На всякий случай майору об этом лучше не говорить.

Я прошла в другую комнату, якобы заинтересовавшись свалкой на письменном столе. Подсев поближе, напустила на себя задумчивость, в рассеянности уставившись на красный холмик. Да, их зажигали, это заметно невооруженным глазом. Сравнить бы остатки с теми целыми, что у меня дома! Увы, нельзя даже сгрести эти стружки в подобие свечи, майор велел ни к чему не прикасаться.

Осталась жалкая кучка, и на половину свечи не наберется. От силы на треть. Часа три горели, ну, три с половиной. Наверно, она их зажгла, когда пришел этот... гость.

Побыл, ушел, вернулся... Почему не тронул надпись на стене? Дурацкий вопрос, а что бы он сделал? Забрал бы стенку с собой? Соскребать пришлось бы до утра. Но не мог же он не заметить, что надпись появилась после его ухода! Наверняка пытался в ней разобраться. Добро бы человек посторонний, ну а если посвящен в ее дела?..

Я чуть не взвилась в кресле. Силы небесные, а вдруг он все понял?

Майор в это время снимал у меня отпечатки пальцев. Что-то говорил мне, я что-то невпопад отвечала. Ужасная мысль терзала меня: если этот подонок понял смысл завещания, то понял и то, что предназначено оно МНЕ!

И если он не законченный идиот – а все доказывает, увы, обратное, – ему известно, что я сейчас здесь, что завещание я прочла, приняла к сведению, ему ясно, что над его головой нависла смертельная угроза. И теперь он на эту самую голову встанет, лишь бы отвести от нее опасность.

Костями ляжет, чтобы опередить меня! Ну, это мы еще посмотрим. Еще неизвестно, кто кого. Времени, правда, у меня в обрез, надо срочно выполнить все, что мне наказала Алиция. Но как?!

Конверт, который мне нужно найти, лежит в прадедовском кофре. Кофр находится в прачечной, а прачечная – на чердаке одного старого дома в Копенгагене. В Копенгагене, на площади Святой Анны...

– Поздновато уже, – сказал майор, – но хорошо бы вам прямо сегодня съездить со мной для дачи показаний. Пока еще все свежо в памяти.

Я всей душой симпатизировала майору. Я больше всего на свете хотела бы разоблачить и наказать убийцу. Но чего бы мне сейчас хотелось меньше всего, так это ехать к майору для дачи показаний.

Я не владела собой, не владела своей мимикой, паническое мое состояние заметил бы и слепой, а мне надо было стоять насмерть, не проговориться ни словом. Притом пытаться меня будет не кто иной, как майор – у него-то и пень заговорит.

– А может, нам поехать на моей машине? – только и спросила я обреченно. – А то мне некуда ее девать.

Майор согласился не задумываясь.

– Хорошая машина, – воздал он должное моему «вольво». – За границей куплена?

Я кивнула головой и чуть было не брякнула что-то вроде «заработана потом и кровью», но вовремя прикусила язык. Странной истории ее приобретения касаться незачем, да и кровью здесь вовсе не пахнет, а всякого вранья мне предстоит нагородить еще столько, что лучше пока обойтись без него. И вообще я бы на своем месте без особой надобности рта не раскрывала. Молчание – золото!

В управлении мне принесли кофе, я закурила сигарету и постаралась мобилизовать все свои умственные способности. Насколько я знаю майора, глаз у него наметанный, сразу заметит, что душа у меня отчего-то не лежит к правде, но тут уж ничего не поделаешь.

– Вы были очень привязаны к своей подруге? – спросил он скорее утвердительно.

Вопрос поверг меня в изумление; что он такое спрашивает? Была ли я к ней привязана?!

– Сказать «привязана» – значит не сказать ничего, – возмутилась я. – Тут другое. Алиция была для меня не просто подругой. Она была... Она была человеком, которому я доверяла больше, чем самой себе... Погодите, дайте помолчать, я все-таки не железная...

Я вдруг представила себе, что Алиции больше нет, и пришла в такое

отчаяние, что чуть волком не взвыла прямо здесь, в милицейском кабинете. Но не затем я сюда приехала. Алиция возложила на меня исполнение последней своей воли, доверилась мне, и я не я буду, если ее подведу. А того, кто Алицию убил, задушу собственными руками.

Майор присматривался ко мне с участием.

– Я так понимаю, вы очень заинтересованы в поимке убийцы? – с мягкой проникновенностью сказал он.

– Вы правильно понимаете, – ответила я ему не менее проникновенно.

– Тогда перейдем к делу. Когда вы виделись с вашей подругой в последний раз? Желательно поточнее.

Я честно и добросовестно прикинула время, и у меня получилось, что мы попрощались вскоре после девяти. Скрывать тут нечего, а майору может сгодиться.

Сократив наш с Алицией разговор, я сообщила, что обсуждали мы главным образом проблемы квартирного ремонта и станковой живописи, поскольку Алиция собиралась повесить на стену что-нибудь подходящее. Собственно, против истины я не очень и погрешила.

– Потом Алиция пошла приготовить нам кофе, – продолжала я. – Заварила его в термосе – у нее такой термос особый – и принесла в комнату, но разлить не успела. Стала рыться в столе, искала фотографии – хотела показать – и тут наткнулась на забытый заказ. Какой-то эскиз. Она должна была срочно его закончить, чтобы отдать утром, ну, я и ушла, решив не мешать. Помнится, она еще сказала, что завтра у нее пропасть всяких дел.

Для верности я точно держалась диалога, который мы разыграли перед тем сучком в косяке. Мало ли что... Чем дальше несла я околесицу, тем больше впадала в уныние, все яснее представляя себе, какие кошмарные трудности ждут меня впереди. Как найти того типа, который ей делал ремонт? А ведь он может оказаться в этом деле нужной ниточкой. Да что ниточкой – веревкой, морским канатом! А как мне выбраться из Варшавы? Как выйти на людей, с которыми она последнее время общалась?

– После вашего ухода кто-то у нее был, – сказал майор. – Согласен, эта одинокая чашка наводит на размышления. Как вы считаете, кто мог к ней заявиться? Не обязательно убийца.

– Не имею понятия. Возможно, какой-то уважаемый ею человек – ради него она даже свечи зажгла. Или наоборот, из тех, кто всегда в тягость. Не знаешь, чем их занять, вот и выставляешь от нечего делать свечу.

– Либо начинаешь ее кромсать... Кто из ваших знакомых вписывается в такие ситуации?

Я быстро прикинула.

– Да, считайте, с полгорода. Уж чем-чем, а знакомыми Алицию судьба не обидела. Если надо, я, конечно, могу вычислить всех ее приятелей и знакомых, всех, кем она дорожила, но не вижу смысла. Для вас, по-моему, это плевое дело, а я даже не знаю их фамилий, не говоря уж об адресах.

– А как насчет тех, которые были ей в тягость?

– Тут я ничем помочь не могу.

– А разве у пани Хансен врагов не имелось?

– О врагах ничего не знаю. Вообще-то ее все любили. Редкой души человек, кому только не помогала.

– Допустим. Но не убил же ее прохожий с улицы, без всякой причины. Она не упоминала при вас, что кого-то боится?

До сих пор разговор с майором протекал на удивление гладко. И вот наконец задан вопрос, прозвучавший как сигнал тревоги.

– Упоминала, что последнее время нервничает, но почему – не говорила.

Пришлось признаться, а что делать – все равно они обнаружат мою успокоительную микстуру. Кто поверит, чтобы человек пил такую гадость себе в удовольствие? А через фамилию врача на прописи выйдут на меня. Ну ничего, главное – быть начеку и не врать без надобности.

– И вы не расспрашивали? – удивился майор.

– Не особенно. Решила, что из-за свадьбы.

Зря, конечно, я брякнула насчет свадьбы. Но не отмалчиваться же.

– Какой свадьбы?

– Ее собственной. Она собиралась замуж за одного... гм, человека... точнее, иностранца. Из Дании. Уже с год собиралась, да все что-то мешало. Кажется, каких-то бумаг не хватало. Она этим занималась, но так, с прохладцей. По-моему, сама для себя не решила, хочется ли ей замуж.

Все это я старалась выложить майору под видом светских сплетен. А он слушал и явно мотал на ус, что меня очень угнетало.

– А зачем вы ей сегодня звонили? По какому делу?

– Мы с ней договорились встретиться в «Европейском», если она наконец освободится. Вчера я ушла слишком неожиданно, а мы, знаете ли, не виделись целую вечность, я три недели как вернулась из-за границы.

Не успев договорить, я уже поняла, что сболтнула лишнее. Они, конечно, и без меня узнают, но лучше позднее, когда я приду в себя и продумаю тактику.

– Целую вечность – это сколько?

– Полгода.

– Вы пробыли за границей полгода? Вот и попалась.
– Нет, дольше. Около года.
– Значит, первую половину года вы провели там вместе?
– Ну, почти. Когда я приехала, Алиция уже там обосновалась.
– Где именно?
– В Копенгагене.
– А чем пани Алиция занималась в Копенгагене?
– Работала, естественно. И по случаю нашла себе жениха.
– А не было ли там у нее недоброжелателей? Ну как мне на этот раз выкручиваться?!

– Не знаю, – уклончиво сказала я. – Погодите, может, что вспомню.
Имею же я право, отвечая, задумываться. Скорей всего, ниточка тянется из Копенгагена. Что это был за тип, которого Алиция все время старалась избегать? Стоп, я ведь именно там видела...

Мне вдруг вспомнилось, где я видела профиль человека, сидевшего в синем «опеле», и меня чуть удар не хватил. Вот уж вовремя осенило! Я представила его так явственно, как если бы это он сейчас сидел напротив меня. Никаких сомнений, это он, тот самый!

Ну мыслимо ли, чтобы бредовая история, которая со мной стряслась в Дании, имела отношение к Алиции? Неужели?.. Караул!!!

Наконец я обрела дар речи:

– Нет, ничего такого не знаю. Мы с нею доверяли друг другу без того, чтобы нахально лезть в душу. Алиция вполне могла иметь знакомства, о которых мне ничего не известно.

– Ну хорошо, – сказал майор, помолчав. – Какие еще изменения вы заметили в квартире пани Хансен?

– Видите ли, меня сбил с толку порошок, которым вы все обсыпали. Ну этот, для отпечатков пальцев. О свечах и подозрительной чашке я уже сказала, а еще мне кажется, Алицию на диван положили. Сама она никогда в такой позе не спала – говорила, что на спине ее мучают кошмары. Письменный стол мне тоже не нравится, с него вполне могло что-то пропасть. Вчера порядка было больше. Кстати, во сколько точно ее убили? Если, конечно, не секрет...

– Между часом и тремя ночи.

– И он смог в такое время войти? Ведь привратник на ночь подъезд закрывает!

– Мы все проверим. Больше ничего не добавите?

Я глубоко и вполне искренне задумалась, поскольку сама понимала, что из моих ответов каши не сварить. Увы, на ум приходило как раз то, о

чем следовало хранить гробовое молчание.

– Сдаюсь, выдохлась. В голове хоть шаром покати.

– Тогда, чтобы совсем вас не уморить, на сегодня закруглимся. Постарайтесь припомнить все, что может иметь отношение к этой истории – здесь и в Дании. Даже самые незначительные детали. Вдруг какая-нибудь окажется важной.

– Меня вызовут или самой явиться? – спросила я, с облегчением срываясь с места.

– Посмотрим. Наверняка вы еще понадобится, а если что вспомните, звоните сразу же. Прошу передать от меня привет пану прокурору.

– Вы знакомы? – удивилась я. Майор слегка усмехнулся.

– Мы знаем друг друга еще с тех времен, когда он работал в следственном управлении. Даже вместе вели одно дело. Я очень его ценю.

– Спасибо, с удовольствием передам.

«Только этого мне не хватало», – мрачно подумала я, стараясь изобразить приличествующую моменту прощания любезную мину. Помоему, старания мои успехом не увенчались, ну и пусть. Хотелось одного – поскорее скрыться с его глаз! Странно, но допрашивал он меня по верхам – не давил, не влезал в подробности, не задерживал. Ох, не к добру!

– Позволь спросить, где тебя носило? – напустился на меня Дьявол.

Только переступив родимый порог, я почувствовала, до какой степени устала – смертельно, до полного оупения. Даже ужас и отчаяние куда-то отступили. Привалившись к двери, я смотрела на Дьявола с тоской: пытка еще не кончена, теперь вот и с ним играй в прятки.

Дьявол... Уже три года несла я этот свой крест, с тех пор как связало нас приснопамятное убийство в моей конторе – злосчастный плод моего воображения, обернувшийся убийством взаправдашним.

В тяжелой битве, с переменным успехом идущей между нами на личной почве, его укрепляла духом нечистая сила, ну а меня... меня уж и не знаю что. Может, милосердное провидение, оно-то и остепенило меня, подвигло на жизнь праведную. Всякая надобность во вранье отпала сама собой, что при моей врожденной, прямо-таки патологической откровенности оказалось мне на руку, заодно не позволило приобрести в завиральном деле сноровку. Зато Дьявол благодаря этому имел возможность досконально ознакомиться с моей биографией... Н-да, получается, зря я считала, что провидение ко мне благосклонно...

– Алиция умерла, – тихо сказала я.

– Что?!

– Алицию убили.

Дьявол смерил меня пронзительным взглядом, точно прикидывал, что же такого я успела, будучи в нетях, натворить, чтобы прикрываться столь дикой чушью.

– Что ты несешь? – подозрительно спросил он. – Это шутка?

– А ты как думаешь?

Он снова воззрился на меня испытующе. Наверно, вид у меня был не подходящий для шуток, потому что тень подозрения мигом слетела с его лица и он вскочил с дивана.

– О боже! Скорей присядь, а то грохнешься. Сейчас принесу тебе чаю. Алиция убита? Когда? Кем?

– Не знаю. Вроде бы между часом и тремя ночи. Тебе привет от майора.

– Спасибо, – машинально кивнул он. – Не понимаю, ведь она ночью звонила тебе. Ты с ней говорила! С убитой?

Господи! Где мне взять сил, чтобы заново выдержать жуткое напряжение последних часов? Так он слышал?

– Что-о? – простонала я. – Ведь ты спал!

– Значит, проснулся. погоди, заварю тебе чаю. Как быть, соврать, что звонила не Алиция, а какой-то забуддыга? Бесполезно!

Может он мне помочь? Со своим чутьем и талантом – наверняка. Чего только не распутывал на моих глазах, такие головоломки, где сам черт ногу сломит! Распутал бы и эту, я-то даже не вижу, как к ней подступиться.

Могу ли я ему все рассказать? Исключено, ни в коем случае. Если вдруг всплывет, что он узнал от меня какие-то сведения и скрыл, карьере его конец. Что бы я сейчас ни сказала, он побежит докладывать в милицию. С таким же успехом я могу открыться и самому майору. В моем положении, а я себе не враг, остается одно: молчать как рыба и притворяться дурочкой. И так уж, наверно, наболтала лишнего...

Дьявол вернулся с чаем и потребовал полного отчета. Вид у него взволнованный, что случалось с ним крайне редко. Надо признать, еще никогда в жизни не рассказывала я так глупо и бестолково, а ведь отчитывалась не перед кем-нибудь – перед профессиональным прокурором, да еще знающим меня как свои пять пальцев! Ну не пять, ну четыре...

Дьявол слушал молча и на редкость внимательно. В измученной моей голове зашевелилась смутная тревога. Уж очень он напоминал сейчас майора, тот с таким же вот самозабвением вслушивался в мой бессвязный лепет.

Я закончила, а он все молчал. Наконец изволил подать голос:

– Ты чего-то недоговариваешь. Интересно, только мне или майору тоже? Зачем Алиция тебе звонила?

– С чего ты взял, что это была она? – попыталась я уклониться от ответа.

– Не знаю, может, ты Алицией называла для конспирации какого-то своего хахала. Хотя... ведь ты же думала, что я сплю...

– А тебе и полагалось спать, – возмущенно вылетело у меня. – Все у тебя не как у людей.

Под задумчивым взглядом Дьявола тревога в моей душе перерастала в панику, скрывать ее уже почти не удавалось.

– Может, хватит?

– Что «хватит»?

– Темнить. Предупреждаю, если тебя упекут за ложные показания, на мою помощь не надейся. Я умываю руки.

Уж этого он мог бы и не говорить, кто-кто, а он бы все вверх дном перевернул, чтобы меня вызволить, окажись я в застенке за ложные показания или за что-то другое. Испугалась я вовсе не его угрозы.

– Какие еще ложные показания, у тебя уже просто мания. На профессиональной почве.

– Зачем Алиция тебе звонила?

Ну как тут не спятить! Не затем я отделалась от одного допроса, вырвалась из лап майора, чтобы попасть в другие, куда более цепкие. Насколько труднее врать человеку, который знает нас обеих! Похоже, век не видать мне покоя!

– Не знаю. Не помню.

– Помнишь. Зачем Алиция тебе звонила?

– Отстань. Хотела встряхнуться. Работала, одолел ее сон, вот и решила поднять тонус. Разговоры со мной, сам знаешь, способствуют повышению тонуса.

– Особенно у будущих жертв, – уточнил Дьявол и взмолился: – Иоанна, хватит валять дурака. Дело чертовски скверное. Мне твой характер известен, небось вбила себе в голову, что сама найдешь убийцу или что-то в этом духе. Поверь, ничего у тебя не выйдет. Влипнешь в историю, а я заодно с тобой. Лучше скажи, зачем она тебе звонила – ночью, перед самой смертью?

Его слова насторожили меня. Откуда он знает, что дело чертовски скверное?

– Ну что ты пристал, как репей! Может, она хотела скоротать остаток жизни в приятном разговоре и выбрала, естественно, меня. Лучше скажи,

во сколько это было, если случайно помнишь.

– Случайно помню. В двадцать минут второго. Сдается мне, за этим звонком многое кроется. Честно тебя предупреждаю – если майор решит со мной побеседовать, я ему все расскажу. А ты признаешься, зачем она тебе звонила.

– Как бы не так! Я откажусь давать показания.

– Учти, за это сажают.

– Ох, испугалась! Меня сажать не за что. Ты же и подтвердишь, что я храпела у тебя под боком.

– Это не исключает подозрения в соучастии. Замалчивая правду, ты покрываешь убийцу.

– Спятил? Во-первых, кончай пороть ерунду, а во-вторых, сам же говорил – ни за что ни про что не сажают, а то придется потом выпускать, да еще извиняться. Большой прокол для прокурорской репутации.

– Слишком я с тобой откровенничал, – буркнул Дьявол. – А зря. Теперь рядом с тобой чувствую себя идиотом.

– Взаимно.

– И вообще чересчур много ты знаешь.

– Велика беда! – фыркнула я и осеклась: то же самое Алиция говорила о себе!..

Нет, так дело не пойдет, нужно все до мелочей обдумать. И как можно скорее, а то я, кажется, доболтаюсь. При всем своем старании не могу скрыть, что знаю больше, чем пытаюсь показать, а Дьявол ведь не слепой. Эх, посоветоваться бы, обсудить, переложить эту ношу на его плечи... Райское блаженство! Увы, рай не для меня, мой интеллект обречен на адские муки!

– Душа моя, заклинаю, уймись наконец! – запросила я пощады. – Там майор, здесь ты – не многовато ли на бедную мою голову? Дай опомниться, а то я сейчас рехнусь и сама себя начну подозревать черт-те в чем. Или ты сей момент отстанешь от меня, или я сбегу из дому!

Наконец он хоть ненадолго от меня отцепился. Даже скрылся с глаз долой в ванную. Под шум воды я с облегчением перевела дух, закурила и стала прикидывать что и как.

Где начало всей этой кошмарной истории, завершившейся убийством? Не знаю. Видимо, теряется во мраке прошлого. Уходит в глубь тех времен, о которых Алиция неохотно говорила и неохотно вспоминала, хотя для нее они были светлым, счастливым пятном в ее жизни. Это были годы великой, беззаветной любви к человеку, который того не стоил.

Мы с нею тогда еще не знали друг друга, но о ее романе я

впоследствии наслышалась достаточно, чтобы иметь представление. Он был женат, но это еще полбеда, беда в том, что он оказался агентом иностранной разведки. Алиция, блестяще знавшая немецкий язык, познакомилась с ним, когда он служил культурным атташе в одном из западных посольств, и очень долго не догадывалась о внештатной деятельности своего возлюбленного. Не знала она и о жене – факт ее существования скрывался не менее тщательно. Обе тайны всплыли на свет божий одновременно, в обстоятельствах весьма драматичных, атташе поспешно отозвали, а Алицию ждали крупные неприятности. Вдобавок ко всему выяснилось, что великая эта любовь не совсем взаимна, возлюбленный добивался не столько ее сердца, сколько сотрудничества. В последнем она категорически отказала, сердцем вроде бы тоже охладела, но у меня создалось впечатление, что остатки былой симпатии все-таки еще теплились в ее душе. Окончательно порвать с ним всякие связи она так и не решилась. Разными путями и через разных лиц передавал он ей пылкие приветы, пытался объясниться, оправдывался, даже упоминал о разводе, а Алицию от каждой невинной весточки, от каждого привета бросало в дрожь, потому как меньше всего на свете ей хотелось оказаться за решеткой, да еще в роли врага Родины. Через несколько лет подозрения с нее сняли, вернули выездной паспорт, но от своих страхов она так и не избавилась, обжегшись на молоке, дула на воду.

Кто знает, не было ли для такой осторожности своих причин? В том посольстве у нее оставалось множество знакомых, постоянно кто-то ехал туда, кто-то обратно, постоянно вертелись возле нее люди, лично знавшие того субъекта, и, чем черт не шутит, возможно, даже его преемники по внештатной деятельности. Вдруг она случайно соприкоснулась с чем-то нелегальным? Скажем, вопреки ее воле до нее дошла какая-то информация... Кстати, судя по тому нашему разговору, таки дошла.

Копенгаген. В Копенгагене тоже полно посольств и всяких людей из той страны. Алиция получала массу писем на самых разных языках. Я их не читала, но допускаю, что письма могли приходить как от родных, писавших о гриппе племянника, так и от того субъекта, и в них он, скажем, доверительно сообщал, что собирается выведать кое-какие секреты государства, политическая система которого ему несимпатична. А у Алиции характер был...

А у Алиции характер был аполитичный, вне времени и пространства, не признающий никаких границ... Для нее существовал только один критерий: порядочный это человек или дрянь. Остальное – статус, идейные взгляды – не имело значения. Но и тут кое-какие вещи казались ей

несовместимыми с порядочностью, среди них и шпионаж – на любом уровне, в любом его проявлении. Алиции одинаково были противны что ябеда в яслях, что ас международной разведки. Подняться в атаку на танки со штыком – это пожалуйста, это она понимала, другое дело – заниматься чем-нибудь скрытно, хотя бы из чувства патриотизма.

Зато ни за какие сокровища она бы не выдала сведений, доверенных ей по секрету. Ближайшей подруге не открыла бы глаза на мужа, если бы тот исповедался перед нею в супружеской измене. Любимому человеку не сказала бы, что контрразведка его засекла, получи она эту информацию конфиденциально.

Рано или поздно, тем или иным путем в ее руках скопилась чересчур богатая информация. Наверняка она понимала, какими это для нее чревато последствиями. Ну и в согласии со своим характером пыталась сама решить, как ей поступить с опасной информацией, никого при этом не подставляя. Результат оказался не тот, на который она рассчитывала...

И вот теперь мне доверено распутать – распутать, а не разрубить! – этот гордиев узел...

В последнюю минуту она успела подсказать, где найти концы. Есть и еще один наказ: ни в коем случае не подпускать к частным ее делам посторонних, так что разбираться нужно самой, привлекая других лишь в случае крайней необходимости.

Но и это, к несчастью, не все...

Сколько я ни гнала от себя ужасную догадку, пришлось взглянуть в лицо фактам. Своими собственными, матушкой-природой дарованными глазами я видела, что Алицией интересовался тип с перебитым носом. А с этим типом, чего уж вилять, у меня тоже кое-что связано!

«Я боюсь за тебя...» Так сказала Алиция, а она-то знала, что говорит. Я пропустила ее слова мимо ушей, пропустила с непростительным легкомыслием, объяснимым разве что внезапным затмением ума. Теперь затмение это прошло, и я за себя боялась, боялась панически.

Предположим, Алицией интересовался не только агент иностранной разведки, которого она на свое горе испугнула. Одной лишь мне ясно, что Алиция со шпионажем не могла иметь ничего общего, я чересчур хорошо изучила ее нрав, взгляды, ее железные принципы.

Не мытьем, так катаньем, не в лоб, так по лбу... С тем же успехом и наша госбезопасность могла решить, что Алиция для нее опасна. Зная слишком много, она могла неожиданно спутать им карты, предупредить кого не следует, вступить, наконец, с этим человеком в сговор... Если наши органы видели в ней врага, то, конечно, глаз с нее не спускали. Не

исключено, что ее считали причастной к шпионажу, но не арестовывали, чтобы выйти на других. Контрразведка, в конце концов, не всеведущий святой дух, а значит, к этим другим вполне могла причислить и меня...

Так что же получается? Я вроде бы тоже теперь знаю слишком много. Если всемогущая госбезопасность интересовалась Алицией, что вполне вероятно, то заинтересуется теперь и мною. Я бы и сама заинтересовалась. Ох, еще накличу беду! Кто бы ни убил Алицию, кто бы ни приложил к этому руку, сейчас он наверняка сориентировался, что я знаю слишком много. Возможно, все действующие лица даже преувеличивают мою осведомленность. Мне же любой интерес к моей скромной особе совсем ни к чему. Всякие там разведки бьются в кровавой схватке, а на поле битвы оказывается очередная невинная жертва, сначала Алиция, потом я... Завидная перспектива!

Но выйти сухой из воды будет нелегко, тут ведь еще путается под ногами этот урод с перебитым носом...

Что же остается в результате? Только одно: заставить всех поверить, что я ничегошеньки не знаю!

Значит, так. Я недоразвитая дура, тупица, святая простота, склеротичка и кто там еще, ничего не знаю, не видела, не слышала. И вообще не понимаю, чего от меня хотят. А теперь подведем итоги и сделаем практические выводы.

Алицию убили. Таков главный факт, не подлежащий сомнению. Завещание, нацарапанное на стене, велит мне разыскать в Копенгагене конверт. Понятия не имею, что в нем, может, сведения об убийце, а может, чужое послание, которое она не успела передать кому следует, – помнится, был у нас такой разговор. Пока остается только гадать, выясню на месте. Но когда еще я туда доберусь, надо бы, не теряя времени, кое в чем и здесь разобраться.

В дверной косяк был встроен микрофон. Дело нехитрое, тут особого ума не надо. Взяли и установили такую штуковину при ремонте квартиры. Не торчала же хозяйка неотлучно у маляров за спиной. Под косяком должен сохраниться след проводки, надо бы косяк отодрать и проверить, куда она ведет. Но вероятней всего, использовался не магнитофон, а радиосвязь, ведь не любители же участвовали в преступлении. В косяке спрятали передатчик, а приемник можно установить где угодно, да хоть в автомобиле. А там уж пиши себе на пленку сколько влезет. Наверняка замешан кто-то из шабашников, маляр либо подручный, нужно выяснить. Интересно как?

О том, что у нее кто-то есть, она сказала мне на лестнице. Убийца,

конечно, не слышал. Явился к ней в гости, с какой-то целью напугал – и ушел. Не нравятся мне эти свечи. Ох как не нравятся!..

Похоже, горели они часа три. Так, прикинем... Я вышла от нее в девять с минутами. Она позвонила мне в двадцать минут второго. Итого четыре часа. За сколько времени можно нацарапать надпись? Скажем, за четверть часа, на штукатурке это делается легко, но надо ведь и обдумать. И не бросилась же она к стене сразу, как только гость вышел, значит, кладем на все про все полчаса. Нет, при госте так раскромсать свечи не хватило бы времени, это точно. Разве что над ними потом, после звонка, потрудились.

Смерть наступила, по заключению врача, самое позднее в три часа. Итак, от звонка до убийства имеем один час сорок минут. Меньше, она ведь успела заснуть. Но даже если на действие со свечами оставалось лишь полчаса, не исключено, что это ее рук дело... как не исключено и другое – это мог сделать убийца. А мне позарез надо знать точно, я ведь даже не представляю, какой величины та штуковина, которую Алиция хотела им отдать, и спрячешь ли ее, допустим, в свече? Кстати, убийце такая мысль тоже могла прийти в голову...

Пока я прикидывала, что ему могло прийти в голову, а что нет, что он знал, а чего не знал, что было в свечах на том месте, где полагалось быть обыкновенному добропорядочному фитилю, у меня ум за разум зашел. Пришлось отключиться от свечной проблемы, а то перебирать бы мне все версии с раскромсанными огарками до конца своих бранных дней. Отключилась я на мысли, что свечи могут означать многое и даже более того. А именно: к Алиции приходил кто-то из близких знакомых, таких, кого потчуют кофеем и прочим, привечают по-старосветски, со свечами, – словом кто-то, перед кем Алиция притворялась, что ничего такого за ним не знает, хотя он был из тех людей, о которых она знала чересчур много. Близкий знакомый! Так, может, я тоже его знаю?..

Гость посидел, напугал ее, подмешал снотворного в еду или питье и пошел себе к чертовой матери. Потом, когда она уже спала, вернулся, вытащил микрофон, прочел запись на стене и сполоснул чашку, из которой пил. Ну конечно, как же до меня не дошло сразу – он ее сполоснул, чтобы не оставлять после себя следов! Стало быть, одна я знаю, что он побывал там дважды, майор может только строить догадки по свечам, о боже, отцеплюсь я наконец от этих огарков?

Ну да, ему пришлось помыть чашку, всего остального он, возможно, и не касался, и только потом надел перчатки, ведь не в перчатках же он угощался кофе!

Неплохо – кажется, ход событий я нащупала правильно. По-другому они не укладываются. Но это пока что капля в море.

Следили за нею, ездили. Кто? Да очень просто – либо те, либо другие. И те и другие интересовались, с кем Алиция встречается, с кем разговаривает и не делится ли, упаси господи, своей информацией. Преступники к тому же догадывались, что в руки к ней попало что-то весьма нежелательное, и стали за этой штуковиной охотиться. С другой стороны, – прискорбно, но факт – чувствуется почерк наших родимых органов, для которых такая упорная слежка, конечно же, сподручнее.

А тип в синем «опеле»? Боже милосердный! Ошибки быть не может, я видела его в Копенгагене, помню даже где и когда, такое не забывается. Выходит, все это непостижимым образом связано с тамошним моим приключением. Здесь он, значит, увязался за Алицией... А что если у меня дома тоже вмонтирован микрофон?!

У меня прямо чуть волосы на голове не зашевелились, но впадать сейчас в панику было бы непозволительной роскошью. Прежде всего надо трезво обдумать, понял ли убийца завещание. Допустим, понял. Тогда мог ли он с такой же легкостью вычислить место? Исключено. Считанные люди знают прачечную на площади Святой Анны, тем более что это не совсем прачечная. А главное – от нее имеется всего два ключа, один у меня и второй у хозяина, а уж он-то вне всяких подозрений. Уж если родственник датского короля – участник шпионской аферы, тогда я – английская королева!

А подделать ключ к прачечной в старинном аристократическом особняке – дело, надо сказать, нешуточное. После девяти вечера туда не попасть даже друзьям хозяина, который, кстати, доводился Алиции другом.

Но днем, положим, войти можно. С помощью отмычки... или чего-нибудь такого.

В голове у меня воцарился дикий ералаш, казалось, легкое помешательство либо, на худой конец, мания преследования мне гарантированы. Некий тип в маске на моих глазах стал отпирать одну за другой двери и наконец вытащил из кофра конверт. Нет, только не это! Надо ему помешать! Как мне, черт побери, попасть в Копенгаген?!

– Ну и что ты надумала? – прозвучал голос Дьявола. Как гром среди ясного неба! У меня чуть сердце не разорвалось. Он, оказывается, просидел все это время в комнате, усердно за мной наблюдая. Такой блеск в глазах, насколько я его изучила, мог быть вызван лишь двумя причинами: интересом к какой-нибудь красотке или сенсационным открытием в следственных его делах. Интерес к красотке в данный момент отпадал,

тогда что же он, глядячи на меня, открыл? Надеюсь, я не говорила сама с собой?

– Показания давать отказываюсь, – отрезала я. – Все сходится на том, что это я ее убила, а ты был моим сообщником...

Майор вызвал меня на следующий же день. К счастью, лишь к трем часам, так что удалось переделать массу дел. В паспортном бюро я разузнала, что если буду совсем уж настырной, то смогу выехать без приглашения. Подала заявление, приложила справку о легальной сумме валюты и заполнила прошение о визе в датское посольство. Оставалось лишь набраться терпения и ждать.

Потом, вконец выдохшись, отправилась к майору.

– Вы именно та особа, с которой убитая в последнее время больше всего общалась, – объявил он, с нескрываемым интересом глядя на меня. Небось примеривался, какими такими клещами вытащить из меня правду – бедняге и в страшном сне не могло присниться, чего это будет ему стоить.

– Вы знаете о ее делах – во всяком случае, должны знать – больше, чем кто-либо другой. Пожалуйста, перескажите в подробностях весь ваш разговор у нее на квартире. Буквально все, что помните.

Я, конечно, помнила весь разговор, слово в слово, но разрази меня гром, если бы смогла вспомнить, как переврала его вчера майору. Вдобавок вопрос наводил на мысль, что микрофоном пользовалась все-таки не иностранная разведка... Как бы там ни было, пришлось врать дальше. Поначалу майор стал выпытывать, почему Алиция нервничала...

– Неужели вы не обсуждали причину? Не упоминала она, к примеру, что кого-то боится? Что у нее есть враг?

– Клянусь, не знаю ничего о врагах. Почему нервничает, тоже не говорила. Я велела ей пить мое лекарство, сказала, что помогает и что сама выпила почти полную бутыль.

– Какое еще лекарство?

– Бесподобное! Мне его когда-то прописал один врач, он долго трудился над его составом – чтобы действовало как успокоительное и вместе с тем не притупляло мозги, не усыпляло. Я периодически возобновляю рецепт. Потрясающее пойло! Не знаю, из чего сделано, но пакость редкостная, столь же мерзкое на вкус, сколь и целебное. Вот только быстро прокисает. Пару дней тому назад я дала Алиции целую бутыль. Да, забыла – оно без побочных эффектов.

– И впрямь волшебный эликсир. Так, значит, ваша подруга в последнее время нервничала?

Про тот день, когда Алиция меня навестила, я и не собиралась скрывать. С какой стати? Мы с ней провели время вполне невинно, за игрой в бридж.

– Ага, – в раздумье протянул майор. – А в последнюю ночь она звонила вам, чтобы еще раз пожаловаться на нервы?

– Ага, – в тон ему ответила я. – Вижу, вы уже пообщались с дражайшим моим господином и повелителем? Поражаюсь его чуткому сну. Да, было такое дело, звонила – расстроенная. Думала, вдруг я еще не сплю. О чем говорила, увы, не помню.

– Совсем ничего не помните? Может, все же словечко-другое отложилось в памяти? К примеру, она сказала что-то странное, озадачивающее?

– Да нет. Ерунду порола. Я даже подумала, не пропустила ли она чего для настроения, и удивилась – у нее ведь была срочная работа. Она ответила, что весь вечер просидела не разгибая спины и решила отвлечься.

– Почему вы не сообщили о звонке сразу? Это же в какой-то степени уточняет время убийства.

– Совсем из головы вылетело. Да и не знала я, когда она мне звонила.

– А теперь знаете?

– Вроде бы в двадцать минут второго.

– Ну хорошо. Вы говорили, что ваша подруга собиралась замуж за иностранца. А как же пан Барский?

Я в изумлении уставилась на майора – пана Барского я совсем упустила из виду. В голову не пришло, что его первого пристегнут к делу! Не хватает еще, чтобы они вцепились в этого невинного агнца!

– Да никак. Он уже давно смирился! Благороднейший человек, джентльмен до мозга костей! Ни слова упрека не высказал, да и вообще воспринял ее решение на удивление спокойно.

– Вы уверены? Пан Барский горячо симпатизировал пани Хансен и, похоже, ждал ее возвращения с большой надеждой...

Кто ему наболтал? Дьявол не мог, он разбирается в ситуации. Ох уж эти родственнички...

– Какое-то время ждал. Но потом, по-моему, сориентировался, что к чему. Алиция деликатно объяснилась с ним по телефону, я знаю с ее слов. После ее возвращения они все обсудили и остались друзьями. Короче говоря, он оказался на высоте.

– И тем не менее пан Барский остался ей верен, частенько навещал, прогуливался под окнами.

Черт бы побрал этого Збышека с его романтическими заскоками! Так

оно и было, он действительно смирился с утратой Алиции, но на правах преданного до гроба воздыхателя. Посылал ей цветы, прогуливался, если позволяла погода, под окнами, оказывал самые разные услуги – тактично, неназойливо, как верный друг. Вероятно, утешал себя тем, что из них двоих прискорбное непостоянство чувств проявила Алиция, и посему в глубине души ощущал себя рыцарем печального образа. На беду, он слыл человеком чересчур ранимым, склонным к непредсказуемым поступкам, и мы с Алицией, честно говоря, не были уверены в свое время в его реакции. Беспокоились мы зря, все обошлось, но наши знакомые до сих пор ожидали, что Збышек возьмет да и выкинет какой-нибудь фортель. Ну как тут обойтись без пикантных пересудов?

– Мало ли что! – решительно отрезала я. – Пана Барского советую в расчет не принимать. Если он собирался ее убить, то сделал бы это еще полгода назад.

– Не знаю, в курсе ли вы, но у пана Барского на тот вечер нет алиби. У нас имеются все основания полагать, что именно он приходил к пани Хансен после вашего ухода.

Если майор хотел сбить меня с толку, то мог себя поздравить. В моей версии убийства Збышеку не было места! Не Збышек же накормил ее снотворным! А если и побывал у нее, то когда?

– Не понимаю, – вырвалось у меня. – Вы уверены?

– А почему бы и нет? Принимала его при свечах... Ну не говорить же ему, что убийца заходил к Алиции дважды. А если и скажу, то чем это поможет Збышеку? Как быть? Я тупо уставилась на майора.

– Вас что-то смущает? – проницательно спросил он.

– Не понимаю, – беспомощно повторила я. – Если бы Збышек заходил, она бы не звонила. И вообще...

– Расскажите о пане Барском. О его характере, занятиях.

После двадцатиминутной экзаменовки майор знал о Збышке больше, чем я сама. Наконец-то можно было держаться правды – к счастью, ничего плохого я о нем не слышала, во всяком случае такого, что могло бы ему навредить. Блаженны не кривящие душой!

– Можно мне тоже задать вопрос? – робко заикнулась я, покончив со Збышком.

– Пожалуйста.

– Наверняка вы уже допросили привратника и всех соседей. Кто ее навещал поздно вечером?

– В том-то и дело, что Барский.

– Не может быть! Барский вышел от нее в час двадцать?!

– Нет, раньше. Но потом наведалься еще раз, точное время его ухода не установлено. А почему вас это удивляет?

Удивляет! Не то слово. Меня чуть удар не хватил. Получается, Збышек в тот вечер вел себя так, как повел бы себя убийца! Черт его дернул! Но при чем тут Збышек, не он же вмонтировал микрофон в ее квартире, не он следил за нею, да и к конверту в копенгагенском кофре он никакого отношения не имеет! Нет, исключено! Какое-то кошмарное стечение обстоятельств!

– Может, вам еще что-нибудь вспомнится? – любезно поощрил меня майор. – Какая-нибудь деталь, которая сняла бы с пана Барского подозрения?

– Больше ничего не помню, – вяло и, боюсь, не очень убедительно прояснила я. – Но все это очень странно, не вижу никакого смысла...

Майор еще немного меня помытарил и наконец отпустил с миром.

– Вероятно, скоро снова свидимся, – ласково сказал он. – А пока все хорошенько обдумайте.

Мог бы мне и не советовать, я только этим и занималась всю дорогу, да так увлеченно, что лишь за Южным вокзалом спохватилась, что заехала не туда. Странное поведение Збышека довело меня почти до нервного расстройства. Я развернулась, но поехала не домой, а погнала машину напрямик к нему.

Застала я его в невменяемом состоянии.

– Пан Збышек, что вы такого натворили?!

– Пани Иоанна, вы себе не представляете!.. Столкнувшись в дверях, мы наперебой запричитали, а потом долго еще не могли договориться, кто первым должен высказаться, – каждый любезно уступал свою очередь. Наконец Збышек сдался.

– Пани Иоанна, можете себе представить? Они дают мне понять, что подозревают в убийстве Алиции! Сегодня вызывали в милицию, а я только сегодня узнал, Галина мне позвонила. Боже, какой ужас! Чудовищно! Не могу себе простить, что не зашел туда! Ох, извините, присаживайтесь, я совсем голову потерял. Чего-нибудь выпить? Ужасно, невыносимо!

– Не представляю... ничего не надо... я за рулем, куда вы не зашли?! – выпалила я, плюхнувшись в кресло.

Збышек скрылся за кухонной дверью и вскоре вернулся с запотевшим сифоном и бутылкой виски.

– Простите? Вы что-то сказали?

Пока я соображала, что именно повторить в первую очередь, Збышек уже налил. Я вспомнила, что в водительских правилах что-то говорится о

двадцати пяти граммах.

– Мне побольше содовой. По второй не буду, я за рулем. Куда вы не зашли?

– К Алиции! Век буду казниться! Возможно, удалось бы помешать!

– Как это не зашли, ведь вы там были! Какого лешего вас к ней понесло?

Збышек в крайнем возбуждении пытался не глядя поставить сифон на блюдце, отчаянно стуча по его краям, наконец сдался и опустил сифон на пол.

– И вы туда же? Им я не удивляюсь, но вы?!

– Пан Збышек, я для того сюда и явилась, чтобы узнать все от вас. Так были вы у нее или нет?

– И да и нет, – тяжело вздохнул Збышек и наконец уселся. – Был, но в квартиру не заходил.

– Тогда какого черта?..

– Мне трудно объяснить, пани Иоанна. Вы знаете мое отношение к Алиции. Несмотря ни на что, я сохранил к ней привязанность. Последние дни меня донимала депрессия, вчера я пошел к Алиции, поднялся уже по лестнице, хотел позвонить, но услышал, что она с кем-то разговаривает, и не решился. Вышел на улицу. Послonyaлся по Мокотову. Потом снова потянуло к ней, перекинуться хотя бы словечком, но я колебался... Стоит ли навязываться? Да и поздно уже было, тогда я решил вернуться домой. Теперь остается только волосы на себе рвать!

– Да уж. Как-то у вас нескладно все получилось, – мрачно буркнула я, подумав про себя, что Збышек может оказаться бесценным свидетелем. – Вы хоть помните, в котором часу это было? Вам известно, что я тоже к ней заходила?

– Нет. В самом деле? А когда? Может, она как раз с вами разговаривала?

– Не знаю. Во сколько вы к ней поднялись?

– Примерно в половине десятого или чуть позже. На часы я не смотрел, но из дому вышел после девяти.

Поднялся к ее двери, постоял еще несколько минут на площадке, сошел вниз, потом вернулся, никак не мог решиться...

Глаза б мои на него не глядели. Небось целый день казнил себя, будто вся вина за смерть Алиции лежит только на нем!

– Пан Збышек, очень вас прошу сосредоточиться, – решительно потребовала я. – Меня там уже не было. Алиция разговаривала с убийцей! Может, вы что-то расслышали?

Во взгляде Збышека отразилось такое отчаяние, что казалось, он и впрямь начнет рвать на себе волосы.

– Если бы я знал! Слышался ее голос, по-моему, из кухни. Я ни словечка не разобрал. Какое-то невнятное бормотание.

В квартире Алиции от кухни до лестничной клетки расстояние ближе, чем от кухни до комнат. Значит, ей пришлось говорить довольно громко. Если Збышек не разобрал ни слова, можно предположить, что она говорила на неизвестном ему языке. Немецкий не в счет. Немецкий он знает. По-датски?..

– А когда вы пришли во второй раз?

– Совсем уже поздно. И лишь у дома сообразил, как долго слонялся. Еще немного посидел на скамейке на аллее Независимости, ну, знаете, возле садовых участков. Выкурил почти все сигареты. Когда поднимался по лестнице, посмотрел на часы – было полвторого.

О ужас, что же он натворил! Единственное, что могло обеспечить ему алиби, – это ее звонок ко мне, так его ведь угораздило заявиться позже!

– Дверь вам открывал привратник?

– Он самый, я потому и посмотрел на часы – сообразил, что уже поздно. Он ведь закрывает в двенадцать.

– А когда вы ушли?

– Не знаю, постоял еще на лестнице, курил. Позвонить не решился, хотя видел с улицы свет. Когда уходил, дверь внизу оказалась незапертой, наверно, привратнику надоело всякий раз вставать. Какой кошмар, не верю!

Безнадежная ситуация! Я-то нимало не усомнилась в невинности Збышека, но у майора есть все основания прицепиться к нему. Спасти его могут лишь мои обстоятельные показания. Майор ведь стреляный воробей, сразу смекнет, что речь идет о вещах намного серьезнее, чем месть на почве ревности. А мне, как на грех, надо держать язык за зубами!

Я пыталась утешить Збышека, но у самой на душе кошки скребли, так что не очень у меня получалось. Под конец, единственно для успокоения совести, ни на что не рассчитывая, спросила:

– Вы случайно не в курсе, кто ремонтировал ей квартиру? Неплохо покрашено, мне бы так.

– Фамилии не помню, а видеть – видел, – с рассеянной любезностью ответил убитый горем Збышек. – Если он вам нужен, попробую разыскать.

Я чуть не захлебнулась остатками виски – по правде говоря, совсем не надеялась найти какие-нибудь следы здесь, в Варшаве. Думала, что смогу кое в чем разобраться лишь в Копенгагене. Неплохое начало!

– Конечно, нужен! Еще как нужен! Срочно мне разыщите! Буду вам до

гроба признательна!

Збышек слегка удивился моей горячности, но мастера найти пообещал, правда не сразу. Я согласилась подождать, но самую малость. Ясно, что он невиновен, иначе открестился бы от такого знакомства, зачем ему афишировать свою причастность к пиратской радиофикации?

Я распрощалась с ним немного обнадеженная и в то же время расстроенная. Не нравилось мне его состояние.

Можно себе представить, сколь серьезные падут на него подозрения и как он их воспримет. В последнее время со здоровьем у него было из рук вон плохо, что-то с нервами, все-таки разрыв с Алицией дался ему нелегко, и меня мучили дурные предчувствия. Неужели я позволю возводить напраслину на это невинное создание?

Но тогда придется сказать всю правду. Еще раз, на трезвую голову, я прикинула все за и против.

Существуют две помехи. Первая – нельзя нарушать волю Алиции. Если в ее жизни было нечто такое, о чем она умалчивала, то мне тоже надо это скрывать, вот только что именно? Откровенничая вслепую, как бог на душу положит, я могу разболтать самые сокровенные секреты, которые следствию нужны не больше, чем собаке пятая нога.

Вторая помеха – страх за собственную шкуру. Ужасно хочется пожить еще немного – в покое и на свободе. Нечего закрывать глаза и играть с собой в прятки. Как ни крути, иностранные спецслужбы придется со счетов сбросить – кто еще мог следить за нею с таким упорством денно и ночью, как не наши бдительные органы? В чем-то они ее подозревали и держали на крючке. А вдруг неспроста? Ну как прикажете поступить, заявиться с бухты-барашки в госбезопасность и брякнуть: «Уважаемые органы, по моему, вы глубоко заблуждались насчет моей подруги, не тот у нее характер для шпионажа, а в результате вашей ошибки какой-то подонок отправил ее на тот свет. Что касается меня, то я знаю нечто такое, чего не должна знать, и поэтому собираюсь в Копенгаген, чтобы схоронить это с концами». Допустим, моя подруга выглядит в их глазах врагом и преступницей, кем тогда буду выглядеть я? На что я рассчитываю, не ответят же мне: «Примите наши сожаления, мадам, раз вы утверждаете, что в отношении этой дамы мы оказались плохими психологами. Извините нас за ошибку, а с вашей информацией делайте, что хотите, хоть подавитесь, хоть похороните в Копенгагене, нам она не нужна». Мне пришлют букет роз, и при каждом удобном случае мы будем обмениваться заверениями во взаимном почтении. Прямо как в жизни.

Нет, мне не удастся доказать, что Алиция была самым что ни на есть

законопослушным гражданином нашего общества – ничем таким не занималась, не интересовалась, не располагала – в том-то и беда, что она располагала излишней информацией. Мало того, я тоже знаю лишнее, да еще самым дурацким образом впуталась в какую-то тайну, а потому единственный для меня выход – оставаться в тени.

Нет, я ничего не могу доказать. Ничего не могу поделать. Разве что повеситься. А поскольку вешаться неохота, придется гнуть ту же линию: держать язык за зубами и прикидываться дурочкой – вплоть до отъезда в Копенгаген.

– Иоанна, зачем тебе маляр? – прямо с порога вцепился Дьявол.

Я посмотрела на него с неодолимым отвращением. Майору запросто удалось бы заговорить зубы – собираюсь, мол, перекрасить стены, – но с Дьяволом этот номер не пройдет. Портит мне всю игру. Да еще они, кажется, вошли в контакт и теперь едины в двух лицах, так что врать им надо одно и то же.

– Собираюсь перекрасить квартиру, – невозмутимо заявила я. – А почему ты спрашиваешь?

– Не рассказывай сказок. Збышек сейчас хоть и на подозрении, но человек он воспитанный и правдивый, от вопросов не увиливает. В отличие от тебя.

– А что, я у вас под колпаком? – удивилась я. – Вот уж не заметила.

– Не беспокойся, и не заметишь. Наконец-то я все о тебе буду знать, – с удовлетворением сказал Дьявол.

– На здоровье. А вот от Збышека советую отцепиться. Зачем травмировать добропорядочного человека?

– Он у нас подозреваемый номер один. На месте майора я бы его уже посадил.

Мне стало нехорошо. Если Збышека посадят, выхода у меня не будет, придется заговорить.

– Надеюсь, майор не настолько глуп.

– Уж, конечно, поумнее тебя. Я ознакомился с твоими показаниями и только руками развел. Одно из двух: или ты строишь из себя круглую идиотку, или сама убила Алицию. В последнее верится с трудом, так что остается первое. Прикидываешься слабоумной, чтобы кого-то спасти, а ведь Збышек – единственный человек, который в этом нуждается.

– Несносный ты человек! Отстань от Збышека, не нервируй меня.

– Отстану, если скажешь, зачем тебе маляр.

– Для малярных работ, зачем же еще.

Дьявол изучал меня с нескрываемым интересом.

– Что-то ты задумала. А Збышека выгораживаешь очень глупо. Могла бы и больше интеллекта проявить. Зачем тебе маляр?

– Это ты правильно заметил – если бы пришлось выгораживать Збышека, интеллекта у меня бы хватило. Впрочем, для тебя все бабы – дуры. Будешь обедать?

– А что, есть обед? – удивился он, мигом позабыв про маляра, что, собственно, от него и требовалось. – А я как раз собирался спросить, чем здесь так пахнет.

Я саркастически поджала губы.

– Гусем. Я ведь среди баб не исключение – тоже иногда дурь находит. Попролам с ленью – просто не хотелось стоять за мясом.

Надо сказать, стоило мне что-нибудь эдакое приготовить, как у детей моих именно в этот день проявлялась достойная всяческих похвал пунктуальность. Таинственным образом запах экстраординарного яства поражал их обоняние даже на другом конце города, и я могла быть на сто процентов уверена, что к обеду они заявятся минута в минуту. Сегодняшний день не стал, увы, исключением, и это обстоятельство окончательно меня погубило.

Когда Дьявол в триста семьдесят восьмой раз поинтересовался, зачем мне маляр, зазвонил телефон. Мы как раз всей семьей управились с гусем. Вопреки установившемуся ритуалу и, наверно, служебным предписаниям, майор напросился повидать меня теперь дома. Я откликнулась на его предложение с таким энтузиазмом, как если бы оно прозвучало в недавние добрые времена.

Дверь открыло, как на грех, младшенькое мое дитя, оказавшееся дома из-за проклятого гуся. Ужасный ребенок лично знал майора.

– Ух ты, – восхитился он, завидев гостя. – Вы пришли за мамой из-за того, что она не там развернулась?

В первый момент я не поняла, о чем он говорит, и не успела, на свою беду, спровадить ребенка с глаз долой. Майор же машинально переспросил:

– Говоришь, не там развернулась? А где это – не там?

– Так вы не знаете? – удивился ребенок. – На Маршалковской. Возле площади Дзержинского, в субботу. Со средней полосы свернула влево, я видел из автобуса. Они ехали с пани Алицией.

Мне стало худо. Какая все-таки у этих детей цепкая память, особенно когда не надо! Была бы у них такая же в школе!

– Марш отсюда, детка, – сказала я упавшим голосом. – Вижу, змею пригрела на материнской груди. Иди в свою комнату и учи уроки.

Он ушел, да что толку – слишком поздно! Дьявол увязался за ним и вскоре вернулся, вооруженный информацией обо всех моих субботних трюках за рулем. Зная собственного ребенка как облупленного, я могла не сомневаться, что мои маневры у площади Дзержинского обрисованы им во всех деталях, включая марки, цвет и номера всего того, что ездило и стояло поблизости. Наверняка он получше меня запомнил приметы синего «опеля».

Вернувшись, Дьявол ни слова не проронил и на майора даже не взглянул – верный признак того, что возлюбленное мое дитя подставило меня еще основательней, чем я предполагала. Я принесла чай, отыскала что-то подходящее из напитков покрепче и присоединилась к непринужденной беседе в дружеском кругу. Майор, поговорив о том о сем, перешел к делу.

– Получены результаты анализов, – сказал он небрежно, словно речь шла о покупке галстука. – Вам, наверное, будет интересно.

– Не то слово, – оживилась я. – Что нашли? И в чем?

– Снотворное довольно сложного состава, действует по прошествии сорока пяти минут. С множеством побочных эффектов, в зависимости от организма. Без запаха и вкуса. Почти во всем.

В первую минуту я было подумала, что это побочные эффекты проявили себя почти во всем, и только хотела уточнить, как майор снова заговорил:

– Ваше лекарство, сколько мне помнится, побочных эффектов не дает?

Не до такой степени я отупела, чтобы не понять, куда он клонит.

– Душа моя, сходи в ванную и принеси майору мое лекарство, – попросила я Дьявола. – Оно там, в среднем ящичке. Если я сама пойду, то еще, чего доброго, постараюсь уронить.

– Прошу вас, не беспокойтесь, – запротестовал майор. – Придется, конечно, взять пробу, но к чему такая спешка?

– Лучше сразу, – сказал Дьявол. – А то мало ли что. Пускай пока тут стоит.

Он принес из ванной внушительной емкости бутылку и поставил на стол. Майор промолчал.

– Где еще? – спросил Дьявол, усаживаясь на свое место.

– В чайнике с водой. В банке с томатным соком. В кофе – и в кофейнике, и в чашке – его наверняка сварили на воде из чайника. В вашем лекарстве больше всего. Скажу сразу, предваряя ваши расспросы: везде обнаружены отпечатки пальцев хозяйки и уборщицы. А вот на бутылке с лекарством – только ваши и пани Хансен. Ваши отпечатки найдены и еще

кое-где.

Он умолк, хладнокровно выжидая моей реакции. Я тоже молчала, ошеломленная адским трудолюбием убийцы. Это же надо – таким смерчем пронестись по квартире, сея повсюду свою успокоительную отраву! Когда он только успел справиться!

– Как же он так исхитрился? – недоумевала я. – Она его одного в квартире оставила, что ли?

– Видимо, это был близкий ее знакомый, – любезно объяснил майор. – Считался своим человеком.

Глазами души я увидела унылую, страдальческую физиономию Збышека. Сидела и молчала, стараясь унять нараставшую тревогу. Час от часу не легче...

– У меня к вам имеется два вопроса, – нарушил тишину майор. – Вы позволите?

– Конечно.

– Во-первых: зачем вам понадобилась поездка в Копенгаген? Вы сдали документы в паспортное бюро...

Я как язык проглотила. Нужно быть круглой дурой, чтобы не приготовить заранее ответ! Но кто же знал, что они пронюхают так быстро! Каким образом? Неужто и впрямь установили слежку?

Я покосилась на Дьявола, но тот сидел с обычным своим непроницаемым видом. Интересно, он в курсе или только сейчас узнал? При других обстоятельствах я бы наплела майору, что поссорилась с любимым человеком и хочу уехать от него куда глаза глядят. Но сейчас этот номер не пройдет, майор собственными глазами видит, в какой мы ссоре. И все-таки – за каким чертом собралась я в Копенгаген?

Силы небесные сжалились надо мной и ниспослали вдохновение.

– Так и быть, откроюсь вам, – нехотя протянула я. – Правда, это касается моей частной жизни, и не хотелось бы трубить на всех перекрестках, особенно же в паспортном бюро. Прошу учесть, а то, боюсь, они не поймут. Меня влечет туда страсть.

Майор невольно покосился на Дьявола.

– Какая, прошу прощения, страсть?

– Скоро состоится большое дерби, – доверительно исповедалась я им, мечтательно закатив глаза. – Я должна там быть! Сплю и вижу...

Похоже, они были убиты наповал. Ай да я, повод нашла – не подкопаешься, во-первых, без всякого вранья, а во-вторых – по-человечески понятный, хотя и не очень похвальный. Никто на свете не сможет доказать, что я не мечтаю попасть на большое дерби!

– Вы так любите лошадей? – любезно удивился майор после продолжительной паузы.

– Вы видите перед собой человека, азартного до мозга костей, – призналась я, на сей раз ни на йоту не покрывив душой. – Бега я обожаю, для меня ничего на свете нет прекрасней! Мне надо туда всего на пару дней, на один день! Увидеть, сыграть и вернуться...

– Ну-ну... – с интересом меня разглядывая, протянул майор, потом перевел взгляд на Дьявола и тоже застыл в молчании с непроницаемым видом. Очевидно, оба прикидывали, что сие может значить, причем уж Дьявол-то знал, что в словах моих правды хватает даже с лихвой. – Ну-ну, – повторил майор, слегка сменив тон. – А теперь второй вопрос: зачем вам маляр?

А уж это проще простого.

– Меня интересуют рабочие, делавшие у Алиции ремонт. Классные мастера, а я как раз собралась капитально переделать свою квартиру. Между прочим, хочу сломать ту стенку, которая у вас за спиной, и заменить стенным шкафом, от пола до потолка.

Тут я тоже не врала, этот шкаф, с которым я надоедала уже года два, вспомнился мне очень кстати. Дьяволу нечем было крыть, мы с ним на этот счет пару раз даже поссорились.

Майор невольно оглянулся назад и с пониманием кивнул.

– По-моему, неплохая идея. Ну что ж, все наилучшим образом прояснилось. Очень рад, что ваши действия и намерения ничего общего не имеют с делом об убийстве вашей подруги. Признаюсь, у меня были некоторые сомнения, к счастью, они не подтвердились.

Он знает, что я напропалую вру, но знает и то, что уличить меня во вранье не сможет. А вообще он много чего знает, и, хотя пока удалось отвертеться, покоя мне не видать.

Майор поглядел на Дьявола, Дьявол на майора, и оба дружно вздохнули.

– Что вы на это скажете? – спросил майор.

– Боюсь, она решила упорствовать, – задумчиво произнес Дьявол. – Дольше тянуть нельзя, очень уж нетипичная ситуация. Рискну...

Он взглянул вопросительно на майора, тот в ответ кивнул. Мне стало совсем неудобно – несут какую-то тарабарщину. О чем речь? Ох, боюсь, они знают гораздо больше, чем я предполагала. Плохи мои дела, знать бы, откуда ждать подвоха.

– Иоанна, что за история с пируэтками у площади Дзержинского? – неожиданно разразился Дьявол. – Это Алиция попросила тебя срочно

свернуть?

– Да.

– Зачем?

– Вдруг вспомнила, что ей надо в противоположный конец. Что-то забыла дома.

– А куда ты ее везла?

– Да так, просто решили вместе прокатиться. Ты же знаешь, Алиция была чем-то расстроена. Вообще-то мы ехали на Старе Место, но по пути Алиция просила свернуть то туда, то сюда.

– Вопреки всем правилам движения?

– Мы спешили, да и место для разворота было.

– Не было. Ты проскользнула чудом. Я тебя знаю, лихачить не в твоих привычках. Для такого циркового трюка наверняка нашлась серьезная причина. Что это за «опель», который тоже пытался свернуть с правой полосы?

– Говоришь, с правой полосы? Вот кретин! «Наказание господне, а не ребенок. Отрекусь от него», – решила я про себя.

– Ага. А тот кретин случайно не ездил за вами? Ты случайно свернула не затем, чтобы оторваться от него?

Уже не раз возникали у меня подозрения, что этот человек – ясновидец. При всем своем желании мое дитя не могло заметить такой подробности из автобуса. Я видела его автобус, он ехал, правда, медленно, зато у нас скорость была приличная, и вся ситуация, включая остановку «опеля» и наш поворот, разыгралась в молниеносном темпе. Получается, до всего остального Дьявол додумался сам.

– Понятия не имею, ездил за нами тот кретин или нет, – с достоинством ответствовала я. – Мало ли кто за мной ездит, буду я на всяких там придурков обращать внимание!

– Ты, может, и нет, а Алиция?

Вопрос был задан скорее риторически, так что я сочла возможным не отвечать и стала со всей тщательностью раскуривать сигарету. Не зря мне всегда казалось, что эта вредная привычка когда-нибудь да принесет пользу.

– Вы уверены? – спросил майор, до сих пор слушавший нас в молчании.

– Увы, на сто процентов, – ответил Дьявол так же загадочно.

Воцарилась невыносимая, гнетущая тишина.

– Ситуация как будто проясняется, – наконец подал голос майор. – Помоему, теперь станет понятно, какой линии держаться.

Эта их тарабарщина повергла меня в паническое состояние. До сих

пор разговор протекал более-менее гладко, и, если бы не Збышек, я бы даже чувствовала себя на коне. А главное, никто не знал того, что знала я, – ври я и дальше не завираясь, с грехом пополам бы выкрутилась. И вдруг в одночасье все перевернулось. Шестым чувством я уловила, что именно в этот момент они перестали мне верить из-за каких-то новых подозрений. Гусь меня погубил, это точно.

– А где тот эскиз, который ваша подруга рисовала в такой спешке? – внезапно спросил майор.

Сигарету я раскурила, на чем бы еще выиграть время? Ну кто тянул меня за язык, угораздило же сболтнуть про эскиз, которого в помине не было! В квартире Алиции такой макулатуры воз и маленькая тележка, окажись я там, наверняка подвернулось бы что-нибудь подходящее, а так – что тут сообразишь?

– Не знаю. Не видела. Когда Алиция его раскопала, я смотрела фотографии.

Проклятие, ведь фотографий тоже не было! Но хоть какие-то снимки они у нее нашли!.. Еще немного, и мне так задурят голову, что я сама все на блюдечке преподнесу!

– Жаль. Мы искали несколько часов. Если эскиз забрал убийца, надо полагать, он мог послужить уликой?

Я тупо таращилась на майора и чувствовала, что у меня и впрямь заходит ум за разум – на долю секунды показалось, что майор прав. Если убийца его забрал... может, это и правда важная улика? Да нет, что это я, не было там никакого эскиза!

– Иоанна, какой еще эскиз? Ведь Алиция в последнее время нигде не работала!

– Ваши отпечатки пальцев найдены на всех чертежных принадлежностях. Вы должны были хоть краем глаза его заметить!

Черт бы побрал этот коробок с кнопками! И карандаш в придачу, я писала карандашом Алиции, одним из тех, что она привезла из Дании, они словно созданы для того, чтобы сохранять отпечатки. Что я там еще брала в руки?

– Не заметила! – выпалила я в праведном упорстве, потому как это была святая правда. – Всяких эскизов я столько за свою жизнь насмотрелась, что меня от них уже мутит! Не смотрела!

Спустя полчаса они поняли, что меня им не расколоть, даже если довести до умопомешательства. Странно, но у майора был такой вид, будто он этим даже доволен. Больше вопросов он не задавал и заявил чуть ли не с торжеством:

– Ну что ж, буду откровенен. В числе подозреваемых вы занимаете место более чем почетное. Не знаю, достаточно ли моей просьбы или нужно официальное подтверждение, но вам не следует выезжать из Варшавы и менять свой адрес без разрешения на то милиции. Наше личное знакомство и мое к вам расположение тут, увы, бессильны.

– Очень вам признательна, – расшаркалась я. – Не надо официально, нечего разводить бюрократизм. На улицу-то можно выходить?

– Разумеется, вы можете свободно передвигаться в пределах Варшавы. Не найдется ли у вас какой-нибудь емкости поменьше? – добавил он, покосившись на внушительных размеров бутыл с моей микстурой. – Не хотелось бы совсем лишать вас чудодейственного бальзама.

Я разыскала пузырек из-под салицилового спирта и пригласила майора на кухню.

– Настоятельно прошу лично удостовериться, как я его ополаскиваю. Во избежание разговоров, будто я что-то подмешала.

Вскоре он попрощался с нами в подозрительно благодушном настроении и отбыл, унося с собой на дегустацию пробу фирменного моего пойла, а я незамедлительно опрокинула в себя остатки из бутылки, чтобы укрепить свой дух перед очередным, как следовало ожидать, раундом.

– Доигралась, – изрек Дьявол. – Роберт тебя крепко подставил. В Копенгаген тебе не попасть, разве что вплавь через границу. Хотя, сколько помнится, плавать ты не умеешь.

– Дождусь ледового пути, – разозлилась я. – Ты снова против меня!

– А что прикажешь делать, когда ты ведешь себя так глупо, что впору сквозь землю провалиться! Не восхищаться же! Хотя насчет шкафа и дерби надо отдать тебе должное. Если бы не Роберт, даже я бы поверил, но Роберт не врет, это ясно. Во всем, что касается автомобилей, память у него железная. Зато с эскизом ты оплошала, могла бы и побольше смекалки проявить.

– Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

– Хотел бы я знать, кого ты стараешься выгородить. До сих пор я надеялся, что тебе там в Дании никто голову не вскружил, но теперь сомневаюсь.

– Опомнись! При чем тут это?

Дьявол смерил меня мрачным взглядом. Пришлось оторваться от посуды и ответить ему тем же.

– Очень уж тебе не терпится попасть в Копенгаген, – буркнул он, сдаваясь. – А как насчет надписи на стене? Что это за прачечная, не та ли, что на площади Святой Анны?

В такие моменты герои довоенных фильмов роняли, помнится, всякую бьющуюся посуду. Я ничего такого не уронила и не разбила, хотя имела полное на то право. Просто застыла как вкопанная, лихорадочно соображая, стоит ли что-нибудь соврать, и если да, то что, или лучше не напрягаться, все равно подловит. Нет, и пытаться нечего, напрасный труд.

– А почему майор меня о ней не спрашивал?

– Не догадывается, а я ему еще не говорил. Я снова взялась за посуду.

– Помалкивай и дальше, душа моя, – холодно ворковала я. – Не знаю, какими догадками забита твоя голова, но со всей ответственностью заявляю, что лучше тебе позабыть про них. Поверь мне на слово.

Дьявол потащился за мной на кухню.

– Это почему же?

– Потому что они беспочвенны, – совсем уж ледяным тоном отрезала я.

– Тогда, значит, Збышек?..

Потеряв всякое терпение, я набросилась на него:

– Ну при чем тут Збышек, почему Збышек? Чего вы пристали к несчастному Збышеку? Помешались на нем? Свет на нем клином сошелся?!

Дьявол снова вцепился в меня, как легавая в дичь:

– А все потому, что ты темнишь, кого-то стараешься выгородить. И поскольку самой сомнительной фигурой оказался Збышек...

– С чего это тебе взбрело, будто я кого-то выгораживаю?

– Нам известно, что в тот вечер ты пробыла у Алиции всего ничего. Этот дурацкий эскиз – только предлог. Просто к ней нагрязнул гость, и тебе пришлось уйти. Гостем был Збышек, его-то ты и покрываешь.

Я молчала, с тоской думая о том, что мое вранье плюс их ложные выводы приведут к такой дикой путанице, в которой сам черт не разберется. С другой стороны... если они столь недогадливы, тогда чей же это микрофон?.. Или Дьявола тоже водят за нос – из-за наших отношений? Нет, его не проведешь. Значит, он с ними против меня?

– Интересно, что вы еще насочиняли? На кой шут мне, к примеру, маляр?

– Вот именно. Зачем тебе маляр? Почему она звонила, я уже догадался: велела прийти и посмотреть надпись на стене. С Копенгагеном тоже ясно, а вот маляр... Иоанна, заклиная, будь благоразумна, зачем тебе маляр?

Я предоставила ему возможность самому разгадывать эту загадку. У меня своих забот хватало, а тут и еще одна свалилась на мою голову. Как мне теперь попасть в Копенгаген?

В довершение всего поздним вечером позвонил Збышек, в состоянии близком к невменяемому.

– Я чувствую себя затравленным зверем! – простонал он умирающим голосом.

Если уж говорить объективно, Збышек явно преувеличивал – майор пока не сделал ему ничего плохого, – зато субъективно он чувствовал себя именно так. Но чем я могла ему помочь?

Всю ночь я промаялась без сна, пытаюсь найти выход. Может, кто-то другой съездит? Нет, никто больше не справится, да и не доверяю я никому. Может, там сейчас кто-то из наших? Михал! Тот самый Михал, который в некотором смысле доводится мне сообщником... Он бы запросто все обстряпал, но как его поставить в известность? В письме? Мою переписку с Копенгагеном наверняка станут проверять. По телефону и того ненадежней! Шифром можно сообщить разве что о ставке на бегах, но никак не о конверте в кофре. Как быть?..

Если долго думать, то что-нибудь толковое и надумаешь. Правда, совсем уж гениальные мысли в таком паническом, как у меня, состоянии людей не осеяют, но более-менее сносный выход сыскался. Перебрав в уме все возможные и невозможные способы нелегального перехода через границу, удостоверившись, что среди моих знакомых нет ни одного кондуктора, летчика или стюардессы, курсирующих между Варшавой и Копенгагеном, что все мои знакомые надолго засели либо тут, либо там и путешествовать в ближайшее время не собираются, я поняла, что остается только одно. Надо позаимствовать опыт у контрабандистов. Послать Михалу письмо, в чем-то его хитро спрятав!

К утру я уже знала в чем. Разумеется, в колбасе. Что-что, а колбасу Михал наверняка съест или хотя бы попытается съесть. Выбор мой пал на вареную – в сухую вряд ли удастся что-либо впихнуть. К счастью, трезво рассуждать я еще оказалась способна.

Текст, написанный на технической кальке несмываемой тушью, был простым и ясным:

«В связи с убийством Алиции проберись в прачечную. Открой прадедовский кофр! Возьми оттуда конверт – как выглядит, не знаю. Во что бы то ни стало перешли его мне, но так, чтобы в него ни одна душа не заглянула! Не пиши на нем ни моей фамилии, ни адреса! Не признавайся, что знаешь меня!!! Возможно, это имеет отношение к тому воскресенью, которое было Величайшим днем в нашей жизни!»

Подпись я не поставила. Должен догадаться, вдобавок я ему позвоню – сразу, как только отправлю колбасу, – мало ли что, вдруг продукт

испортится, еще вздумает его выбросить.

Не откладывая в долгий ящик, я съездила в город и купила три кило вареной колбасы. Никогда не думала, что фаршировать ее корреспонденцией окажется таким тяжким делом. Сколько всего писалось о нашей колбасе – и невесть из чего сделана, и водянистая, и рыхлая. Поклеп все это! Ядреная как не знаю что, еще и с тонкой кожицей. После долгих, но бесполезных усилий пришлось уменьшить формат письма – обернутое полиэтиленом, оно было едва ли не толще самой колбасы. Да еще никак не удавалось скрыть следы фаршировки. Я попыталась развязать один конец, запихнуть пакет, потом снова завязать, но он почему-то никак не хотел завязываться. Пришлось вернуться к идее поперечного вскрытия, операция завершилась успешно, но для отправки остался лишь кусок не больше килограмма, хотя и вполне приличного вида. Зато на остатки нельзя было смотреть без содрогания.

Как раз во время моего единоборства с колбасой позвонила сестра Алиции, ужасно расстроенная, со странной просьбой.

– Пани Иоанна, у вас есть кое-какие знакомства. Не могли бы вы разузнать, когда нам выдадут тело?

– Какое тело? – машинально переспросила я, поглощенная нелегким своим трудом.

– Алиции! Надо подготовиться к погребению. Они нам не говорят, когда можно будет ее похоронить.

Я очень удивилась, обещала разузнать и сразу же позабыла про обещание. До похорон ли, когда колбаса занимала все мои мысли.

Справившись в поте лица с каторжным этим делом, я вдруг вспомнила, что каждый мой шаг под зорким наблюдением. Покупка колбасы наверняка взята на заметку, тем более что я ради нее исколесила полгорода и нашла только в «Деликатесах» на Вильчей. Ни в коем случае нельзя мне самой отправлять посылку, пусть это сделает кто-то другой, за кем вряд ли следят, человек сообразительный и надежный. Ближайшая подруга теперь отпадает...

Взяв с собой оскверненную колбасу, я направила свои стопы в присутствие, где раньше работала. У меня имелся веский повод навестить туда – я как раз вела переговоры о возвращении в родную контору. Не вдаваясь в объяснения, я прямо из секретариата – директора, к счастью, на месте не было – позвонила лучшему своему другу Ежи, с которым редко встречалась, но которому полностью доверяла. Ежи, тоже к счастью, оказался на месте. Ничего ему не объясняя, я договорилась срочно встретиться с ним здесь же, в помещении профкома. Профком в полном

составе отбыл в отпуск, а ключ я могла добыть без труда.

Безотказный Ежи не заставил себя ждать. Я ему уже давно не досаждала просьбами, так что он с готовностью настроился на какое-нибудь очередное мое чудачество.

– Ежи, у меня есть трюфная колбаса, – сообщила я ему с места в карьер.

Ежи озадаченно наморщил лоб.

– Трихинная?.. Может, тебе лучше не есть ее?

– И не буду, я хочу отослать ее почтой. Сама не могу, о причинах не спрашивай. Тут такое происходит! Когда все закончится, расскажу, если, конечно, останусь жива. А пока прошу тебя, сходи на Центральную почту и отошли ее по этому адресу. Отправителем впиши кого угодно, только не себя. Лучше какого-нибудь своего врага. Может статься, спасешь мне этим жизнь.

– Ради твоей жизни готов на все, – откликнулся Ежи с умеренным энтузиазмом и вдруг оживился: – Погоди, есть у меня один враг! А он точно влипнет?

– Упаси боже! Мне только надо, чтобы она дошла по адресу. Скажу тебе правду – она нафарширована письмом, но не беспокойся, вид у нее вполне приличный.

Ежи потребовал показать. Осмотрел со всех сторон, с сомнением покачал головой и после непродолжительных размышлений согласился. Мы бережно упаковали ее, и он тут же отправился на почту, напутствуемый сердечным моим благословением.

Сбыв с рук колбасу и сделав таким образом все, что было в моих силах, я слегка воспряла духом. Если майору угодно не спускать с меня своего недреманного ока, пожалуйста, я к его услугам.

Ведь мне позарез нужна не сама поездка, а конверт Алиции, и неважно, как я его заполучу – собственноручно или через Михала.

Теперь можно позволить себе поразмыслить над кое-какими обстоятельствами, непонятными и не дававшими мне покоя. В чем тут загвоздка? Почему длинный язык моего ребенка так круто изменил ситуацию? Скорей всего, они решили, что за Алицией следил какой-то уголовник. Это им дало пищу для размышлений над чем-то, в чем они прежде не были уверены. Вдобавок они окончательно заподозрили меня в сокрытии информации, и я им уже активно не понравилась.

По правде говоря, они мне тоже не нравятся – либо не понимают серьезности ситуации и подставляют меня по недомыслию, либо, что гораздо хуже, понимают, но для пользы дела превратили меня в козла

отпущения. А я не хочу быть козлом отпущения. Вот только почему майор уходил с таким довольным видом, ведь мне всегда казалось, что он неплохо ко мне относится и мое арестантское будущее не должно бы его радовать? Арестантское – это еще мягко сказано... Дьявола я никогда не понимала и не понимаю, возможно, этим неординарным способом он хочет от меня избавиться. Чужая душа потемки...

Как бы то ни было, а легко я не дамся, хотя и на рожон лезть не стану. Про дела Алиции ничего не знала, не слышала. Дьявол, конечно, прав: своим поведением я ставлю рекорд глупости. Ну что ж, зато с дурака взятки гладки. Остается одно – продолжать в том же духе! Минуточку, но если они знают или хотя бы догадываются, в чем была замешана Алиция, почему тогда привязались к Збышеку?

Во время нашей поездки в город Дьявол ни словом не обмолвился на интересовавшую его тему, зато по возвращении домой вцепился в меня мертвой хваткой.

– Куда ты подевала эту колбасу? – начал он с места в карьер.

Я была, честно говоря, готова ко всему, но чтобы пронюхать так сразу?.. Ведь официально он этим не занимается, в лучшем случае его просто ставят в известность, учитывая наши с ним отношения. С мрачным злорадством, не тратя слов, я продемонстрировала ему странное нечто, бывшее совсем недавно двумя кило вареной колбасы.

Узрев это нечто, Дьявол переменялся в лице.

– Господи, что ты с ней делала?! Жевала и выплевывала?

– Ага. Угадал. Весь день так вот и жевала – на нервной почве. Учти, если вы с майором не прекратите меня нервировать, все продукты в доме переведу.

Дьявол еще раз с живым интересом оглядел растерзанную колбасу, вздохнул, вытащил из шкафчика весы и взвесил. Я в меру своих сил сохраняла хладнокровие.

– Где еще килограмм? – деловито осведомился он.

– Какой килограмм?

– Ты купила три кило. А тут еле на два тянет. Где остальное?

– Да что ты говоришь? – вежливо удивилась я. – Неужто я съела целый килограмм?

– Я не говорю, что съела. Может, жевала и выплевывала сразу в мусор. Просто спрашиваю.

– В мусоре нету, – невинно констатировала я, заглянув в ведро. – Значит, все-таки съела. Хотя шут его знает, в этом доме еще и дети ошиваются.

Немедленно вызванные на очную ставку, дети категорически отрицали свою причастность к истреблению колбасы.

– Вообще-то у меня была такая мысль, – раздумчиво сказал старший ребенок. – Но больно уж у нее вид непрезентабельный. Решил на всякий случай вас подождать.

– Тогда, получается, я сама с ней управилась. Буду стоять на своем до конца, зловредно решила я, пусть попробуют меня уличить. Промывание желудка мне не сделают, это уж дудки, не дамся.

– Какое счастье, что не я веду это дело, – от души порадовался Дьявол. – С тобой ведь запросто попадешь в психушку. Что ты еще задумала? Мало тебе маляра? Майор вот-вот взбесится.

– Не вижу никаких симптомов бешенства ни у тебя, ни у майора. Напротив, вид у вас позавчера был вполне довольный. Интересно знать, чему вы так радовались, или это тоже служебная тайна?

– Радовались, потому что все проясняется, – невозмутимо отвечал Дьявол. – Твой Збышек – убийца, сейчас уже известно наверняка. Ну, почти наверняка...

Голову у меня вдруг как обручем сковало. Слава богу, подумала я, давление у меня пониженное, а то ведь так недолго и удар схлопотать.

– Ты что, рехнулся? – каким-то не своим голосом просипела я.

– Еще нет, хотя с тобой запросто рехнешься. Как бы ты ни мудрила, а майора с толку не собьешь, уж он дело знает... Збышек свое намерение давно вынашивал, даже яд припас. В доме у него нашли кучу всяких снотворных. Наверно, удастся это квалифицировать как навязчивую идею.

Я хотела было что-то сказать, но не смогла – ни своим, ни чужим голосом. Не то что слова – все мысли как ветром сдуло. Пришла в себя, лишь напившись холодной воды, после чего твердо заявила:

– Ты врешь!

– С чего бы мне врать?

– Не знаю. Может, это у тебя врожденное. Будь вы уверены насчет Збышека, ты бы сейчас к колбасе не цеплялся!

Ох, зря сказала, могла бы свою догадку при себе оставить. Вырвалось поневоле, в приступе отчаяния. И вот нате вам – стоило мне на секунду выйти из роли дурочки, как у Дьявола тотчас глаза загорелись.

– Так что ты все-таки с нею сделала?

– Сожрала! Выбросила в окно! Потеряла на улице, уронила в канализацию! Далась тебе эта колбаса!

Дьявол молчал, с живым любопытством наблюдая за мной. В каком-то закутке моего сознания, не сокрушенном диким страхом за себя, за

несчастливого Збышека, вдруг слабо забрезжила мысль о том, что я ведь, собственно, ничегошеньки не знаю. Не имею ни малейшего понятия о результатах следствия. В голове у меня один Копенгаген да тамошний конверт, а не мешало бы разобраться, что происходит под носом, в Варшаве. Такое ощущение, что и в здешнем воздухе витает какая-то тайна, в которую оба они, в отличие от меня, посвящены. Надо немедленно взять себя в руки, успокоиться и первым делом попытаться хоть что-нибудь у них выведать.

– Почему ты тогда сказал, что Роберт меня подставил? – вырвалось у меня.

– Ничего такого... – он хотел, наверно, сказать: «я не говорил», но вовремя спохватился и о чем-то задумался. – Ты была с Алицией, когда ее кто-то выслеживал. И молчишь об этом... Кого ты можешь выгораживать, как не Збышека? Допустим даже, что дело тут не в его личных обидах, допустим, Алиция влипла в какую-то сомнительную историю. Но с таким же успехом в ней мог быть замешан и Збышек.

– Почему из всего населения Варшавы вам понадобилось прицепиться именно к Збышеку?

– Потому что он один у нее побывал. Что Алиция оставила в Копенгагене? Доказательства его вины, которые ты хочешь уничтожить? Или, наоборот, – невинности? Письма с угрозами ее убить? Или с описанием аферы, в которую он впутался?

– Какой аферы, опомнись! – сорвавшимся голосом выкрикнула я, чувствуя, как волосы на голове зашевелились. Нет, это уж слишком!

– Что там был за эскиз?

– Не знаю!..

– Зато я знаю. Никакого эскиза в помине не было. Ты ушла, потому что появился Збышек. Тебе известно, что это он ее убил, но Алиция всегда чувствовала свою вину перед ним, и теперь ты исполняешь ее волю и покрываешь его. А зря, есть отпечатки пальцев, есть показания привратника, этого вполне хватит, не говоря уж о запасах у него в доме снотворного, достаточных, чтобы усыпить стадо слонов!

– Чушь собачья! – крикнула я в отчаянии.

Я собиралась разговорить его, что-нибудь вытянуть, а в результате сама потеряла дар речи. Нет, чутье меня не обманывает, во всей этой галиматее концы с концами не сходятся, но он меня совсем задурил. Ясно одно: Збышек в опасности, для него это может плохо кончиться.

Весь остаток вечера Збышек и маляр, увешанный колбасами, незримо витали в моем доме. На все мои протесты и расспросы Дьявол отвечал

контрвыпадами. В конце концов я вообще перестала с ним разговаривать, тогда он тоже умолк и задумался – на сей раз надолго.

– Похоже, наломала ты дров, – подал он голос, когда я уже засыпала. – Соучастие в укрывательстве преступника...

Майор учинял мне допросы, после которых я начинала подумывать, уж не я ли совершила это убийство. Телефон у Збышека не отвечал, дома его тоже не удавалось застать, а тут еще опять позвонила сестра Алиции, помогаясь известий о теле. А у меня никак до этого тела руки не доходили, и в голове царил сплошной сумбур.

Збышек испарился совсем не вовремя, я даже не могла ничего узнать о маляре, который казался мне единственной уловимой в этом хаосе ниточкой. Копенгаген отделился на другой конец света. Как личность сверх всякой меры подозрительную, меня уже совсем не посвящали в ход следствия. Ни майор, ни Дьявол не удосуживались теперь вообще отвечать на мои расспросы. Я набирала номер Збышека каждые полчаса, и днем и ночью. Проверила в бюро ремонта – телефон в полном порядке.

– Кому ты звонишь так поздно? – поинтересовался Дьявол, выходя из ванной в полдвенадцатого ночи.

– Збышеку, – буркнула я.

– Бесполезно.

– Это почему же?

– Мы, конечно, строим все более комфортабельные тюрьмы, – объяснил он, с достойной удивления аккуратностью укладывая брюки, – однако в камерах телефонов пока еще нет.

У меня мороз пошел по коже, даже в желудке вдруг сразу похолодело.

– Шутки шутишь?

– На этот раз не угадала.

Несмотря на поздний час, я кинулась звонить майору. Не хватило самообладания даже извиниться за беспокойство.

– Ну что ж, – как-то неопределенно протянул он в ответ. – Понимаю, вам это неприятно было услышать...

От сочувствия майора мне легче не стало – значит, не шутки. Я собственноручно подставила Збышека! Будь на его месте любой другой – здоровый, довольный собой и жизнью, – не страшно, пусть бы посидел. В свое время я бы все объяснила и человека отпустили бы с богом, целым и невредимым. Збышек – иное дело! С его здоровьем и характером можно сломаться за каких-нибудь пару дней. Он и на свободе-то почти перманентно в депрессии! Не говоря уж о прочих невротических хворах, от которых не помогают ни курорты, ни медицинские светила. Мало того, что

Алиция его бросила, что жизнь у него пошла кувырком, так нате вам – еще и сажают по подозрению в убийстве! Это может навечно травмировать какого угодно здоровяка, чего уж говорить о Збышке! Да неужто я брошу беднягу на произвол судьбы – мол, тут хотя бы собственную шкуру спасти! Единственное, что меня хоть как-то утешало, – это мое злорадство. Ну хорошо же, Дьявол, сам напросился! Выложу всю правду, а заодно все, что о тебе думаю, – и отряхну прах от ног своих. Посмотрим, каково тебе будет...

Назавтра прямо с утра я позвонила Михалу. Колбасу Ежи выслал срочной бандеролью, и я рассчитывала разузнать что-нибудь прежде, чем добровольно суну голову в петлю. Соединили нас через десять минут, благо он оказался дома.

– Слушай, Михал, скоро ты, наверно, получишь бандероль, – дипломатично сообщила я ему.

– Вторую? – удивился Михал.

– Почему вторую?

– Одну я уже получил. Какой-то идиот прислал кило вонючей колбасы.

– И что ты с нею сделал? – с замиранием сердца спросила я.

– Как что, выбросил в мусор. Не буду же я травиться колбасной палочкой!

– Будешь! – завопила я, позабыв о дипломатии. – Ты с ума сошел! Немедленно достань ее из мусора и съешь!

– Ты меня, конечно, извини, – осторожно начал Михал, – но, боюсь, ты малость того... У тебя случайно не горячка?

Я запаниковала. Неизвестно, в какой такой мусор выбросил он колбасу и сможет ли оттуда достать. Надо как можно больше заинтриговать его колбасной темой, не говоря ничего конкретного.

– Горячки у меня нет. А на колбасу не клевети, она вполне съедобна. Надо только, чтоб не было вони, помыть ее щеткой под краном. Вытащи из мусора, а если уж не захочешь съесть, то по крайней мере разрежь на мелкие ломтики.

– Еще чего! – взбеленился Михал. – Не хватало мне рыться в отбросах, а потом цацкаться с вонючей колбасой! И вообще, какой дурак посылает вареную колбасу летом!

– Для того и послали, чтоб она провоняла, – с нажимом сказала я.

Трубка молчала, очевидно, Михал размышлял над странной формой поразившего меня безумия. Слишком хорошо мы друг друга знали, не мог он заподозрить меня в контрабанде, ну, скажем, бриллиантов.

– Погоди, – пробормотал он, – кажется, сумасшедшим нельзя

противоречить, так и быть, пойду поищу твою колбасу.

Через пару минут – я в это время отбивалась от телефонистки: «да-да, говорим, говорим» – он снова взял трубку.

– Ну, нашел я ее, – выдохнул он с омерзением. – Смердит еще больше. Попробую уговорить хозяйку, может, на что-нибудь употребит, может, заинтересуется таким экзотическим лакомством. Изволь все-таки объяснить, как все это понимать? Меня что, отравить хотят?

– Узнаешь, когда съешь колбасу. Чем скорей, тем лучше, и сразу сообщи мне о своем состоянии. Будь здоров!

– И тебе того же, – упавшим голосом пробормотал Михал.

Ничего не поделаешь, скоро лишь сказка сказывается. Пока Михал – у него ведь нет даже ключа – проберется в прачечную, пока отопрет кофр, пока я получу какую-нибудь весточку, на Збышке можно будет уже поставить крест.

День я скоротала за любезным сердцу занятием – боролась с собственным воображением. Глазами души видела Збышка – как он кончает с собой в тюремной камере. Для полноты ощущений представила и собственный труп в безлюдном варшавском закоулке. Надо всем этим с неодобрительной гримасой витал призрак Алиции. Дьявол вернулся домой уже не в таком победоносном настроении.

– Неладно с этим Збышкой, – кисло пробормотал он. – Надо бы его перевести в больницу.

У меня не хватило духу спросить, что с ним. Я долго молчала, лихорадочно ища хоть какой-нибудь приемлемый выход. Смотрела в окно, за которым ничего интересного не было.

– Что вам нужно для того, чтобы его отпустить? – наконец спросила, не оборачиваясь.

– Другой убийца, – не задумываясь ответил Дьявол. – Збышек увяз крепко, больше его ничто не спасет.

– Позволь тебе напомнить – ты в этом доме на правах частного лица, – решительно заявила я, внимательно изучая пейзаж за окном. – И потому потрудись пораскинуть мозгами, только не как законник, а как частное лицо. Збышек не бывал у Алиции вот уже два года, никогда не ездил в Копенгаген и вообще с самой войны не выезжал за границу. Если бы вдруг обнаружилось, что Алиция имела...

Я умолкла, соображая, как бы половчее выразиться.

– Что имела? – наострил уши Дьявол.

– ...имела отношение... Если бы оказалось, что Алиции угрожали... что она в последнее время впуталась в серьезную аферу, да еще не здесь, а

в Копенгагене, поверил бы ты как частное лицо в невиновность Збышека?

– Как частное лицо – да, как официальное – решил бы перепроверить.

– Ну а без веских доказательств... вот этого самого... без них вы ведь не оставите Збышека в покое?

– Более того, – ответил он, помолчав. – Без доказательств «вот этого самого» Збышеку спасения нет.

– Ну что ж, душа моя. Скажу тебе правду.

Я отвернулась от окна – и осеклась. Раньше, раньше мне надо было на него посмотреть! Хотя лицо его сохраняло задумчивое и даже слегка скорбное выражение, зато глаза полыхали хищным огнем. Как же я, идиотка, до сих пор не догадалась! Они посадили Збышека, чтобы развязать мне язык!

Сообразив, я прямо содрогнулась от ужаса. Ведь он знаком со Збышеком, понимает, чем может обернуться для бедняги арест. Каким же надо быть бесчувственным извергом, чтобы пойти на такой шаг! С кем свела меня судьба, ему же чуждо все человеческое!

Ужас сменился яростью, и я отбросила всяческую дипломатию. Получай, подавись проклятой этой правдой, посмотрим, по зубам ли она тебе!

– Учитывая, что с законом я завсегда раньше ладила, – холодно отчеканила я, – наши с тобой отношения имеют сугубо личный характер. Можешь не сомневаться, в случае чего я отопрусь от всего, о чем сейчас сообщу тебе конфиденциально. А в остальном используй полученную информацию, как сочтешь нужным. Так вот, слушай: моя подруга Алиция занималась в последнее время шпионажем.

– Что?! Ты с ума сошла? – оторопел Дьявол.

– Пока еще не совсем, но скоро сойду. А теперь факты.

Дьявол сорвался с кресла.

– Иоанна, погоди, выпей воды. Может, дать тебе лекарство? Дорогая моя, что с тобой?

– Ты посадил за решетку невинного, больного человека только для того, чтобы я раскололась! И добился своего, больше я не буду молчать. Но ты немедленно отпустишь его. А обвинения предъявляй контрразведке, заодно донеси, кто тебе раскрыл глаза! Ты хотел правду, так получай ее!

– Какая контрразведка, о чем ты говоришь, дорогая, успокойся! Ты бредишь, при чем тут шпионаж, у тебя, видно, с головой не все в порядке! Надо же такое придумать – контрразведка ее убила!

– Я не говорю, что убила! – каким-то не своим голосом выкрикнула я, понимая, что перегнула палку. – Может, не убивала. Может, они просто

пустили все на самотек, а теперь довольно потирают руки и ждут, когда же наступит мой черед! Так что беги, докладывай!

– Я еще в своем уме! – рассудительно заметил Дьявол, хотя и глядел на меня с некоторым испугом. – Сколько живу, такой галиматьи не слышал.

Может, он и прав, может, от расстроенных нервов мне уже черт-те что мерещится, у страха глаза велики.

Сколько себя помню, все, связанное со шпионажем, меня повергало в ужас, воображение рисовало картины изощренного коварства, правда, в насилие над мирными гражданами верилось с трудом. К родимой же контрразведке я даже питала симпатию, тем более что собственная безгрешность давала приятное ощущение защищенности. Но на этот раз моя безгрешность выглядела не столь уж очевидной, в том-то и беда. Впрочем, меня больше пугала не госбезопасность, а тот субъект со сломанным носом, точнее, моя непонятная с ним связь. Но уж об этом и заикаться нельзя, придется нажимать на другое – дескать, отмалчивалась, потому как смущала перспектива провести за решеткой остаток своих дней.

– Даже каких-нибудь пять лет изоляции никак не соответствуют моим жизненным планам, – надрывно развивала я перед Дьяволом свою мысль.

А с того уже слетел страх, сейчас он пребывал лишь в легком шоке. До моего слуха дошло наконец, что он говорит:

– ...не имеет ничего общего со шпионажем, с чего ты взяла!

Выкричав свое, я немного успокоилась, и в голове слегка прояснилось. Елки зеленые, что же это получается? Неужели я могла так безнадежно заблуждаться?

Спокойствие, сейчас самое главное – найти с ним общий язык. Может, удастся что-нибудь выудить.

– Хорошо, порассуждаем здраво, – предложила я, выпустив пары. – Не буду скрывать – я кое-что знаю. Знаю, но молчу. Не только потому, что уважаю личные тайны Алиции, но и потому, что элементарно боюсь. Боюсь за себя. Алиция тоже боялась, и, как выяснилось, неспроста.

– Похоже, этот страх сказался на твоих умственных способностях, – брюзгливо фыркнул Дьявол. – Как иначе объяснить твой заскок насчет шпионажа?

– А кто иначе мог следить за нею, разъезжая на автомобиле западной марки? Збышек?

– Так за нею все-таки следили?!

– Кто ей установил в квартире микрофон? Тоже Збышек?

– Брось шутить! – оживился Дьявол. – Ты уверена?

– Собственными глазами видела.

– Вот зачем тебе маляр! Иоанна, майор тебя убьет!

– Как бы не так! Разве ты сам захочешь от меня избавиться. Позволь напомнить еще раз – все это я рассказываю тебе сугубо конфиденциально. За порогом этого дома я от своих слов отрекнусь, если только мне не гарантируют полную безопасность.

Дьявол на какое-то время задумался.

– Слушай, а тебе не приходило в голову, что, будь здесь замешана контрразведка, расследование вел бы не майор, а совсем другие инстанции?

– Приходило, и не раз. Но я в такие инстанции не вхожу – кто их знает, может, они втихую этим и занимаются.

– погоди, ты тут столько нагородила, что у меня голова кругом идет. Конечно, это меняет дело. Но одного не пойму: почему ты боишься? И кого?

Не было иного выхода, пришлось рассказать ему, обходя по возможности все подводные рифы, о давних контактах Алиции с западным посольством и обо всех моих подозрениях.

– Так вот, душа моя, – суммировала я, – с одной стороны, никто не поверит, что я, ближайшая ее подруга, нафаршированная всякими сведениями, чиста и невинна, как белоснежная лилия. Я и сама уpekла бы себя на всякий случай куда надо. А с другой стороны – наверняка тут замешан кто-то из близких знакомых. Кто? Ты знаешь? Лично я – нет. Я знаю одно: только не Збышек. Вы с майором что-то предпримете, а этот знакомый тут же отреагирует и пригласит меня на кофе – с ядом разумеется.

– В твоих словах есть логика, – признал Дьявол после долгого раздумья. – Не будь я в курсе дела, может, и сам бы переполошился. Но клянусь тебе, ты ошибаешься. Ни о каких контрразведках и речи нет!

– А о чем речь?

– От Алиции и правда тянулись ниточки к большой афере. Вначале полной уверенности у нас не было. Спасибо Роберту – когда выяснилось, что за нею следили, наши предположения подтвердились. Но все это время я нимало не сомневался, что ты что-то знаешь.

– А вот и нет, душа моя, я ничегошеньки не знаю. И не буду знать, пока ты мне не докажешь, что я грешу на это богоугодное ведомство исключительно по дурости. Близкий знакомый тоже наводит на меня священный ужас, но в гораздо меньшей степени, чем наши славные органы.

– Дело хозяйское. Я могу лишь заверить тебя, что ты заблуждаешься, но раскрывать служебные тайны не вправе. И потом, не пойму, почему ты

зациклилась на каком-то близком знакомом. Впрочем, поступай как хочешь, но не забывай – спасти Збышека могут только твои чистосердечные признания. Кстати, майор уже давно возится с одной аферой, которая к Збышеку не имеет никакого отношения. Если бы выяснилось, что она как-то связана с убийством Алиции, дело, как говорится, было бы в шляпе. Теперь ясно, почему нам позарез нужны твои показания?..

Стоило ему в очередной раз упомянуть Збышека, как я снова впала в панику. И хотя насчет шпионажа и контрразведки он меня не совсем разубедил – возможно, просто недооценивает ситуацию, смотрит на вещи сквозь розовые очки, – но все-таки я решилась. Предложила ударить по рукам – если Збышека завтра утром выпустят, я все скажу.

– Если ты завтра утром все скажешь, Збышека сразу же выпустят, – отрезал Дьявол и на обратную очередность уже ни в какую не соглашался.

В результате утром следующего дня я прибыла с ним к майору, вне себя от злости и мучивших меня подозрений. Я ничем не могла оправдать свое предыдущее вранье – высказывать недоверие в адрес нашей защитницы госбезопасности у меня язык бы не повернулся. А раз так, то лучше вообще на этот счет не объясняться.

Я стала выкладывать всю правду по порядку, начиная с первого прихода ко мне Алиции. Маляр действительно майора потряс, но не настолько, чтобы вывести из равновесия. Даже колбаса его не сокрушила – я и в этом призналась, – просто он посмотрел на Дьявола, а Дьявол на него. Мне их реакция по-прежнему активно не нравилась.

– С кем ваша подруга поддерживала в Дании знакомство? – спросил майор. – С кем встречалась?

– А вот этого я не могу сказать. Она пробыла там гораздо дольше меня. Я знаю несколько человек из ее сотрудников, жениха, наших благодетелей – то бишь семейство, которое нас пригласило и дало приют, – и еще массу других людей, но уже из моего круга. Зато...

Раз уж я решилась выложить им всю правду... Глазами души я увидела сцену из недавнего прошлого...

Кто-то поднимался по лестнице. Мы сидели в доме на площади Святой Анны, на четвертом этаже. Алиция разбиралась в старых счетах, а я красила ногти купленным накануне лаком от Элизабет Арден, очень дорогим. Только я раскрыла рот, собираясь сказать, что по такой цене он мог быть и лучше, как вдруг Алиция вскинула голову и приложила палец к губам. Кто-то поднимался по лестнице. Прошел второй этаж и подходил к нашему. Алиция притихла над своими бумагами, я тоже застыла с кисточкой в руке, хотя не понимала, почему это мы затаились. Шаги

приблизились к нашей двери, затихли, и через минуту раздался стук.

Я вопросительно посмотрела на Алицию, она затрясла головой и снова приложила палец к губам. В дверь опять постучали. Я вернулась к своему занятию, трезво рассудив, что шума оно не производит, да и лак вот-вот засохнет. Алиция погрозила мне кулаком, я постучала пальцем по лбу – в знак того, что она преувеличивает. Потом снова был стук в дверь, а потом Алиция тоже постучала по лбу – мол, сама такая. Вот так мы все трое попеременно стучали, пока человек за дверью наконец не сдался и не стал спускаться вниз. Когда шаги где-то на первом этаже затихли, Алиция сорвалась с места, шепнула мне: «Постой на стреме» – и понеслась в прачечную, чтобы выглянуть через темное оконце во двор. Я послушно отстояла свое на лестнице, пока она не вернулась.

– Кто это приходил? – заинтригованно спросила я.

– Так, один гнусный тип, – бросила она с такой злостью, что можно было не сомневаться – этому типу она не откроет дверь никогда в жизни.

– Ну ты даешь, – хмыкнула я. – Ведь наше окно светится. Он что, не знает, какое у нас окно, или, может, слепой?

– Могу я по рассеянности оставить свет невыключенным? – упрямо отрезала она.

У нас с Алицией не полагалось лезть друг другу в душу, вот и на этот раз я признала за ней право на личную тайну. Тот субъект больше не приходил, по крайней мере при мне.

Помню и еще один любопытный случай, правда в другом роде. Целый день я висела на телефоне, пытаюсь поймать Алицию, и целый день мне отвечали, что ее на работе нет, отчего я все больше злилась, зная, что ей полагалось там быть. Она мне позарез была нужна. Вернувшись из своего офиса, я застала ее дома.

– Черт побери, где ты шлялась? – накинулась я на нее. – Я хотела, чтобы ты купила мне по дороге сигарет, у меня все кончилось, а я забыла взять деньги! Придется теперь бегать по автоматам.

– Я догадалась и купила, – беззаботно ответила Алиция. – Поняла, что это ты названиваешь. Вообще-то я была на месте, только на звонки не подходила.

– На мои?

– Нет, одного типа.

– Ну, на женский голос могла бы и подойти!

– А может, рядом с женщиной стоит мужчина, чтобы перехватить трубку. Тебя ведь по голосу у нас не все знают.

Теперь остается только гадать, был ли тот телефонный тип и тип на

лестнице одной и той же личностью.

После некоторых колебаний я описала оба случая майору. Получилось, что какие-то знакомые вдруг разонравились Алиции и она стала их избегать. Будь это просто назойливый ухажер, она бы от меня не таилась.

– А тот «опель», который ездил за вами? – спросил майор, слушавший с большим интересом. – Вам он в Дании случайно на глаза не попадался? Или его водитель?

– Точно не скажу. Я видела его в профиль, и, кажется, он мне знаком по Копенгагену. Не знаю, как он выглядит анфас, но мне запомнился его перебитый нос.

– Где, когда и при каких обстоятельствах?

– Не помню, – быстро ответила я. – Сколько ни ломала голову, ничего не приходит на ум. И вообще я могла обознасться.

На эту тему они уж точно не услышат от меня ни слова. Язык мой – враг мой. Пока я не удостоверюсь, что невероятная история, которая с нами там приключилась, имеет отношение к Алиции и может навести на след убийцы, меня никакие силы на свете не заставят проговориться. Михал тоже будет помалкивать, это как пить дать.

– А как насчет других знакомых? – спросил майор. – Может, там был в ту пору кто-то из Польши?

Поляков там было раз-два и обчелся, все вроде бы люди безобидные, так что я позволила себе со спокойной совестью их назвать. Майор вздохнул.

– Значит, никто, как вы говорите, к пани Хансен во время вашего визита не заходил? А жаль. Это значительно упростило бы дело. Кстати, о ваших наблюдениях при осмотре квартиры – вы нам уже все рассказали?

– Ничего примечательного я там больше не видела.

– Скорее даже меньше, – проворчал Дьявол.

– А пришли вы к ней якобы для того, чтобы вернуть словари, – в раздумье протянул майор. – Куда вы их положили?

– На письменный стол.

– Мы нашли их в другом месте.

– В каком?

Майор смотрел на меня, о чем-то размышляя. У меня уже вертелся на языке вопрос, с чего это они стали так интенсивно мыслить? Как посмотрят на меня, так и застывают в позе мыслителя, словно моя скромная особа олицетворяет для них загадку века. Сколько живу, никого еще так не вдохновляла на интеллектуальную деятельность...

– В очень странном месте, – поразмыслив, продолжал майор. – Были

засунуты под диван.

Поначалу я просто удивилась – наверное, для контраста с общей атмосферой задумчивости.

– Не понимаю. Под диван? Да ведь туда ничего не влезет. Ножки короткие.

– В том-то вся соль. Мы их едва вытащили, а запихнуть тем более нелегко. Пани Хансен была, конечно, большая оригиналка, но не настолько же, чтобы подобным образом хранить учебные пособия. Вам это ни о чем не говорит?

Теперь уж и я впала в задумчивость, не иначе тут какой-то философический микроб завелся. Что-то меня насторожило. Неужто Алиции мало было настенного завещания?

– А нельзя ли на них взглянуть?

Майор в нерешительности покосился на Дьявола. Дьявол – на майора.

– Как вы считаете? – спросил майор.

– Ну что ж, двум смертям не бывать, – ответил Дьявол.

– Не понимаю, о чем вы таком говорите, – заметила я с неудовольствием.

– Потом объясним, а пока осмотрите их, сделайте милость. Чем черт не шутит, возможно, обнаружится что-то любопытное.

Я взяла в руки два толстенных словаря, один польско-французский, а другой польско-английский и наоборот. Оба старые, еще довоенные, одинакового формата, с одинаковым расположением словарных статей. Открыла и стала перелистывать.

На первой же странице, сверху над «А», карандашом было нацарапано: «англ. равно франц. равно польск.». Я голову дала бы на отсечение, что в день убийства никакой записи здесь не было. Перелистав словарь до конца, ничего больше я в нем не нашла. Зато в английском на полях некоторых страниц обнаружила надписи, тоже карандашом, по виду старые. Только по виду, потому как две недели назад их тоже не было. Пометки явно не мои, словари я отдала Алиции в день убийства, значит, она одна могла их сделать, да и то лишь в последний вечер! Разве что у самого убийцы крыша поехала, и он вдруг занялся лексическими изысканиями, но и тогда это, наверно, следствию для чего-нибудь да сгодится. Впрочем, каракули все-таки напоминали руку Алиции. Майор озадачился не меньше моего. Стал листать английский словарь, пытаясь разобрать пометки.

– «Число единственное, род женский, дательный падеж», – пробормотал он. – Впервые слышу, чтобы «магазин» был женского рода.

Возможно, вы общались между собой с помощью особого шифра – так сказать, грамматического?

– Вот уж чего не было и быть не могло, – пожала я плечами. – Алиция всегда говорила, что грамматика наводит на нее ужас. Не понимала, как это я запоминаю такие вещи.

– Здесь все записи в том же духе. «Третье лицо, множественное число, презент». Настоящее время, да? А вот – «подлежащее». А здесь... сейчас, минутку, не разберу... «единственное число, женский род, предложный падеж». Кажется, эти сокращения везде означают одно и то же? «Ед. ч., ж. р., п. пад.». При слове «неопубликованный».

– Предложный падеж, говорите? Женский род? «В неопубликованной»... «О неопубликованной». Поставить слово в указанной форме нетрудно, но от этого оно понятней не становится.

– «Сухожилие, мускул. Женский род, единственное число, творительный падеж», – читал дальше майор.

– Сухожилием, мускулом, – машинально выпалила я и остро затосковала по добрым школьным временам. – Но там ведь женский род?

– Да, вряд ли пани Хансен уж до такой степени испытывала ужас перед грамматикой, – засомневался майор.

– Нет, конечно, это слишком. Наверняка она писала эту галиматью с какой-то задней мыслью. Ну-ка, что там еще?

– «Существительное, единственное число, именительный падеж». Рядом со словом «сопровождать».

Ну хоть плачь. Если указания адресованы мне, то Алиция явно переоценила мои способности. Черт побери, что может означать эта китайская грамота?

– Думаю, надо отдать словари нашим шифровальщикам, – сказал майор. – Если тут есть какой-то смысл, они разберутся. Хотя такие любительские головоломки – сущее наказание.

– Погодите со своими шифровальщиками, – запротестовала я. – Уважайте чужую волю. По-моему, это адресовано мне, и я сама должна сообразить, что она думала насчет того, что буду думать насчет этого я. Дайте сосредоточиться.

И я уткнулась в словари. В английском записи были сделаны только в англо-польской части, польско-английская оставалась чистой. Видимо, Алиция посчиталась с уровнем моих интеллектуальных запросов – я всегда пользуюсь лишь первой половиной. Учла и то, что к английскому словарю я обращаюсь гораздо чаще, чем к французскому. Учла также, что я все это замечу, а раз так, то и призадумаясь над несуразностями в ее записях.

Ясно, что столь упорствовать в своем грамматическом невежестве можно лишь с каким-то умыслом. «Распространенный» в третьем лице множественного числа настоящего времени... Это должно относиться не к прилагательному, а к глаголу. «Распространяют»?.. «Сопровождать» можно переделать в «сопровождение», но как сделать «мускул» женского рода? Нет, что-то не то... Глагол...

Я просмотрела слова до и после «распространенного», но ни одного глагола не нашла, потом перечитала запись над «А» во французском словаре. «Англ. равно франц. равно польск.». Понятно, что пометки из английского словаря относятся к французскому. Одни и те же слова?.. Ерунда, одни и те же слова имеют одно и то же значение, «распространенный» так и так будет прилагательным. Надо искать какие-то другие.

Открыв французский словарь на той же странице, что и английский, я стала отсчитывать слова сверху. На месте «распространенный» стояло «производят». Точно, глагол. А как насчет «сопровождения»? Должно быть существительное. В самом деле – «сад»!

Я растерянно взглянула на майора, выжидающего с терпеливым интересом.

– Кажется, нашла, – сказала я неуверенно. – В грамматике все сходится, только смысла не хватает.

– Что у вас получается?

– Какая-то чушь. Если хотите, можете записать. Значит, так: «производить». Третье лицо множественного числа – «производят». «Сад», именительный падеж. «Сухожилие, мускул» – женский род... раз, два, три... творительный падеж – «почтой». Вот те раз! «Производят сад почтой»?

Не зная, что и думать, я беспомощно уставилась на них. У обоих был крайне заинтригованный вид.

– Ну-ну, – подбодрил меня Дьявол. – Соображай дальше. Может, попробовать в какой-нибудь другой очередности?

Увлеченная плодами своего творчества, я взялась просматривать словарь заново, повторяя заодно весь учебник польского языка за шестой класс. Не знаю, какая у них сейчас программа, но я проходила это в шестом классе.

– Единственное число, предложный падеж – «в кухне». Подлежащее – «лаборатория». Единственное число, женский род – «новая». «В кухне новая лаборатория»?! Предложный падеж, единственное число – «в жратве». «Жратва» даже подходит к «кухне». Снова подлежащее, должно

быть имя существительное, ага: «контрабанда». «Магазин», мужской род, родительный падеж, кого-чего...

Героина!

Я подняла голову от словарей. Значит, вот в чем дело! Силы небесные! Теперь наконец понятно, что за афера погубила Алицию! Контрабанда наркотиков!!!

Я была до того потрясена этим открытием, что даже потеряла дар речи. Слишком неожиданный оборот для бедной моей головы. А я-то, дура, заиклилась на шпионаже! Но мыслимо ли: Алиция и контрабанда? Да еще наркотиков! Какое чудовищное стечение обстоятельств прибило ее к этой афере, если при одном упоминании о контрабанде ее бросало в дрожь!

– Почему вы мне сразу... – напустилась я на Дьявола и тут же осеклась: и тот и другой прямо-таки лучились воодушевлением. Лица у обоих экстатически сияли, казалось, еще секунда, и они падут ниц с благодарственными песнопениями. Ничего такого, увы, я не дождалась.

– Читай дальше! – нетерпеливо скомандовал Дьявол, как если бы я прервала на середине чтение душещипательного романа. Он обежал стол и склонился над листом, в который майор что-то записывал.

Я и без его понуканий уже с головой ушла в работу, все исправней оперируя грамматическими правилами.

– «Идет», – сообщила я им. – «Магазина». Так и есть, в родительном падеже. «Роза», минутку, должно быть прилагательное. Скорей всего, «розовая». Погодите, тут еще кое-что есть.

Рядом с этой «розой», которой в английском словаре соответствовал «козел», снабженный пометкой, что ему полагается быть женского рода, стояла какая-то неразборчивая запись, что-то вроде «gade». По-датски это означает «улица». Такую же «гаде», только более вразумительную, я нашла возле «сада».

– Нигде больше нету «гаде»... – пожаловалась я.

– Ищи дальше! – прикрикнул на меня Дьявол.

Я вздохнула и долистала словарь до конца. Нашла еще «до», «на», «собираюсь» и «хмель», которому следовало быть прилагательным. Майор с Дьяволом начали составлять фразы, но я в таких грамматических упражнениях проявила гораздо большую сноровку, и они охотно приняли меня в свою компанию. Втроем мы неплохо справлялись, вот только эта непутевая розовая «сад» оказалась не у дел, да еще «хмель» неприкаянно путался без всякого толку.

Получились кое-какие фразы, не вызывающие сомнений: «Контрабанда идет почтой», «Производят героин» и «Собираюсь сбежать».

Мы исключили контрабанду в кухне и лабораторию в жратве, а поскольку больше существительных не нашлось, решили, что логичнее всего будет допустить следующее: «Контрабанда идет почтой в жратве для магазина. Производят героин в кухне. Новая лаборатория. Собираюсь сбежать». Выражение «Лаборатория идет» как-то ни с чем не увязывалось, а «на» просилось пристегнуть его к указанию какого-нибудь места.

Мрачно вглядывалась я в текст. Так, значит, Алиция собиралась смыться – хотела избежать опасности самым простым способом. Оставить инструкцию для меня и где-нибудь пересидеть до лучших времен. Собиралась – и не успела...

– А как насчет «сада»? – нетерпеливо спросил майор, отрывая меня от невеселых дум. – Вы уверены, что тут должен быть женский род? Да еще этот «хмель»...

– Я как раз собиралась сказать, но вы не даете мне рта раскрыть. Если здесь не ошибка, то Алиция, скорее всего, хотела это место особо выделить. Эта «гаде» слишком нагло мозолит глаза. Сама по себе она женского рода, можно предположить, что Алиция дословно перевела датское название улицы.

– А ты можешь перевести обратно? – предложил Дьявол.

– Надо подумать. Алиция знала, что я в датском не смыслю, мы с нею там все переводили как попало. Розовая сад? На французском? Jardin... Ничего такого в Копенгагене нет. На аглийском – garden. Garden? Есть! Розенгарден!

Розенгарден... Старая улочка в центре города. Я хорошо ее знаю, ходила по ней много раз. Там стоял дом, предназначенный на снос, его уже не заселяли. В нем ютились наши приятели, помнится, какую-то странную историю я от них слышала, не там ли она произошла?..

– Теперь один «хмель» остался, – сказал майор. – К чему его можно пристроить?

– К Хмельной, – с ходу выпалила я, обретя после разгадки «розовой сада» как бы второе дыхание. – Существительное женского рода, больше тут ничего не придумаешь.

– К Хмельной? – усомнился Дьявол. – Там ничего подходящего нет.

– Откуда ты знаешь? Это не варшавская Хмельная.

– Вы о чем? – заинтересовался майор.

– Есть в Копенгагене такая пешеходная улочка, сплошь застроенная магазинами, – объяснила я. – Называется Строгет, но нам она напоминала кусочек нашей Хмельной между Брацкой и Новым Святом. Похожа точь-в-точь, разве немного шире и витрины поинтереснее. Мы всегда называли

это место «Хмельная»... Много чего переиначивали на варшавский лад. Например, район Амагер мы называли Прагой, потому что очень уж этот район напоминал нашу Прагу, да и расположен так же – на другом берегу, по ту сторону канала. Раз Алиция переделала Розенгарден, то могла поменять для простоты и Строгет, превратив ее в «хмель».

Тут я вдруг запнулась – что-то забрезжило в голове. «Контрабанда идет почтой в жратве для магазина». В жратве для магазина. Хмельная. Строгет.

В голове-то у меня забрезжило, зато на голове волосы зашевелились, вот-вот встанут дыбом. Магазин со жратвой на Хмельной!.. На Строгет! Странный такой магазин, со всяким любопытным товаром, я его хорошо знаю... И хозяина тоже!.. Стоп, ведь за Алицией ездил человек с перебитым носом! А я, идиотка, боюсь этих славных, милых ребят из контрразведки! О ужас, что делать?!

– Хочу в Копенгаген! – завопила я.

Майор и Дьявол, вдумчиво изучавшие листок с записями, чуть со стульев не свалились.

– Одну минуточку, – машинально вырвалось у майора. – Может, пока кофе?

– Да, все сходится, – хладнокровно сказал Дьявол, возвращаясь к своему листку. – Наконец-то!

Я сидела мрачная, злая и смертельно напуганная. Теперь ясно, и даже слишком ясно, где собака зарыта. Я пробыла в Дании достаточно долго, чтобы понять – дело тут не шуточное. Проблема номер один, и не только из-за ситуации на внутреннем рынке и наркомании среди молодежи, но и в связи с тем, что через Копенгаген контрабандный товар идет в Швецию и Соединенные Штаты. А в Данию – через Польшу, какими-то неисповедимыми путями... Героин производят из сырья именно в Дании. Прежде этим занимались во Франции, теперь поумнели – ведь там законом предусмотрен двадцатилетний срок заключения, в Дании же – до двух лет, всего ничего. А поскольку легче и безопасней героин переправлять, есть прямая выгода производить его из сырья прямо в Польше, ведь даже кухня для подобного производства сойдет. Благо наша таможенная служба в делах с наркотиками еще не очень набила руку. Наверняка все у этой банды блестяще отлажено в международном масштабе, и угораздило же Алицию попасть в такую передрыгу!

А меня?!

Дьявол и майор наконец оторвали свои упоенные взоры от записей и словарей. Вид у обоих был до того триумфальный, что казалось, от полноты чувств они вот-вот кинутся друг другу в объятия. Зато меня

обуревали совсем иные чувства.

– Требую объяснений, – сурово поставила я вопрос ребром. – Я тоже не лыком шита, кое-что знаю, но еще подумаю, поделиться с вами или не стоит. Не нравитесь вы мне, вот что. А знаю я немало, поэтому прошу отнестись ко мне с должным вниманием, поберечь мои нервы.

– О чем речь! – засуетился майор. – Мы как раз прикидываем, не ввести ли вас в курс дела. В принципе не следовало бы, вы лицо частное, но без вашей помощи нам не обойтись. Мы бы и раньше вас подключили, если бы... гм... не ваше странное поведение.

– Этой фаршированной колбасой для Михала ты себя окончательно дискредитировала, – добавил Дьявол. – Я выяснил на почте, кому она отправлена, но перехватить не успел. Интересно, что ты там написала.

– Вы с самого начала знали, что убийство Алиции как-то связано с наркотиками?

– Подозревали. Полной уверенности не было. Только ты могла пролить какой-то свет, но вместо этого все карты нам смешала.

– Ничего не понимаю. Вы что, работаете в одной упряжке?

– Отныне да. Я над этим делом бьюсь уже несколько месяцев, майору же досталось убийство, которое неплохо вписывается в эту аферу, и пара преступлений помельче, возможно, из той же оперы. Надеюсь, все наконец сдвинется с мертвой точки.

Ну вот теперь понятно почему, стоило им только взглянуть на меня, как оба дружно впадали в такую глубокую задумчивость, что становились похожими, как близнецы! С самого начала их терзала одна и та же дума. Нет, все-таки Дьяволу не откажешь в ясновидении.

– Вернемся к вопросу о нашем сотрудничестве, – сказал майор. – А вот и кофе. Так что же вы знаете?

Тема была для меня каверзная, требовалось соблюдать крайнюю осторожность. Однако многое я могла рассказать без утайки.

– Есть у меня кое-какие подозрения. Кое-какие смутные догадки. Я знаю в Копенгагене на Хмельной один магазин, называется «Specialites des Pays». Как раз импортная жратва. Довольно крупный магазин, много филиалов в других местах. Торгует исключительно всякой экзотической пакостью со всех концов света. Лягушачьими бедрышками, саранчой в сахаре, спагетти на любой вкус, маринованным ужом и тому подобными деликатесами. Нашими тоже.

– А нашими – это какими?

– Разными. Водки там залейся, правда самой низкопробной. Непременный свекольный салат, то бишь свекла с хреном – там у них хрен

почему-то не такой ядреный. Ну и, конечно, сало, селедка, огурцы – вообще всякие маринады.

– У них там что, своих нету? – удивился майор.

– Есть, но все сладкие. Селедку они готовят в чем-то вроде компота, вы не поверите, плакать хочется. И, разумеется, бигос. О бигосе в Дании никакого понятия не имеют, они там все очень берегут свое здоровье, так что такого бальзама для печени у себя предпочитают не готовить, у нас берут. Не уверена, но очень может быть, под жратвой Алиция имела в виду именно его. Скажем, официально закупается бигос, а неофициально в нем переправляется героин. Ваше дело – проверить, не буду отбивать у вас хлеб.

Нельзя сказать, что перспектива копаться в свекольном салате, бигосе и квашеной капусте привела их в неописуемый восторг. Но это уж их забота. Лично меня беспокоило совсем другое. В полном согласии и взаимопонимании обсудили мы всякие иные детали. Моя версия убийства, как оказалось, целиком совпадала с милицейской, причем на мысль о повторном визите убийцы майора навели злосчастные свечи. Тут я, кстати, кое о чем вспомнила.

– Алиция говорила, у нее что-то такое есть, – в раздумье сказала я. – Вернее, она знает, где оно лежит. А если убийца эту «штуковину» как раз в свечах и искал? Что это может быть? Интересно, нашел ли?

– Сказать ей? – Дьявол вопросительно взглянул на майора.

– По-моему, стоит, вдруг у пани Иоанны возникнут на этот счет какие-то соображения.

– Вот только не очень уверен, что такую «штуковину» можно спрятать в свечах, – саркастически заметил Дьявол. – Если, конечно, убийца именно это искал. Имеется предположение, что каким-то загадочным образом пропал груз с героином. Не у нас, естественно, – у контрабандистов. Крупный жирный кусище – около полутонны, стоимостью свыше пяти миллионов долларов. Как он у них пропал, остается только гадать, это же с кубометр, не меньше. А вдруг Алиция что-то о пропаже знала?

У меня прямо челюсть отвисла – полтонны наркотиков! Как тут не обалдеть, особенно когда ты думаешь, что вещь была спрятана в свечах. А ведь до чего это похоже на Алицию! Такое могло случиться только с ней, запросто потеряла бы и варшавский Дворец культуры!

Так-то оно так, да ведь Алиция про ту вещь знала, где она лежит.

– Ну ладно, свечи нам не по зубам, – самокритично признал майор. – Зато мы, кажется, нашли оружие убийства.

– Неужто?!

– Довольно странный предмет. Что-то вроде короткого стилета, без рукоятки, зато с украшением.

Он вытащил из ящика стола железку – миниатюрную, узкую, очень острую, заканчивающуюся красивым орнаментом, – за этот конец ее художественно можно было держать. Я так и впилась в нее глазами: смутно припомнилось, что где-то нечто подобное я уже видела. У кого, когда?

– Где вы нашли?

– В почтовом ящике пани Хансен. Тщательно протертый, без всяких следов.

Подлая шутка подлого бандита! Вот и все, что я могла бы сказать. Сколько ни пыталась, ничего не припомнила. Скорей всего, просто видела что-то подобное, с похожим орнаментом.

Майору, оказывается, эта находка пока тоже ничего не дала. Продолжая обсуждать со мной обстоятельства убийства, он вдруг забеспокоился:

– А вы уверены, что никто еще не добрался до кофра вашей подруги? Сдается мне, там могут найтись важные улики – имена, адреса. Боюсь, даже раскрыв все детали преступления, без улик мы не доберемся до самих преступников, а тем более не поймаем их с поличным.

Я уже столько ломала над этим голову, что поднакопила кой-какие соображения. Доступ к прачечной может иметь только человек, близкий к хозяевам дома, да и то ему потребуется подходящий повод. Никакому гостю, включая и друзей семьи, не позволят ни с того ни с сего шастать по чердачным закуткам. Даже если он раздобудет входной ключ и сможет проникать в дом в любое время суток, кофр окажется для него твердым орешком. Ни украсть, ни разбить его не удастся, хозяева ведь знают, что в прачечной хранятся вещи Алиции, и присматривают за ними. А уж вынести из дома предмет величиной с небольшой шкаф – и того мудреней. Нет, конверт наверняка спокойно себе лежит в заветном месте.

– Отпустите меня в Копенгаген, – взмолилась я. – Наверняка там хранится что-то очень важное, этот злодей в конце концов туда доберется.

– Я всецело с вами согласен, но считаю, лучше уладить дело по официальным каналам.

Я пришла в ужас.

– Что вы имеете в виду?

– У нас есть контакты с датской полицией.

Меня от его слов чуть на стуле не подбросило. Я инстинктивно вскинула руки, пытаясь схватиться за голову, но помешала висевшая на плече сумка. Сначала она заехала мне в ухо, потом смела со стола

пепельницу, а заодно и чашку с остатками кофе.

– Ни за что! – запротестовала я дурным голосом. – Пан майор, только через мой труп!!!

– Это почему же? – удивился майор, слегка озадаченный моими гимнастическими упражнениями.

Слаб человек, но в драматические моменты жизни откуда что и берется. Вот и я испытала в эту минуту интеллектуальный взлет – в крайнем возбуждении вышагивая по кабинету, произнесла неотразимую по своей убедительности речь. Ни в коем случае, ни за что на свете нельзя компрометировать Алицию перед нашими благодетелями! Не хватало еще, чтобы датская полиция явилась к ним обыскивать чердак, чтобы Алиция в их глазах предстала какой-то международной аферисткой! Что же получается – пригрели змею на груди? А как это скажется на репутации нашего благодетеля? Ведь он не какая-нибудь там пешка, а высокопоставленное лицо, служит в аппарате самого короля! Да если на то пошло, мы скомпрометируем не только Алицию, а вообще всех поляков! На нас и так на Западе косятся, а тут выходит, впустить к себе в дом человека из коммунистической страны – все равно что приютить уголовника. Что ни поляк – то бандит! Да не бывать этому! Честь нации!..

Нация нацией, но больше всего меня страшило, что Алиция проклянет меня с того света, если я позволю копаться в ее интимных делах совершенно чужим людям, вдобавок они, чего доброго, обнаружат, что и у меня рыльце в пушку. Пока мне удавалось благополучно обходить этот вопрос, а теперь вот пришлось ухватиться за национальную честь как за спасительную соломинку.

– Она отчасти права, – неохотно признал Дьявол.

– Резонно, – согласился с ним майор. – Ну что ж, подумаем.

Окончательно я не успокоилась – дамоклов меч продолжал висеть над моей головой, – но по крайней мере я снова уселась на стул. А они принялись обсуждать все сначала. Майор упомянул еще одно обстоятельство – при этом Дьявол сделал вид, будто он ни о чем таком слыхом не слыхивал. Я только смерила его взглядом, про себя поклявшись потом ему припомнить.

Оказывается, неподражаемый мой ребенок ухитрился во время наших пируэтов на шоссе запомнить номер «опеля». Не успел рассмотреть только последнюю цифру, но это не помешало майору разыскать автомобиль и выяснить, что он приписан к «Гранд-отелю». Машину иногда предоставляли полуофициальным валютным гостям, в том числе и некоему Петеру Ольсену, датскому гражданину с весьма примечательным

профилем. Когда точно она выдавалась ему напрокат, установить не удалось, зато майору стало известно, что именно такой профиль был замечен у дома Алиции в тот роковой вечер, между девятью и одиннадцатью часами.

– К сожалению, Ольсен не может быть убийцей, – огорченно вздохнул майор. – Начиная с одиннадцати он неотлучно бражничал с большой компанией в баре «Гранд-отеля». Ушел в свой номер в четвертом часу, а наутро улетел в Копенгаген.

Имя Петер Ольсен мне ничего не говорило. И все же в отличие от майора я нимало не сомневалась, что именно этот человек приложил руку к убийству, но предпочла пока помалкивать. Меня теперь терзали совершенно новые проблемы, а вместе с ними и страстное желание срочно повидаться с Михалом.

– Ну так что станем делать? – голос мой дрогнул. – Я хочу в Копенгаген...

Дьявол предусмотрительно держал нейтралитет, майор же надолго задумался.

– Хорошо, – неожиданно согласился он. – Поезжайте. Я замолвлю за вас словечко в паспортном бюро, может, вам будет сподручней заполучить эти вещи без нашего вмешательства. Надо наконец определяться...

От неожиданности я даже забыла поблагодарить. Небось приставят ко мне своего соглядатая, но это уже не суть важно. Главное – первой добраться до злосчастного кофра.

– Смею ли я теперь надеяться, – с некоторой претензией спросила я под конец, – что вы оставите в покое пана Барского? Как я понимаю, уже сегодня он будет дома?

Майор с какой-то растерянностью посмотрел на меня, потом на Дьявола, а у меня от дурного предчувствия дрогнуло сердце. Ну, если они меня надули!..

– Я не в курсе, – сказал он с такой миной, будто услышал от меня что-то очень комичное и едва-едва удерживается от смеха. – Это уж обращайтесь к пану прокурору, разбирайтесь с ним.

В предчувствии какого-нибудь очередного подвоха я обернулась к Дьяволу, а тот вдруг с озабоченным лицом куда-то жутко заторопился. Невзирая на все мои протесты, подхватил меня под руку, выволок из комендатуры и запихнул в машину.

– Где Збышек? – шипела я в промежутках между попытками освободиться. – Где Збышек, черт тебя возьми, говори, не то убью! Не вылезешь из этой тачки! Где Збышек?!

– Не знаю, наверное, дома, – отмахивался он, выкруливая на такой скорости, что мне оставалось уповать только на провидение и автоинспекцию. – Приезжай за мной в четверть четвертого. – Он затормозил у своей конторы, вырвался из моих рук и был таков.

Я его ловить не стала – скрипнув зубами, решила срочно направиться напрямиком к Збышеку.

Он открыл мне дверь собственной персоной, лучась радостью настолько, насколько был еще способен, весь воплощенная доброжелательность и нетерпение.

– Ну и как? Удалось им? – вцепился он в меня прямо с порога.

Увидев его, я чуть не лишилась чувств от невыразимого облегчения. Привалилась к двери и с умилением глядела на него во все глаза: вот он передо мной, в целости и сохранности, без всяких следов ужасных тюремных мытарств, правда, в каком-то нехорошем возбуждении. На странный его вопрос я ничего не ответила, потому как ровным счетом ничего не поняла.

– Входите, пани Иоанна, ну так что?

О чем это он, свихнулся, что ли, от всех передряг?

– Как вы себя чувствуете? – с тревогой спросила я.

– Благодарю вас, чудесно, я очень хорошо отдохнул.

У меня сердце екнуло.

– Пан Збышек, сжальтесь, оставьте ваш черный юмор! Умоляю, простите меня, если можете! Я так виновата перед вами! Счастье еще, что все обошлось!

Збышек изумленно вытаращил на меня глаза.

– Погодите, пани Иоанна, о чем вы? Что я должен вам простить?

– Ну как же, ведь они посадили вас из-за меня! Вид у Збышека был совсем очумелый.

– Что вы такое говорите? Меня – посадили?!

Я тоже таращилась на него, уже не понимая, кто из нас двоих свихнулся. Так мы и торчали в прихожей в полном ошарашивании.

– Мне очень неприятно возвращаться к этому, – осторожно начала я. – Особенно учитывая, что тут моя прямая вина. Но ведь вы просидели в тюрьме целых три дня!

Теперь уже Збышек смотрел на меня с тревожным сочувствием.

– Пани Иоанна, какое ужасное недоразумение! Значит, от вас скрывали? Я сижу, это верно, но сижу дома! Господи, что я натворил!

Все у меня внутри перевернулось. Кровь прилила к голове. Нет, все-таки доведет меня этот Дьявол до инсульта. Не человек, а прямо бес какой-

то. Видно, я уже в полном маразме, если, зная его целых три года, позволяю так беспардонно водить себя за нос!

Единственный подозреваемый... Ничто его не спасет... Надо бы перевести его в больницу... Ах, чтоб тебе пусто было!!!

– Дайте воды или чего-нибудь такого... – проямлила я. – Можно уже ничего не скрывать. Рассказывайте все как есть. Понимаю, этот сюрприз был рассчитан на меня.

– Что вы говорите?! – в ужасе вскричал Збышек и бросился за водой. – Значит, речь шла о вас? – продолжал он, вернувшись. – Никогда бы не подумал! Пан Войтек просил меня помочь, я так понял, что кто-то пытается переключить их подозрения на меня и надо усыпить его бдительность. Мне предложили затаиться, будто бы меня нет дома, не подходить к телефону, не открывать дверь. А я очень кстати оказался на больничном. Но сегодня, перед вашим приходом, пан Войтек позвонил, сказал, что можно уже не прятаться, вот я и открыл вам дверь. Я-то считал, что сижу тут для пользы дела. Но чтоб сидеть под арестом?.. Пани Иоанна, я вас как-то подвел? Если да, то простите меня великодушно!

– Ничего страшного! Ох, голова кругом идет. Нет, каков фрукт, а? Сил моих больше на него нет!

– Что вы, пан Войтек милейший человек! Я только с ним и отводил душу, у нас был условленный телефонный звонок и стук в дверь. А вы думали?..

Милейший человек, как же! И я доложила Збышеку, что ему сейчас полагалось бы коротать время в тюремной больнице, в состоянии близком к самоубийству. Збышека это очень развеселило.

– Состояние мое, конечно, было преотвратным, такое несчастье кого угодно подкосит, но сейчас мне гораздо лучше.

– Уж я с ним потолкую... А вас, пан Збышек, очень прошу: настройтесь на поиски того маляра, а то они вот-вот и его захомутают. Мне маляр позарез нужен.

– Да-да, конечно, поищу...

У меня внутри еще все кипело, когда я вернулась домой и позвонила Михалу.

– Послушай, – сказал Михал, – что за первоапрельские шутки насчет Алиции? Гуннар играет в молчанку, впрочем, мы с ним так и так плохо друг друга понимаем. Кто у вас там дурака валяет?

Я уже и без того была на взводе, когда намеревалась обсудить с Михалом наши весьма сомнительные дела, а тут он еще с места в карьер решил меня Гуннаром добить. Почему это он играет в молчанку, обиделся

на Алицию, что позволила себя убить?

– Не возьму в толк, – раздраженно сказала я. – Его должны были известить родные Алиции.

– Так, значит, это правда?!

– Абсолютная. Я свидетель. Алиция погибла, ее убили – чем-то странным, не знаю, как это и назвать, на следующей неделе я выезжаю в Копенгаген, поговори с Гуннаром, может, он приедет на похороны...

Кстати... когда, собственно, похороны? И что там за сложности с телом?.. Михал на другом конце провода молчал, видно, никак не мог прийти в себя. Но мне некогда было его утешать.

– Отзовись наконец! Ты что-нибудь уладил?

– погоди! Когда погребение?

– Точно не знаю, скоро.

– Может, еще успею. Алиция погибла. Боже мой! Значит, собираешься приехать? И мне не придется больше строить из себя идиота в этой вашей прачечной?

Я еще сильнее разнервничалась.

– Куда ты успеешь? Ты был в прачечной? Ну и как?

– На похороны. Может, успею.

– Михал, учти, я тут оказалась замешанной в преступлении, так что отвечай членораздельно, а то меня удар хватит.

– Не хватит, сама говорила – давление у тебя пониженное. На этой неделе я возвращаюсь. В прачечной был. Ваших благодетелей нету, уехали в свою летнюю резиденцию, консьерж никого не впускает. Везде закрыто на ключ. Один раз меня впустил, так ходил по пятам и все через плечо заглядывал. Вещи как стояли, так и стоят, но не буду же я на его глазах взламывать! Не знаю, в курсе ли насчет прачечной Гуннар, он куда-то отлучался, вернулся вчера. Я так понял, что надо помалкивать?

– Теперь уже все равно. Ну ладно, не ходи туда больше. Только бы нам не разминутся, нужно кое-что вместе обсудить!

От известия о добросовестности консьержа и возвращении Михала на душе у меня стало чуть легче. Можно будет перед моим отъездом нормально обо всем договориться.

Потом я позвонила сестре Алиции – узнать про похороны.

– Безобразие! – бушевала она. – Столько времени, что они там с нею делают? Неслыханно!

Я поехала за Дьяволом. Собиралась объяснить по поводу Збышека дома, но не хватило выдержки. Высказала ему все, как только он сел в машину.

– Милая моя, – самодовольно объяснил он, – сама знаешь – иначе на тебя управы не найти. Или надо было его и впрямь арестовать?

– Мог бы сказать правду!

– Не мог! Будь Алиция хоть на грош запятнана, ты бы костями легла, чтобы стереть все улики с лица земли. Эх, дождусь ли я когда-нибудь такой же преданности! Вдобавок требовалось вытрясти из тебя все о колбасе, я же не знал, что ты там написала Михалу. По-моему, пребывание Збышека на больничном пошло тебе только на пользу...

Тут он, спасая ветровое стекло, поймал на лету зажигалку, которой я в него запустила. Мне оставалось лишь немного поскандалить насчет контрразведки – что было бы, окажись я в своих подозрениях права, – после чего я наконец вырулила со стоянки.

– Ладно, прощаю тебе. Но объясни, ради бога, почему вы отказываетесь выдать тело семье. Сестра Алиции названивает мне почти ежедневно. А я забыла спросить у майора.

Дьявол ответил не сразу.

– Ну хорошо, скажу тебе, а то ведь снова развернешь самодеятельность. Тело Алиции исчезло.

Сначала я было подумала, что ослышалась, потом – что его вранье меня сведет в могилу, а потом просигналила левый поворот и стала выворачивать руль.

– Куда ты едешь?

– К майору. Ты снова врешь, а я не собираюсь терять из-за тебя остатки рассудка.

– Клянусь, это правда! Майора сюда не вмешивай, пойми – служебная тайна, я не должен был тебе говорить!

– Хотела бы поверить, да не могу. Тело исчезло! Как исчезло? Украли?

– Не знаю. Исчезло, и все тут.

Я остановила машину в неподобающем месте, чувствуя, что в глазах у меня темнеет.

– Пожалуйста, выражайся ясно и четко. Труп пропал? Когда? Каким образом? Кому он понадобился?

– Если бы мы знали. Поехали, а то оштрафуют! Исчез из прозекторской перед вскрытием, уже давно. Точно не известно когда, зачем и как. Майор с этим следствием не соскучится.

Нет, это уже слишком. Можно пережить смерть ближайшей подруги. Можно справиться со страхом перед контрразведкой, можно выполнять волю покойной, увековеченную весьма своеобразным способом, можно, наконец, дрожа за свою шкуру и подозревая себя же в пособничестве

наркомафии, добровольно рваться в ее копенгагенское логово, но перенести еще и пропажу останков подруги – такое и в страшном сне не приснится. Кому понадобился ее труп?

Чуть не клещами вытаскивала я скудные подробности из Дьявола, сидевшего теперь вместо меня за рулем. Говорил он так неохотно и бессвязно, что пришлось поверить – вранье у него всегда получалось более убедительным и виртуозным. Похоже, Алицию у них и вправду умыкнули, и сейчас им даже признаться неловко. Еще бы, так оскандалиться. Но я им эту загадку разгадывать не буду, сил моих больше нет, пусть сами расхлебывают! Оказывается, сестра Алиции нашла ее мертвой лишь после полудня. Накануне они договорились, что Алиция даст ей утюг с терморегулятором. С утра она звонила Алиции, телефон не отвечал, хотя Алиция так рано обычно не уходила. Утюг нужен был сестре позарез, пришлось в конце концов открыть квартиру своим ключом.

– Первым делом она вызвала «скорую», – недовольно хмыкнул Дьявол. – И только врач, установив смерть от ранения, позвонил в милицию. К счастью, сестра все это время оставалась в полуобмороке и не поднималась с кресла, так что ничего там не трогала. Судебного врача на месте не оказалось, и майор распорядился сразу отвезти ее в морг – Алицию то бишь. Вскрытие было назначено на завтра, но не состоялось.

– Почему? Она исчезла?

– Не знаю, скорее всего, еще нет. Вскрытие не состоялось, потому что исчез врач.

– Да у вас там какая-то эпидемия исчезновений! Навсегда исчез? Его тоже украли?

– Нет, нашелся на следующий день, только к вечеру. Попал в дурацкую аварию – выехал на машине куда-то за Малкинью и запутался в быке.

Тут меня пронзила тревожная мысль, что налицо еще одна эпидемия, на сей раз коллективного помешательства.

– Помилуй, как это запутался?! Я таких изощренных метафор не понимаю, выражайся нормальным языком! Бык ведь не клубок шерсти!

– Какие метафоры, самый натуральный бык пасся себе у шоссе на привязи. И надо же было такому случиться – как раз когда доктор подъехал, стрельнула выхлопная труба. Бык испугался и рванул в поле...

– А доктор за ним...

– Не совсем так. Оказалось, что бык щипал травку с одной стороны шоссе, а костыль, к которому его привязали, был вбит по другую сторону. Бык выдернул костыль, костыль подцепил машину за передний бампер и потащил ее напрямик по целине. Доктор вконец растерялся, сбросил

скорость и отдался на волю рока – даже не тормозил, боялся, что бампер оторвется, да так и ехал за быком, как на буксире. Надеялся, что бык в конце концов выдохнется. Но эти твари на редкость выносливы, ну и пришлось доктору пропахать таким манером не один километр, уже и темнеть стало, а бык, как на грех, выбирал безлюдные места. Наконец он вскочил в речку, и тут доктору пришлось-таки нажать на тормоза.

Бампер, конечно, отлетел. Всю ночь доктор протоптался у машины в болоте, да еще эта скотина вернулась и хлюпала где-то рядом, нагоняя на него страх. Бампер оторвался лишь с одного конца, чтобы ехать, надо было его снять, полностью, а бык мешал. Так что добрался он до Варшавы только к вечеру следующего дня... Вокруг Алициных останков начинало твориться нечто такое, что не поддавалось человеческому разумению.

– Святые угодники, что еще этот бугай выкинул? – простонала я. – Надеюсь, в краже тела он не замешан?

– Я бы ничуть не удивился, – философски заметил Дьявол. – Но вроде бы нет. Зато доктор из-за этой твари не смог сделать вскрытие.

– Неужели у вас больше нет врачей?

– Все загружены, а в последнее время даже выше головы. К тому же майор предпочитает иметь дело с доктором Гржибеком, впрочем, это его право. Доктор Гржибек еще в то утро сделал бы вскрытие, но он имел дело с быком, вот и пришлось Алиции ждать своей очереди. Знать бы, что так случится, конечно, подсуетились бы. Лишь на следующий день за нею пришли, но ее уж и след простыл. Все это время в морг никто не наведывался. Мало вероятно, чтобы тело выкрали днем, скорей всего, либо в первую, либо во вторую ночь. Вот и все, что мы об этом знаем.

– И майор не ищет ее? – возмутилась я.

– Еще как ищет! Но пока результат равен нулю. Только не вздумай говорить с ним на эту тему, я тебе ничего не сообщал!

Мне не хотелось на эту тему даже думать, не то что говорить. К тому же мое богатое от природы воображение сразу подсовывало мне этого дурацкого быка, несущегося по полю с заарканенным автомобилем. Не хотела бы я оказаться на месте этого Гржибека! Такое кого угодно может с ума свести. О нет, пусть разбираются сами, я умываю руки!..

Да к тому же у меня и своих загадок хватает. Почему, например, Алиция таилась со своими страхами и вообще со всем этим делом? Объяснение напрашивается лишь одно: тут замешан не просто знакомый, а очень близкий и дорогой ей человек, ради которого она готова была выжидать, даже с риском для жизни, пока он не выкарабкается из передряги. Допустим, что она поставила ему срок. Допустим, что он уже

отошел от аферы и она искала возможность сообщить о ней куда следует, потому-то ее и убрали. Самое логичное объяснение. Покрывать преступников в ее планы не входило, она ведь становилась тем самым сообщницей. Наверняка ломала себе голову, как бы половчее раскрыть преступление, оставаясь при этом в тени. Обращаться в милицию ей оказалось не с руки, об этом она мне сама успела сообщить. Как и о том, что собирается скрыться, – очевидно, так ей было удобнее передать куда следует информацию. Это, кстати, подтверждало мою догадку о близком человеке.

Если уж держаться последовательной линии, да еще соблюдать порядочность, то надо действовать таким образом, чтобы Алиции не в чем было упрекнуть меня с того света, то есть чтобы небезразличная ей особа осталась в стороне. Знать бы еще, кто это, ну да ладно, попробую вычислить по ходу дела.

На всякий случай я составила себе внушительный список всех ее друзей, родственников и знакомых, о каких только вспомнила, а потом стала одного за другим вычеркивать. Пытаясь влезть в ее шкуру, примерить на себя все ее симпатии и антипатии, я настолько увлеклась, что включила в кондуит даже тетку, вот уже два месяца как почившую в бозе. Алиция поддерживала со своей теткой самые близкие отношения, была привязана к ней больше, чем к сестре. Даже будь эта дряхлая, полупарализованная дама еще жива, надо обладать чересчур изощренной фантазией, чтобы вообразить ее пособницей наркомафии.

После смерти тетки на попечении Алиции оказалась теткина подруга, состоявшая с Алицией в каком-то дальнем свойстве. Эту свойственницу я на всякий случай не вычеркнула – мало ли что, вдруг у нее есть сын или дочь, сбившиеся с пути праведного. Критерий отбора у меня был один – отношение Алиции к данной особе, независимо от того, насколько она сама по себе подозрительна.

В результате в моем списке остались наши датские благодетели, подозревать которых было все равно что подозревать самого датского короля. Остался Гуннар – состоятельный, респектабельный архитектор, человек законопослушный до мозга костей, с ангельским сердцем. Прямотаки идеальный тип для злодея... Остался Збышек, уж точно ни в чем не повинный, осталась сестра Алиции, один незнакомый мне мужчина, о котором я понаслышке знала, что Алиция в молодые лета питала к нему слабость, и еще трое других ее приятелей. Одного из этой троицы я вписала и оставила в списке с тяжелым сердцем и тяжелым вздохом.

Лешек Кшижановский. Близкий, постоянный, верный друг Алиции,

наш коллега по профессии, обаятельнейший человек, которому и я горячо симпатизировала. Алиция всегда питала к нему уважительные, дружеские и бог весть еще какие чувства. Никогда в жизни она ни в чем бы его не подвела. Значит, и я должна на том стоять...

Перебирая все это в памяти, я вдруг вспомнила, что ведь Лешек ездил в Данию! За несколько месяцев до меня. Перечисляя майору бывавших там соотечественников, я совсем выпустила его из виду – очевидно, заклинилась на тех, которые жили там в мою бытность. И очень хорошо, что забыла, пока не поговорю с ним сама, упоминать не стану.

Дополнив список Михалом и собой, я отложила его в сторону. Сейчас не до частного сыска, следствие и без меня раскручено на полную катушку. Меня теперь больше занимало другое: под взломанной дверной рамой милиция обнаружила следы радиоаппаратуры; к сожалению, там же они и обрывались. Я-то считала, что следы эти указывают на Копенгаген – у всех тамошних таксистов я видела микрофоны, кажется, для связи с диспетчерской.

– Они переговариваются нормальным голосом, даже ничего не поднося к губам, – объяснила я майору. – Нас все время тянуло откликнуться – казалось, что они обращаются к нам. Кстати, прекрасно прослушиваются голоса диспетчеров, наверное, так же, как на другом конце – голоса пассажиров. Видно, у них там отличные усилители.

Майор в ответ только кивнул головой и вздохнул. А потом на всякий случай откомандировал на нашу Хмельную весь свой персонал, временно переквалифицировав в коммунальных служащих. Под видом проверки теплоснабжения они прочесали там все кухни, в результате чего в одной был обнаружен отменно сработанный самогонный аппарат, а в другой – нелегально забитая свинья. Только и всего.

Дьявол тоже без дела не сидел – воодушевленный почерпнутой из справочников информацией, дважды устраивал контрольные досмотры всех международных продуктовых грузов – как государственных, так и частных. В итоге на железнодорожном и воздушном транспорте воцарилась жуткая неразбериха, а в одной банке с домашним свекольником была обнаружена парочка браслетов червонного золота.

Маляра удалось отыскать в течение двух дней, о чем Дьявол сразу же поставил меня в известность.

– У этого вашего маляра, судя по всему, много чего на совести, – озабоченно хмурился он. – Строит из себя идиота. Ничего не знает, ничего не помнит, понятия не имеет, кто такая Алиция, и, кажется, вот-вот заявит, что в жизни не держал в руках кисти.

– Может, это не тот маляр? Как его зовут?

– Барцишевский.

– Шутишь? – изумилась я. – Антоний?

– Он самый.

– Так я его знаю как облупленного! Два года с ним работала. Исключено, Барцишевский – мастер экстракласса, всякие махинации ему ни к чему. Будь спокоен, честным трудом он зашибает столько, сколько нам с тобой и не снилось. Хочешь, я сама с ним поговорю?

Подумав, Дьявол с большим энтузиазмом принял мое предложение, попросил только подождать, пока он не переговорит с майором.

Работая в свое время на стройке, я сохранила хорошие отношения с мастерами – из тех, которых доводилось хоть иногда видеть трезвыми. В том числе и с Барцишевским, так что мы с ним при встрече сразу нашли общий язык.

Всесторонне обсудив основополагающие проблемы ремонта, мы перешли к частностям – я поплакалась, что не могу выйти на приличного маляра, получила очень кстати адресок сантехника и, наконец, перевела разговор на Алицию.

– А тот столяр, что работал с вами у пани Хансен? Она о нем хорошо отзывалась. Подумать только, какая жуткая история! Царствие ей небесное...

– Так вы знали пани Хансен?.. – запричитал Барцишевский.

– А то как же. Мы с ней дружили, я была у нее незадолго до убийства. Она мне и сказала, что это вы там у нее все покрасили.

Барцишевский сразу же сник.

– Господи, пани инженерша, чего мне это стоило! Век себе не прощу, что ввязался!

– А в чем дело?

– Понимаете, не заладилась там работа, хоть тресни. А теперь еще милиция ко мне привязалась! Уж и не знаю, как быть, может, вы что присоветуете?

Да мне как раз того и надо! Я с готовностью вызвалась его выслушать, и расстроенный Барцишевский поведал мне любопытную историю.

Не успел он приступить к ремонту, как его подручный отказался работать. У всякого уважающего себя маляра есть свой подручный, у Барцишевского тоже имелся, и вот этот его подручный вдруг заявляет, что ему надо срочно ехать к семье. Удар был ниже пояса – попробуй найти замену в разгар ремонтного сезона. И когда напарник сказал, что один его товарищ готов его подменить, Барцишевский согласился с радостью.

– Меня, правда, немного удивил этот товарищ – и годами посolidней, и вообще моему Владеку не чета, но потом оказалось, что в работе он неплох, ну, я и решил не привередничать. Даже не знаю, как его звали. Владек говорил, да я запамятовал. Кажись, упоминал еще, что он студент или вроде того, словом, учится и хочет заработать себе на каникулы.

А вскоре заболел столяр, которого Барцишевский в случае надобности приглашал себе на подмогу. Бригада распадалась на глазах. Правда, новый напарник привел с собой другого столяра, но Барцишевский, можно сказать, так ни разу его толком и не видел – на него свалилась еще одна напасть.

– Едва заявился столяр, как позвонила жена – пожар, горим! Что делать – пани Хансен нет дома, в квартире только баба, которая приходит к ней убирать, да и та вдрызг пьяная.

Это правда, уборщица Алиции страдала приступами хандры, во время которых старалась не просыхать дня три, не меньше. Ничего удивительного – будь у меня восьмеро детей, небось еще не так бы хандрил.

– Я помчался домой, а они там остались работать. Горели сараюхи на нашем дворе, вон те, взгляните, из окна видать. Должно быть, детишки огнем баловались, а там сухое все, вот и полыхнуло, точно бензином облили. Но на дом не перекинулось, довольно-таки быстро погасло. Даже пожарных не пришлось вызывать.

Неизвестный Барцишевскому столяр оказался титаном труда и за один день своротил всю свою часть работы. Подручный тоже вкалывал почем зря и всего лишь раз подвел своего работодателя, нанеся ему, так сказать, моральный ущерб. Барцишевский как-то отлучился в город, а когда вернулся, застал в квартире чужого человека – это в отсутствие-то хозяйки.

– Я с ним в дверях столкнулся, он уже выходил. Мне такое самоуправство не понравилось, я и сказал этому молокососу пару теплых слов – вы ж понимаете, пани Хансен оставляет на меня квартиру как на своего человека. Зачем же чужих впускать? Потом еще отвечать придется.

Помощник оправдывался, дескать, тот заходил всего на минуту – спросить, когда можно застать хозяйку. Помощник ему и открыл-то, решив, что это вернулся Барцишевский. Вроде бы ничего такого не стряслось, но у Барцишевского остался неприятный осадок – получилось, что он злоупотребил доверием Алиции. А тут еще нагрянула повестка от майора, расспросы вокруг да около – вот он и набрал в рот воды.

– Скажите, пани инженерша, что мне делать? – в страхе вопрошал он. – Я человек честный, в жизни по судам не ходил, а тут такая напасть. Чем черт не шутит, вдруг он что-нибудь стащил, а повесят на меня? И это

еще не все, под конец случилось самое неприятное...

Он заколебался, задумчиво уставился в широкий экран телевизора, к счастью выключенного, потом махнул рукой.

– Ладно, скажу уж, а то не видать мне покоя. Когда мы управились с ремонтом, этот помощник и говорит: «Никаких денег мне не надо. Ты меня знать не знаешь, в жизни не видел, меня тут не было. А если что припомнишь, тебе каюк». И ушел, так и не взяв денег. Ну, как поступить? У меня жена, дети...

– Да, плохи дела, – брякнула я с ходу. – Надо поразмыслить. А как он выглядел?

– Обыкновенно. С виду приличный, на студента похож. Высокий такой, молодой. Лет на двадцать пять. Весь из себя черный, загорелый то есть. Какие волосы – не знаю, шапку он не снимал.

Вот уж невезенье! Никакого толку от этого запуганного Барцишевского! Мало того, случись с ним что – будет на моей совести.

– А как выглядел тот, с которым вы столкнулись в дверях?

– Неприятный тип. Элегантный, костюм на нем хороший, а вот физиономией не вышел. Нос уже издали в глаза бросается.

Человек с перебитым носом! Ну что ж, этого следовало ожидать. Ловко же они управились с установкой аппаратуры! Очень уж не терпелось заполучить от Алиции нужные сведения. Оно и понятно, пять миллионов – это вам не фунт изюму.

– Знаете что, пан Антоний, – посоветовала я наконец, – лучше расскажите все как есть. Понимаете, вы для них опасны, пока молчите, сейчас они и вправду могут с вами что-нибудь сотворить. Но стоит вам все рассказать, как нужда в этом отпадет, а мстить они поостерегутся, чтоб не наследить... У них ведь тоже голова варит.

– Дело говорите, пани инженерша, утешился Барцишевский. – А на всякий случай буду начеку, береженого Бог бережет. Ох уж намылю я холку своему Владеку, пусть только вернется. И где он себе откопал эдакого товарища?

Точно такой же вопрос, разве что поглубже сформулированный, задал и Дьявол, когда я доложила ему о своей встрече с Барцишевским. Но пока я добиралась домой с другого конца города, у меня было время еще раз все обдумать.

– Не совершайте излюбленной ошибки всех полицейских во всех детективных романах, – предостерегла я Дьявола. – Не оставляйте на произвол судьбы самого ценного свидетеля, иначе завтра вы найдете его в состоянии, когда он вам уже ничего не засвидетельствует. Только

Барцишевский может опознать своего подручного и этого, как его, Петера Ольсена. Позаботьтесь о Барцишевском уже сегодня вечером.

Дьявол, как ни странно, на сей раз прислушался к моему совету, и вскоре Барцишевского доставили в милицейское управление живым и невредимым, правда не в наилучшем настроении.

Был допрошен и настоящий его помощник, тот самый Владек, которому Барцишевский грозился намылить холку, но помощник клялся и божился, что своего «товарища» знать не знает. А за рекомендацию и отъезд из Варшавы в разгар сезона сам он получил две тысячи отступного. Словесное описание ничего не дало – мало ли в городе молодых, высоких и загорелых. Петер Ольсен отбыл вместе со своим носом в Копенгаген, выяснить о нем почти ничего не удалось, кроме того, что он, скорей всего, знал Алицию и приходил к ней. Но нельзя же считать преступлением визит к даме.

Дипломатично, со всеми предосторожностями, щадя свой рассудок, я попыталась разузнать о пропавшем теле. Отвечали мне неохотно и, боюсь, лишь бы что-то ответить. Активные действия майора принесли только один результат: сокрушенную исповедь ночного сторожа, дежурившего в прозекторской в день после убийства. Он получил от совершенно ему незнакомого субъекта бутылку «Охотничьей», сопровождаемую просьбой выпить за здоровье покойников. Мецената почему-то волновало здоровье только тех покойников, которых доставили в морг именно в тот день. Сторож оказался человеком душевным и просителя уважил, а потом его не могли добудиться и через сутки. Оставшимся в бутылке напитком, как выяснилось, запросто можно было спасти от бессонницы весь персонал Института судебной медицины.

А еще до меня дошли сведения, что Гуннар все-таки приезжал в Варшаву, и майор даже пытался увязать два эти события, но ничего не получилось. Описание его внешности ни в чем не совпадало с дарителем «Охотничьей», а к тому же Гуннар, как ни странно, вообще проявил минимум интереса к трагедии, случившейся с его невестой. Гораздо больше внимания он уделил ее машине, стоявшей в платном гараже. Сразу же по приезде, то бишь спустя два дня после убийства, пользуясь доверенностью, которую Алиция оформила на него еще несколько месяцев назад, он забрал машину и вскоре – на ней же – укатил из Польши. Ни с кем не разговаривал, ни с кем не встречался, сидел безвылазно в своем отеле – не считая двух визитов к сестре Алиции, с которой вел светские беседы о погоде. Можно подумать, что он приезжал лишь ради машины, желая избавить наследников от связанных с нею хлопот. Это было настолько

непохоже на Гуннара, что я не знала, что и подумать.

Потеряв голову от злости, майор готов был заподозрить весь персонал прозекторской, допрашивал каждого, кто попадался под руку, перевернул вверх дном морги всех варшавских больниц и кладбищ, взял под наблюдение квартиры близких и дальних приятелей Алиции. Полное отсутствие результатов навело его на мысль, что это художества какого-то психопата.

– От психов всего можно ожидать, – скрепя сердце поддержал его Дьявол.

Паспорт мне должны были выдать со дня на день. Из составленного списка я выбрала Лешека Кшижановского и отправилась к нему на собеседование. Меня интересовала его прошлогодняя поездка в Данию и связанные с нею странные слухи. Хотелось кое-что уточнить. С одной стороны, если он замешан в афере, нужно его предупредить – такова воля Алиции. С другой стороны, не могу же я раскрывать тайну следствия, а тем более предостерегать преступников. Имелась еще и третья сторона: почему-то я в нем не сомневалась, хотя по всему выходило, что сомневаться следует.

– Пан Лешек, пожалуйста, быстро решайте. Если у вас есть что-то на совести, то мне лучше сейчас же уйти, не вступая с вами ни в какие разговоры. Итак?..

Вместо ответа Лешек пригласил меня зайти и угостил кофе. Я сочла свой долг честно исполненным и не заставила себя упрашивать.

Последний свой рейс в Данию он вспоминал без особого воодушевления, но и без подозрительной опаски. Он ходил капитаном яхты с экипажем в одиннадцать человек. Из этих одиннадцати вернулись только десять – один на обратном пути утонул, каким-то таинственным образом выпал за борт. Утонул, хотя умел плавать, выловили его уже мертвым. У Лешека были в связи с этим неприятности, его обвиняли в плохой организации спасательных работ, но при вскрытии у погибшего обнаружили что-то неладное с сердцем – оказалось, что он умер сразу же, как только вывалился за борт.

В довершение всего на экипаж яхты, включая и капитана, пало подозрение в перевозке контрабанды. Лешек из-за этого страшно расстроился – под ударом оказалась его безупречная репутация, а значит, и его занятия парусным спортом. Хуже всего то, что он и сам не мог поручиться за команду – обычно он плавал с постоянным составом, а в тот раз людей, как на грех, набрали с бору да с сосенки. Не всех он знал и не на

всех мог положиться.

– Значит, не исключено, что какой-то подонок и впрямь что-нибудь прихватил с собой, – задумчиво предположила я. – Как вы считаете, смог бы он проделать это тайком от вас?

Лешек тоже задумался.

– Скорей всего, да. При отплытии мы даже не проходили таможенный досмотр, меня там знают не один год. Обзавелся в порту друзьями, они мне доверяют, я ведь не для гешефтов плаваю, но тогда надежных людей со мной было раз-два и обчелся, так что чем черт не шутит... Следить я за ними не следил, в мыслях ничего такого не держал.

– Словом, они могли что-нибудь загрузить?

– Могли даже слона. Хотя нет, для слона там тесновато. Но возможностей имели более чем достаточно, накануне состоялись пробные заплывы, а я не во всех участвовал. Яхта могла взять груз где угодно, да хотя бы с понтона, с рыбацкой лодки. Риск, конечно, большой, но всегда больше для капитана, чем для команды. Есть, правда, одна загвоздка...

– Какая?

– Товар должен быть штучным, мелкими партиями, разве что контрабандой занималась вся команда, исключая, само собой, меня. Никогда на яхте не оставался кто-то в единственном числе, всегда там крутилось несколько человек. За исключением одного вечера, когда мы все скопом нагрянули в Хумлебек.

Я слышала об этом визите вежливости от Алиции. Команда в полном составе гостила у наших благодетелей в их летней резиденции. Я на секунду представила себе это зрелище, живописное, как с рекламного туристического проспекта. Уютная терраска, зеленый, обсаженный деревьями откос, внизу в лунных бликах море, а вдали на горизонте – мерцающая огнями панорама Швеции. У меня невольно вырвался завистливый вздох.

– А вы туда прямо на яхте приплыли?

– В том-то и суть, что нет, – взяли такси. Точнее, микроавтобус, как раз на десятерых. Я поехал вместе со всеми, а один человек остался на яхте.

– Зачем? – изумилась я. – Ведь в Дании не воруют!

– Не знаю. Не захотел ехать. Всю ночь провел там один, мог загрузить что угодно, заниматься каким угодно делом. Вот только довести его до конца не мог, ведь именно он-то и утонул. Вряд ли бедняга был контрабандистом, иначе потом бы его сразу вычислили. Покойник уже ничего не спрячет, а яхту после его смерти обыскали всю до основания. До сих пор не пойму, как он ухитрился свалиться, ночью хоть и стоял туман,

но море было спокойным, голова, что ли, закружилась?

– Столкнули, – буркнула я.

– Что вы говорите?! Кто? И зачем?

Нет, с Лешеком все ясно. Алиция тревожилась не за него. Какой смысл заниматься контрабандой, если выходишь в плавание всего пару раз в году? И зачем бы ему понадобилось топить человека – чтобы дискредитировать себя? Полная чушь!..

– У кого это ты так засиделась? – учинил мне Дьявол допрос уже с порога.

– Так вы до сих пор за мной шпионите? Надо было проводить до двери, посмотреть на табличку.

– Она без таблички. Чем откладывать до завтра, лучше тебе расколотся прямо здесь, в непринужденной обстановке.

– Ценный совет. Ну что же, скажу как на духу: я ищу человека, ради которого Алиция позволила себя убить. Лешек Кшижановский отпадает, это не он. Руки у него не трясутся, подозрительным взглядом вокруг не шныряет. А что новенького у вас?

У них ничего такого сенсационного не имелось. Но унывать они не унывали, все шло своим чередом. Удалось установить, что за Алицией велась постоянная слежка, было найдено оружие убийства и восстановлен весь его ход. Выяснены мотивы. Канал, по которому переправлялись наркотики, удалось перекрыть, даже мышь, будь она у преступников на посылках, не могла бы проскользнуть с чем-нибудь подобным через границу. Не хватало только мелочи – людей, которые все эти делишки обдeldывали.

– Где-то они ведь фасуют свой продукт, – рассуждала я. – Не сам же он набивается в банки. Неужели нельзя поймать их за руку прямо на месте преступления?

– Беда в том, что не найдена еще ни одна банка хотя бы со следами героина. Ни жестяная, ни стеклянная. Не нравится мне все это.

– А по-моему, ты должен чувствовать себя на седьмом небе. Контрабанда-то перекрыта.

– Ошибаешься, – бесстрастно возразил Дьявол. – Наблюдается странная картина. От нас ничего не идет, а в Данию поступает.

– Как так?

– Да вот так. У нас проверяется каждая посылка, каждый кусок селедки, сала, колбасы. Все невинно как слеза младенца. А по дороге каким-то дьявольским манером преобразается в героин.

– Откуда ты знаешь?

– У нас свои каналы. Да и сама версия мне кажется сомнительной. Сало готовят в одном месте, селедку в другом, что же получается – везде засели одни бандиты? Я думаю, тут задействован совсем иной механизм.

– Какой?

– Еще не знаю, надо кое-что проверить. Поезжай-ка ты в этот свой Копенгаген, может, на кого-нибудь там выйдешь. По-моему, там такая же петрушка. В магазин вносят, из магазина не выносят.

– Хорошо, наведуся к м-м... м-м... в магазин...

– Что это ты мычишь? – удивился Дьявол.

– ... и попрошу баночку чего-нибудь. Может, вынесу... – пробубнила я.

Счастье еще, что «магазин» начинается на ту же букву, еще секунда – и я ляпнула бы такое, чего в жизни бы себе не простила!

Паспорт мне обещали ко вторнику. Датскую визу – к среде. Во вторник паспорта у меня не было, зато объявился Михал. Я чуть не бросилась ему на шею, чем наверняка довела бы его до удара. Удержалась в последнюю секунду.

– Послушай, – сказал он, уяснив себе наконец, что похороны не состоялись и в скором времени не намечаются. – Ты эту фаршированную колбасу посылала только мне или еще кого-нибудь осчастливила?

Проигнорировав вопрос, я заставила его доложить все светские новости, а уж потом вернулась к нашим баранам и позволила себе встревожиться.

– Конечно, только тебе. А в чем дело?

– Да ты меня этой колбасой так заинтриговала, что я трижды туда наведывался. Из того, что мне наплел консьерж, получается, будто пол-Копенгагена ломится в твою прачечную. Хотя я за точность не ручаюсь – говорил он, естественно, по-датски. Везде все наглухо закрыто, с чего бы это, при вас все было нараспашку. Да, видел нашего знакомого.

– Кого именно?

Михал запнулся, подозрительно на меня поглядывая.

– Слушай, – неуверенно начал он. – Ты что-то писала о том воскресенье...

– Кого ты видел? – нетерпеливо переспросила я. – О воскресенье потом!

– Лысого недомерка в шляпе...

Хоть я и ждала чего-нибудь в этом роде, у меня прямо дух перехватило – сбывались наихудшие мои опасения. Речь вернулась ко мне так внезапно и хлынула таким фонтаном невразумительных междометий, что у Михала

лицо перекошилось от страха.

– Слушай, мое дело сторона, – нервно заявил он. – На что уж Алиция всегда была не от мира сего, а ты и вовсе с катушек съехала. Предупреждаю сразу – я умываю руки, в случае чего от всего отрекнусь.

– И правильно сделаешь, – подхватила я, благо язык мне уже повиновался. – Я тут только тем и занимаюсь, что тоже от всего отрекшусь. Нам надо лишь договориться, чтобы отпираться в унисон. Так ты говоришь, лысый недомерок? А помнишь типа с перебитым носом?

– Спрашиваешь, – насупился Михал.

– Тогда скажи, мы его там видели в то воскресенье? Михал неодобрительно воззрился на меня.

– Ты что, еще сомневаешься? Память отшибло?

– А магазин на Хмельной, ну тот, с фаршированным бамбуком и змеями в желе, он принадлежит сыну этого лысого в шляпе, верно?

Михал окончательно оторопел.

– Отвечай на мои вопросы, мне надо быть уверенной на сто процентов!

– Ну да. Сыну того лысого. В желе. А в чем дело, черт подери?

– А тот с носом... – начала было я.

– Того с носом я тоже видел, если это тебя интересует, – подхватил Михал. – На следующий же день после твоего отъезда.

– Так ведь я уехала в понедельник! – удивилась я и заодно удивилась тому, что еще могу удивляться.

– Да не там, – поморщился Михал.

– А где?

– С лысым. В магазине.

Хорошо бы с ним разговаривать в час по чайной ложке, подумалось мне, тут над каждой фразой надо долго и усиленно размышлять. Ну что ж, придется поразмышлять скопом.

– Михал, плохи наши дела, – озабоченно сообщила я. – Можно даже сказать, из рук вон плохи. Потом я тебе объясню что и как, а пока выкладывай подробности, только по порядку. Ты их там вместе видел? Они говорили? Ты уверен?

– Шевелили губами, значит, говорили. А может, жевали резинку? Да нет, вряд ли. Я как раз проходил мимо и задержался – лысый недомерок выставил в витрине такую пакость, что глаз не оторвать. Потом поглядел внутрь – а там они. Стоят и болтают. О чем – не слышал, сразу тебе говорю, а если бы и слышал, не понял бы.

Ну вот, все сходится один к одному. Болтали они, конечно, не о погоде

и не о живописи. И в такой ситуации я должна о них молчать! Одна надежда на проклятый кофр...

– Что же ты не достал тот конверт? – набросилась я на Михала. – Я ведь только за ним и еду. Если его там нет, нам с тобой крышка!

– Не выводите меня из себя, – прошипел Михал с таким видом, будто собирался меня придушить. – Говори наконец, что все это значит?

– Это значит, что мы с тобой вляпались в крупную международную аферу, связанную с контрабандой наркотиков, она-то и погубила нашу Алицию! – в отчаянии выпалила я. – И уж если хочешь все знать, то получается, что преступники расплатились с нами, и расплатились щедро, учитывая минимум усилий с нашей стороны.

У Михала прямо челюсть отвисла. Так и замер на месте с горячей спичкой в руке, пока огонь не стал поджаривать ему пальцы. Только тогда он вернулся к жизни, зажег другую и закурил.

– Ты уверена, что это то самое? – осторожно спросил он.

– На сто процентов. Тип с носом был здесь, и вроде бы не один раз. Оба они не последние люди в этой афере, и он, и лысый недомерок. Похоже, что и младшенький того лысого тоже, я тут недавно чуть не проболталась, размышчалась что твоя корова, да вовремя язык прикусила. Мы не должны о них знать, иначе спрашивается – откуда? Ставлю тебя в известность, что я ничего не собираюсь возвращать, ни гроша!

– А я, думаешь, собираюсь?

– Значит, отпираемся?

– А ты можешь предложить что-то другое?

– Итак, заметано, – подумав, подвела я черту. – Лично я с самого начала так для себя и решила. Ничего такого не было, впервые слышу.

– А Войтек знает? – забеспокоился Михал.

– Что ты, ни сном ни духом. Знаешь ты, я и, наверно, те двое. Опасность может исходить только от них. Если их поймают, они нас подставят.

– Ну, это бабушка надвое сказала, – расхорохорился Михал. – Пускай еще докажут. Разве что ты сама расколешься.

– Шутишь? Фиг им, я уж и ответ придумала. Дескать, оговаривают нас из мести, потому как я помогла их поймать.

Мы снова помолчали, отдавшись во власть размышлений. Я забежала мыслью вперед и стала прикидывать, как бы осчастливить польские и датские власти информацией, не открывая при этом источника. Вся надежда на конверт Алиции...

– А ты не боишься, что они и тебя уберут? – вдруг спросил Михал.

– Не до того. Стадию страха я прошла в самом начале, когда думала, что все это художества служб безопасности. Больно почерк похож. Только недавно сориентировалась, кто тут руку приложил, да толку-то, приходится помалкивать. Алиция тоже кое-что знала. Теперь понимаешь, почему я так рвусь к этому конверту?

– Холера, не знал я, а то влез бы туда через крышу или еще как...

– Ладно, давай уточним детали – на случай, если нас в чем-то заподозрят. Не помнишь, мы перенесли нашу поездку на неделю вперед или на неделю назад?

– Вперед. На седьмое мая. Могла бы и запомнить сей эпохальный день.

– Такое не забывается, перед глазами стоит. Тебе лучше от этого дела держаться в стороне, мол, ни о чем, что вас интересует, слыхом не слыхивал. Надеюсь, то письмо в колбасе ты выкинул?

– Даже не читая, понятное дело. Думаешь, будут спрашивать?

– Пристанут как пиявки. Ну ничего, можешь процитировать все, кроме последней фразы.

– Последней фразы вообще не существовало, – твердо заявил Михал.

– А с Гуннаром ты часто виделся? – спросила я, на всякий случай меняя тему: с минуты на минуту должен вернуться Дьявол, и как бы не пришлось обрывать разговор на полуслове.

– Гуннар вообще куда-то исчез. Я говорил с ним лишь однажды, по телефону, да и то ни черта не понял, впрочем, как и он меня. Потом он вдруг куда-то запропастился, и никто не мог сказать куда.

Н-да, странное дело, не знаешь, что и подумать. Еще немного, и я заподозрила бы Гуннара в краже автомобиля. Но моя бедная голова была так перегружена, что Гуннару в ней места уже не нашлось.

В среду мне выдали паспорт, в четверг визу, а в пятницу утром – билет на Копенгаген.

В самолет я села, до зубов вооруженная всякими инструкциями, советами, адресом и телефоном одного человека, с которым следовало связаться в нужный момент, наказами не лезть на рожон, а также двухкилограммовой связкой ключей самого разного калибра.

Насобирала я их где только могла, памятуя о том, что кофр наглухо заперт, а ключ от него Алиция давно посеяла. Может, какой из этой кучи металлолома и подойдет.

Я больше не расспрашивала Дьявола о последних новостях, об исчезнувших останках Алиции, выкинула из головы всех ее родственников и знакомых. Все варшавские дела и загадки были отложены до лучших времен, авось и без меня разрешатся.

После разговора с Михалом на первом плане у меня вырисовалось совсем другое.

Я соврала Михалу. Перед моим мысленным взором стоял вовсе не тот эпохальный день. Глазами души я видела совсем другую картину...

Газель шла первой. Мощные рефлекторы рассеивали сумерки и освещали кружащуюся вокруг ипподрома метель. Газель неслась великолепной ровной рысью, вздымая клубы серебристой поземки, и вскоре вырвалась на полкруга вперед. На последнем круге от отставшей группы отделилась Гекла, так они и мчались к финишу – впереди, с отрывом в несколько десятков метров, Газель, за нею Гекла, а дальше, сбившись в кучу, остальные рысаки.

Незабываемое зрелище!

Мы с Михалом стояли, чуть не выдавливая лбами стекло, позабыв обо всем на свете, не веря собственным глазам.

– Ну, теперь-то они, надеюсь, не сбоят, – дрожащим голосом простонал Михал.

– Плюнь через левое плечо, – нервно бросила я ему.

И вот Газель пересекла финишную черту. За нею, спустя несколько секунд, Гекла. Наша пара! Первый парный забег, который мы угадали на рысаках!

– Чудо, – благоговейно выдохнул Михал. – Случилось чудо!

Я была того же мнения.

– А мне казалось, что ее на все круги не хватит, – призналась я, до глубины души умиленная триумфом нашей Газели. – Это же надо, сразу оторваться на два километра, да так до финиша и продержаться!

– А этот болван еще утверждал, что на рысаков ставить – гиблое дело, – заметил Михал с самодовольством и презрением – последнее адресовалось нашему знакомому наставнику, матерому игроку. – Невероятно, правда? Или она любит такую погоду?

Перед тем как случиться чуду, мы уже успели кое-что просадить. Самую малость, потому как перепадали нам и неожиданные выигрыши, благо мы ставили на простой одинар. Поставить на парный нам и в голову не приходило, и вот сподобились – такое везение разве что во сне приснится!

Обуявшую нас страсть мы всеми правдами и неправдами скрывали от Алиции, поскольку относилась она к ней крайне неблагосклонно. Ее выезды на уикэнд весьма нами приветствовались, можно было за ее спиной беспрепятственно предаваться пороку в свое удовольствие. К счастью,

Алиция как раз вплотную заинтересовалась Гуннаром, и квартира на площади Святой Анны все чаще оказывалась в полном нашем распоряжении.

Мы обитали в то время все гуртом. Михал вообще-то снимал комнату в пансионате на пару с приятелем, но к тому надолго наезжала невеста, и тогда Михал перебирался к нам. Алиция не прочь была под любым предлогом погостить у Гуннара, так что все складывалось наилучшим образом – под кровом нашего благодетеля всегда ютилось неизменное число жильцов.

О своих матримониальных планах Алиция пока не распространялась, потому как сама еще окончательного решения не приняла. Не могла она вот так, сразу, избавиться от застарелых предубеждений насчет супружеских уз, несмотря на все ее благоволение к Гуннару. В Польше остался Збышек, мысль о котором наподобие пресловутого орла терзала ей печень и которого она по телефону пыталась осторожно подготовить к удару. Словом, ей приходилось вертеться ужом, чтобы не связывать себя окончательным ответом.

– Решайся же на что-нибудь, – увещевала я ее. – А то в конце концов останешься на бобах. Гуннару все это осточертеет, Збышек, сообразив, откуда ветер дует, постарается выбить клин клином.

– У Гуннара терпения хватит, они тут привыкли все дела улаживать тихой сапой, – хладнокровно парировала Алиция. – А сама-то ты как считаешь? Что мне делать?

– А черт тебя знает. Могу посоветовать раскрутить все в обратном порядке. Представь себе, что ты не выходишь за Гуннара, а расстаешься с ним навеки. Что тогда?

– Исключено, – отрезала Алиция с суровой непреклонностью.

Вот так судьба Гуннара наконец определилась. Зато мне теперь приходилось прилагать титанические усилия, чтобы скрыть его причастность к долгим отлучкам Алиции. Я путалась в объяснениях, именах подруг, у которых она якобы гостит. К счастью, Михал чрезмерной наблюдательностью не страдал и имен многочисленных ее подруг тоже не помнил, так что вранье худо-бедно сходило мне с рук.

Наша скрытность имела и еще одно, довольно забавное последствие. Ни о чем не подозревавший Михал отпускал по адресу Гуннара всякие двусмысленные реплики. Гуннар, надо сказать, был на два десятка лет старше его и на пару сантиметров ниже, по сему поводу Михал любя обзывал его «наш старичок с ноготок».

– Наш старичок с ноготок, вскормленный на капиталистическом

томатном соке, по части кондиции любого юнца за пояс заткнет, – с черной завистью заметил он как-то, когда мы осматривали окрестности замка в Хиллероде. – Такая прыть не по мне, я пас, я из военного поколения.

И категорически отказался полюбоваться замком с тыла. Случалось, на него находило такое словоблудие, что он сыпал своими простодушными перлами по адресу Гуннара как из рога изобилия, доводя нас до колик. Но однажды наступил момент, когда Алиция решила наконец рассекретиться и устроить в польско-датском доме нашей подруги Аниты что-то вроде помолвки. Михала включили в число приглашенных, а мне выпала честь возвестить правду.

Я встретила его на улице, и долго скрываема тайна вырвалась из меня как гейзер.

– Михал, мы с тобой приглашены в воскресенье к Аните на помолвку, – на одном дыхании выпалила я.

– А на чью? – спросил Михал без должного интереса. – Насколько мне известно, Анита уже замужем.

– Алиции с Гуннаром.

Михал какое-то время молчал, потом с деланной вежливостью переспросил:

– Прости, ты, кажется, что-то сказала?

– Да, сказала. Довожу до твоего сведения, что Алиция обручается с Гуннаром. Точнее говоря, они обручены уже давно, но в воскресенье состоится официальная помолвка.

Но не тут-то было – Михал продолжал неистово упорствовать в своем неверии, заявив, что не желает поддаваться на всякие дурацкие провокации и делать из себя простофилю. Пришлось детально ознакомить его с матримониальными планами Алиции и открыть глаза на ее систематические отлучки.

– Почему же ты меня не предупредила, чтоб я не распускал язык? Не могла меня в бок пихнуть? Старичок с ноготок!.. О господи! Что я там еще нагородил?

– Сомневался, в порядке ли у него мужская атрибутика... – любезно подсказала я ему.

– Ох, будь я проклят... И вы смеялись?! Бесстыжие! До последней минуты, до тоста за здоровье молодой пары, у него еще теплилась надежда, что не так уж он опростоволосился, что над ним решили подшутить. А на следующей неделе Газель и Гекла выиграли тот забег в Шарлоттенлунде.

– Я ведь говорила, что в Стране Шарлотты нас ждут всякие сюрпризы, – сказала я Михалу, когда мы сидели уже дома. – И как видишь,

выиграли парный! Что-то еще будет!

– Известно что – следующий парный проиграем, – саркастически бросил Михал.

– Не каркай. В следующий раз выиграем на вифайфе. Если нет везения в Шарлоттенлунде, считай, не повезет нигде. На Праге с этим еще труднее, а Мальмё и вовсе нам не по зубам, туда мы не поедem.

Под Прагой, конечно же, имелся в виду Амагер. Страна Шарлотты, собственно, тоже была нашим неологизмом. В буквальном смысле это название означало «Рощица Шарлотты», но у меня датское «lund» ассоциировалось с английским «land», вот так и возникла Страна Шарлотты. Михал воспринял мою выдумку без возражений. Что касается вифайфа, то это наш тройной одинар из Служебца, только изрядно доукомплектованный. В тройном надо угадать первых трех лошадей в трех очередных забегах, тогда как в вифайфе аж пятерку, о чем легко догадаться по названию. Страшное дело, только садист мог изобрести такое.

– Михал, проверь-ка, точно ли это кобыла, – обеспокоенно попросила я.

– «Газель», по-моему, означает «лещина», – заметил Михал и заглянул в программку. – Вряд ли они могли так напутать, хотя с них станет... Нет, кобыла и есть.

– Прямо не верится. Обогнать всех в такую-то погоду! Что за страна! Животные непредсказуемы, а люди не различают пола.

– Ну почему же, на этот раз все сходится, чего придираешься? Опять же – Юно. Юнону мы проходили в школе, женское имя, и тут, смотри, – Юно Ллойд, кобыла. Все совпадает.

– Допустим, зато Юно Клинтеби – жеребец. Наверно, для разнообразия. Доверяй, но проверяй.

Угадывание по кличкам пола той или иной лошади было для нас смертной мукой, особенно если учесть, что в те времена датские сокращения доставляли нам много хлопот и мы на этом деле уже не раз накололись. Однажды в промозглый дождливый день, соображая насчет ставок, мы пренебрегли Грандессой – решили, что нежная, хрупкая дамочка не пожелает месить грязь и сойдет с дистанции. Как бы не так, Грандесса пришла первой, принесла счастливым баснословным барышам, и вдобавок ко всему оказалась могучим жеребцом. Зато некоторые из резвых жеребцов, на которых мы возлагали надежды на длинных дистанциях – к ним лошади мужского пола, как известно, лучше приспособлены, – оказывались самыми натуральными клячами. Апофеозом наших проколов по этой части была Флоренс.

Впервые мы положили на нее глаз в очень типичной для нее ситуации. К тому времени мы уже изучили фамилии наездников и кто чего стоит, безусловно вместе с лошадью. Помнится, просмотрев программку заездов, я осталась недовольна.

– Да тут не на кого ставить. Одни графья едут.

– Какие еще графья?

– Взгляни сам. Везде «гр.» Граф Гутторман, граф Петерсен...

– Герр! – прорычал Михал.

– Какая разница. По мне, все одно графья. Аристократия рванула со старта, уже почти одолела круг, и тут на последнем вираже нашему взору предстало незабываемое зрелище. От группы легко отделилась наша Флоренс и уже до самого финиша шла в гордом одиночестве, увеличивая дистанцию так, словно все остальные топтались на месте. Ехавший в возке граф Петерсен даже не натягивал поводьев, мало того – ухитрился держать их в изящно поднятой руке, да еще и раскланиваться с публикой. Та отвечала ему шквалом смеха и аплодисментов, все, очевидно, знали Флоренс. Кроме нас. Мы зашлись от восторга – лошадь неслась без всякого принуждения, без малейшего усилия, вдохновенно упоенная скоростью, – словом, это было божественно!

– Наверно, она его любит и старается осчастливить, – сказала я умиленно, имея в виду графа Петерсена.

– Она! А он ее – нет? Представляешь, как он ее любит? За те денежки, которые на ней зарабатывает?

– Это само собой, но она, по-моему, любит его больше. Прямо всем сердцем рвется к финишу!

– Да и он ее от всего сердца поторапливает...

– Наверняка перед заездом подносит ей цветы, как ты считаешь?

– Да я бы ей эти цветы на коленях подносил, – с чувством сказал Михал. – Небось каждый день меняет букет на свежий. Трюмо поставил в конюшне и ленты в гриву вплетает.

– А перед бегами падает ниц и умоляет: «Не подведи, алмаз души моей, не подведи...»

– А она ему подносит копыто для поцелуя. Вот бедолага, наверно, на баб и глаз не смеет поднять, боится оскорбить ее в лучших чувствах.

– Ну уж не знаю. Любящее сердце великодушно.

– Слушай, а может, он с нею обращается как истинный мужчина? – вдруг загорелся Михал. – Регулярно, дважды на неделе, обхаживает кнутом, а?

– Сказанул! – вскипела я. – Неужто похоже, что ее бьют кнутом?

В конце концов мы сошлись на том, что у этой пары настоящая, большая и взаимная любовь и что капризная, своенравная Флоренс побеждает лишь тогда, когда графу удастся доказать всю глубину своего чувства. В противном случае, если, к примеру, граф запомнит поставить в вазу королевского фарфора свежие розы или, не приведи господи, окажет внимание какой-нибудь молодой даме, оскорбленная Флоренс приходит к финишу последней, то и дело сбиваясь на галоп.

А потом оказалось, что Флоренс – жеребец.

Но мы никогда не смирились с этим фактом. Скорей всего, любовь графа к Флоренс столь велика, что он из ревности хранит в тайне ее пол. На том и порешили. Однажды наш приятель, завсегдатай тотализатора, предпочитающий, правда, бегам скачки, возымел глупость засомневаться в нашей Флоренс, когда она на вираже вышла вперед.

– Да что ты! – возмутилась я. – Если не Флоренс, то кто?!

– Ну, раз уж ваш Флоренс такой молодец... – с недоверием протянул он.

Я покрутила пальцем у виска и бесповоротно списала его в разряд круглых дураков. Во-первых, не понимает очевидной истины – если Флоренс ведет на вираже, то нет такой силы на свете, которая помешала бы ей прийти первой, а во-вторых, он принимает ее за жеребца. С ним все ясно!

– Третий номер, то есть Газель, вышел вперед, – прокомментировал Михал, тщательно изучая программку и анализируя наш успех. – А первый передвинулся на второе место. Надо играть на числа, если в них есть какая-то система.

– А вот, смотри, двойка спустилась на двенадцатое, – вдумчиво заметила я. – Все сходится, четные сдвигаются, а нечетные остаются.

– Ты что, тройка – это четное число?

– В прошлый раз!

– А в следующий – снова четное, – бормотал Михал. – Тройка должна прийти в первом заезде в конце, потом она под тринадцатым номером передвигается вверх, единица остается внизу, потом, уже как восьмерка, поднимается вверх...

– ...и, оседлав Кайзера Хансена, галопирует к финишу...

– Что?!

– ... а восьмерка под одиннадцатым номером спускается вниз. Чушь собачья!

– Я просто прикидываю возможные комбинации. Во втором заезде придет аутсайдер и похерит весь вилайф...

– Лучше подождем до вторника, посмотрим новую программку...

Азарт все глубже затягивал нас в свою пучину. Как на грех по пути на работу я проходила мимо нескольких обувных магазинов. В одной из витрин красовались черные шпильки из настоящего крокодила, и именно мой размер. Каждый день, утром и вечером, замирала я у витрины и вожделенно пожирала глазами этот шедевр, мрачно размышляя о том, что заиметь его можно лишь на выигрыш за аутсайдера. Такую роскошь купить за свои кровные, трудовые у меня никогда рука не поднимется. Вся надежда на тотализатор. Когда же нам повезет по-крупному!..

Наконец я не выдержала и рассказала о дивных туфлях Михалу.

– Тогда шевели мозгами, – буркнул Михал. – Образование у тебя вроде бы высшее?

Воодушевленная ценным советом и каждодневным созерцанием чуда, я с таким рвением шевелила мозгами, что результат не замедлил сказаться: в следующее же воскресенье все мои прогнозы, от первого до последнего, попали в точку – все, на что я ставила или хотя бы просто отмечала вниманием, было дисквалифицировано, снято со старта или пришло к финишу в хвосте. Михал смотрел на меня с нескрываемым ужасом и только приговаривал:

– Если бы платили за два последних места, мы бы с тобой уже озолотились!

Наконец он запретил мне даже рот раскрывать. Единственное, что мне было дозволено, – это указывать номера лошадей, на которые я собиралась ставить. Пришлось подчиниться, и шпильки из крокодила, маячившие у меня перед глазами, стали расплываться в туманной дали.

С тоской и унынием наблюдала я за финалом последнего забега, в котором выигрывал какой-то номер, который мне бы и в голову не пришел. Я повернулась к Михалу, собираясь что-то ему сказать, как вдруг он на моих глазах побелел как полотно и забормотал себе под нос.

– Ты чего? – забеспокоилась я.

– Кто там финишировал? – прошептал Михал. – Десять – восемь?

– Точно, десять – восемь. А в чем дело? Ты ведь не ставил?!

Вместо ответа Михал, без кровинки в лице, выгреб из кармана два жетона.

– Десять – восемь, – триумфально зачитал он. – Взгляни, у меня что-то в глазах мутится.

Я взглянула и обалдела. Десять – восемь, как бог свят! Снова чудо!

– Михал, ты волшебник! – ахнула я. – Умоляю, только не потеряй! Я как-то посеяла на Служевце жетон на парный!

– Сплюнь сейчас же! Теперь туфли из крокодила, считай, твои. Десять – восемь! Как они оказались впереди? Все время тащились в хвосте!

Мне было все равно, как они оказались впереди. Михал перекладывал выигравший жетон из кармана в карман, не зная, где бы получше спрятать. Толпа вокруг нас стоном стонала, причитала все больше по-английски. Еще бы, выигрыш был что надо, достойное вознаграждение за наши муки: 5000 крон...

А назавтра, во-первых, я купила туфли, во-вторых, нам пришел конец. Губительная страсть завладела нами бесповоротно. Алиция бросала на нас взгляды, исполненные ужаса, – к счастью, лишь изредка, потому как оставшееся до отъезда время решила посвятить исключительно Гуннару. Правда, туфли из крокодила всколыхнули в ней легкий интерес, но своего мнения насчет азартных игр и состояния нашего рассудка она не изменила.

– Совсем рехнулись, – сурово провозгласила она. – Михала я еще могу понять, молодо-зелено, но ты-то, старая дура, мать семейства!

– Отцепись, – отрезала я столь же сурово. – Имею право урвать кое-что от жизни. А потом, у меня предчувствие.

– Какое еще предчувствие?

– Сердце-вещун подсказывает, что в Стране Шарлотты меня что-то ждет. Что-то необыкновенное, – торжественно объявила я.

– Могу себе представить. Будешь возвращаться темным лесом и получишь от бандитов по кумполу.

– Ты хочешь сказать, что перед тем я выиграю? Иначе зачем им травмировать мой кумпол? – оживилась я.

– Пути хулиганья неисповедимы, – вздохнула Алиция и примерила правую туфлю. – Хороши, ничего не скажешь... – Потом примерила левую и опять вздохнула.

– Это только начало, – задумчиво протянула я. – Чувствую, еще не то будет. Крокодил слегка лишь вынырнул.

– Не хочу быть назойливой, но как бы этот крокодил не слопал тебя с потрохами. Брось дурить, пока не поздно.

– Отстань. Отказаться от чуда? И не подумаю!

Соблазн перевесил – сколько Алиция ни вразумляла меня, все уговоры отскакивали как от стенки горох.

Но чудо на то и чудо, чтобы не повторяться. Возлюбленные мои лошадки вели себя до невозможности капризно, а уж с их номерами так и вовсе была настоящая чехарда. Форменное издевательство – если мы ставили на четверку, первым приходил четырнадцатый номер, если на одиннадцать – финишировала единица, и так далее в том же роде. Мы

ставили на самые неожиданные пары, но они приходили хоть на полголовы, да в обратном порядке. В нас словно бес вселился, порок торжествовал сатанинскую победу, моими же собственными руками выставив на комод доказательство неограниченных своих возможностей – сверкающие черным лаком туфли из крокодила. Неотразимым соблазном ослепляли они нас, все вверх дном перевернув в наших высокоморальных душах.

– Если ты думаешь, что я на этом успокоюсь, то глубоко ошибаешься, – зловеще предупредила я Михала.

– И что же у тебя на очереди? Бриллиантовое кольцо?

– Чихала я на кольцо. Теперь я присмотрела себе зеленый «вольво-144» и несессер из крокодила. А к нему, естественно, набор сумочек, я люблю, чтобы в комплекте.

– И правильно, куда это годится, садишься в «вольво» – и без крокодила! Все должно быть в полном ажуре. И во сколько комплект обойдется?

– Недорого. За все про все двадцать кусков. Сумочки стоят от восьмисот до трех тысяч крон, но я за дорогими не гоняюсь. Вполне сойдут за полторы.

– Озверела баба, – резюмировал Михал и, подумав, добавил: – Стрелять таких надо. – Потом еще подумал и добавил: – А я бы кой-куда съездил. Меня интересует Бразилия. И Гималаи.

– Размахнулся! Может, удовлетворишься Альпами?

– В Альпы заверну по дороге. Но под мостами ночевать не собираюсь, и в скверах на лавках тоже. Люблю умываться теплой водой.

– Озверел мужик. Видать, не только я гожусь для отстрела. Тут парным не обойдемся, придется сорвать вифайф.

– За чем же дело стало?

Увы – вифайф все-таки превышал наши возможности. Уж проще было сорвать в Служебце польский тройной. Ну мыслимо ли отгадать первых пять лошадей в пяти очередных заездах, со второго по шестой!

В довершение всего мы не могли как следует сосредоточиться, на носу был отъезд Алиции. Недели за две началось светопреставление, означающее, что Алиция собирает вещи. В один из таких апокалиптических дней она мне сказала:

– Слушай, кофр я оставляю.

– Ага, – тупо буркнула я в ответ – как тут не отупеть, когда живешь в таком невообразимом бардаке, урывая на сон по три часа в сутки!

Зато Алиция была как огурчик, по ней никто бы не сказал, что

ложимся мы где-то под утро, а потом мчимся сломя голову на работу, стараясь если уж опаздывать, то в меру приличий. Я переносила все эти тяготы намного хуже. Наверно, чтобы окончательно меня уморить, она запретила мне возвращаться домой пораньше – отвлекаю ее, видите ли, от процесса. Пришлось обойти с визитом всех, каких только удалось, знакомых, просмотреть все французские фильмы, а под конец, исчерпав французский репертуар, переключиться на английский кинематограф, который маловразумительными датскими субтитрами доконал меня окончательно...

– Пускай себе там стоит. С благодетелями я договорилась.

– Не беспокойся, передвигать эту махину я не собираюсь. А что в ней?

– Не знаю, не могу открыть.

– Вот те раз! – От удивления у меня даже в голове слегка прояснилось. – Не знаешь, что в твоём же кофре? А вдруг что-то нужное?

– Все нужное при мне, а открыть не могу, ключ посеяла. Там какие-то старые бумаги, пусть лежат.

– Как знаешь, – равнодушно пожала я плечами.

– В той большой коробке и в той, что рядом с нею, всякое барахло. Старое и не очень. Его я тоже оставляю, все равно вернусь. Если не вернусь, перешлешь мне потом. А часть отправишь Лауре.

Я со всем согласилась, записав на всякий случай лишь отдельные поручения и имена добрых людей, отдавших нам кое-какие вещи во временное пользование, с возвратом. Заодно записала, что и кому выслать, поскольку в таком состоянии у меня в одно ухо влетало, а в другое вылетало.

Лишь единственный раз ей удалось высечь искру в моем сумеречном сознании. Переходя от занавесок Гуннара к чайнику благодетелей, она неожиданно сделала паузу и внимательно посмотрела на меня.

– Послушай, – голос ее звучал нерешительно. – Может, ты все-таки покончишь с этим Шарлоттенлундом?

– Еще чего, – вежливо и в полном рассудке отрезала я. – Меня там крокодил ждет. Нельзя обижать зверушку.

– Лечиться тебе надо, – поставила короткий диагноз Алиция и больше к этой теме не возвращалась.

Все в этом преходящем мире имеет свой конец, и сборы тоже, и вот однажды, ранним туманным утром, Алиция от нас уехала. Мы сидели нахохлившись в доме на площади Святой Анны, уткнувшись носами в кипу беговых программ и отрываясь лишь затем, чтобы железякой неизвестного назначения наколоть орехов на бетонном пороге прачечной.

Уже несколько недель немилостивая судьба показывала нам только спину. В последнее воскресенье у нас в вифайфе вышли все пять попаданий, увы – на трех разных жетонах. Мы уже обменялись нелицеприятными друг о друге мнениями, совместно проанализировали их, сошлись, учитывая возраст и не мудрствуя лукаво, на сопливом кретине и старой дуре и теперь дружно напрягали свои умственные способности, решив во что бы то ни стало компенсировать нашу идиотскую промашку.

– В Польше я играла под Толстуху, – задумчиво пробормотала я.

Михал оторвал голову от листков и недовольно посмотрел на меня.

– Что еще за толстуха?

– Да одна такая. Угадывала почти каждый парный, в конце концов я обратила на нее внимание. Стала следить, на что она ставит. Угнаться за ней было трудно, играла по-крупному, но кое-что мне от нее перепало. Считай, единственная полоса в моей жизни, когда я играла с положительным сальдо. А потом она куда-то пропала, наверно, уехала.

– Может, она в Копенгагене? – оживился Михал.

– Может.

– Так ты приглядишься вокруг.

– Да я ее в лицо не запомнила. Все время моталась следом, видела только со спины. Если, не дай бог, похудела, то и не узнаю.

Михал смерил меня скорбным взглядом и, присев на пороге, стукнул железякой по ореху. Воспоминание о Толстухе слегка меня взбодрило. А что, неплохая мысль, пусть и нет Толстухи, но кто нам мешает играть под кого-то другого? Да хоть под лысого недомерка в шляпе!

С лысым недомерком в шляпе я познакомилась в продуктовом магазине напротив своей конторы – там я всегда закупала еду. Однажды в понедельник он сам меня зацепил – заговорил о прошедшем воскресенье, да так, словно мы с ним давно были на короткой ноге.

– You are from Poland? – спросил он. – I have the family in Poland.^[1]

Потом похвалился, что вчера ему выпал удачный день, чем меня порядком расстроил. Я в свою очередь решила досадить Михалу и при первой же okazji поставила его в пример.

– А как он выглядит? – заинтересовался Михал. – Вдруг тот самый, с которым мой приятель обделывал какое-то дело?

– Маленький, лысый, с носом и черными волосами.

– Так все-таки лысый или с волосами?

– Лысый, а вокруг плечи черный венчик.

– Покажешь мне его, а я скажу тебе, тот ли.

В воскресенье не я, а Михал показал мне этого типа.

– Вон тот лысый, у которого с моим приятелем какие-то дела. Он?

Я попыталась рассмотреть, потом пожала плечами.

– Не знаю. Вижу, что в шляпе, а что под шляпой, не вижу. Может, тот, а может, и нет.

– Если он, то у него недалеко от твоей работы художественный салон. Наверно, поэтому вы ходите за продуктами в один магазин. Промышляет реалистами, абстракцию на дух не переносит.

Лысый недомерок сам развеял мои сомнения – радостно кинулся ко мне, размахивая жетоном, на котором черным по белому была записана пара аутсайдеров, только что финишировавших. Сияя самодовольством, он совал жетон под нос каждому встречному, и вскоре уже половина публики толпилась вокруг него, желая поглазеть на счастливого.

– Лысый недомерок в шляпе попал на десять – одиннадцать, – сухо сообщила я Михалу. – Разыграл комбинацию на сотню. Кажется, ему это окупилось с лихвой.

– Тихо, – шикнул на меня Михал. Музыка из транслятора оборвалась, и разнеслось какое-то карканье. – Точно, два куска чистоганом.

А вскоре я стала свидетелем того, как лысый недомерок сорвал куш на фаворите десятком жетонов и выиграл за вифайф семнадцать тысяч. При этом он мне самолично признался, что ему всю жизнь везет на деньги. Вдруг он нас выведет на золотую жилу?..

Я поделилась ценной мыслью с Михалом. Тот высыпал на стол орехи и сказал:

– В этом что-то есть. Можно попытаться, чем черт не шутит. Вот только не обанкротиться бы раньше времени, он играет с размахом.

– Толстуха тоже играла с размахом.

Стояла уже весна, и лесок в Шарлоттенлунде ласкал глаз неотразимым очарованием. А если вспомнить, что прямо за лесом плещется море, к которому я всегда питала слабость, то очарование становилось еще неотразимей. Твердое убеждение, что в Стране Шарлотты нас что-то ждет, не покидало меня; сверкая черной крокодиловой кожей, это «что-то» неотступно маячило передо мной. У меня уже развилась настоящая мания на почве этой дубленой рептилии.

Приняв решение заменить Толстуху лысым недомерком в шляпе, мы с первого же заезда не спускали с него глаз. Установили за ним попеременное наблюдение, но пока безрезультатно – лысый недомерок поставил на вифайф и пять очередных заездов вообще пропустил. После шестого, выяснив, что вифайф он проиграл, недомерок двинул к кассе – должно быть, решил отыграться на парных. И сделал это, к сожалению, в

последнюю минуту, когда мы уже отчаялись и сыграли на свой страх и риск.

– Черт бы его побрал, – раздраженно пожаловалась я Михалу. – Поставил уже после меня. Но как-то странно, может, нам тоже так сыграть?

– А у тебя есть лишние деньги? – съехидничал Михал. – На что поставил?

– На единицу, двойку и одиннадцать – в комбинации, а еще на тридцатку.

Михал пожал плечами.

– Только единица еще подает кой-какие надежды. Решил рискнуть на аутсайдерах. Подожди, увидим.

Ждали мы недолго. Пришли одиннадцать – один, и лысый недомерок в шляпе получил свои трудовые 835 крон. А нас чуть удар не хватил.

– Я на все готов! – в беспамятстве шипел Михал. – Если он сейчас выложит тысячу, я тоже ставлю тысячу!

– Опомнись, у нас на двоих столько не наберется! Михал скользнул по мне невменяемым взглядом и кинулся разыскивать лысого недомерка. Я понеслась его догонять, потому как лысый недомерок стоял за углом, а Михал разогнался аккуратно в противоположную сторону. Жутко нервничая, мы топтались за углом, выжидая, пока недомерок не втолкует что-то субъекту с примечательным носом и не направит свои стопы к кассе. Как только он их направил, Михал шмыгнул следом.

– На что лысый сыграл? – нетерпеливо вцепилась я в Михала, когда тот вернулся.

– На парный. Четырнадцать – один. Я ушам своим не поверила.

– И ты тоже?

– Ну да!

– С ума сошел! Ведь участников всего тринадцать!

Михал взглянул на меня так, словно только что очнулся от гипноза, и лихорадочно стал искать по карманам жетон. Посмотрел на него, потом на табло, где аршинными цифрами светилось всего тринадцать номеров, а потом снова на меня, уже с ужасом.

– Это твой недомерок с ума сошел!

– Кто-то из вас уж точно! Господи, выходят на старт! Беги, поставь на что-нибудь нормальное! Ведь последний розыгрыш!

Подталкивая друг друга, мы стремглав бросились к кассе. Михал назвал первые попавшиеся номера, я сгребла жетоны в сумку вместе с идиотским жетоном на четырнадцать – один. Не успели мы прийти в себя, как лошади, сделав два круга, вышли на финишную прямую.

– Семь – четыре! У нас, по-моему, такой есть? – спросила я, в который уже раз испытываю потрясение: вдруг взять и с бухты-барахты выиграть – это что-то новенькое!

– Проверь, я и сам не помню. И не радуйся заранее, еще только первый заезд.

– Положим, второй. Первый был с Дубль Рексом. И то хорошо, может, сотню дадут.

– Неизвестно, скорей всего, полсотни. Вот если бы ты не упустила недомерка в первом заезде, получила бы больше.

– Кто бы говорил. Как будто ты его не упустил.

– Прикажешь отвечать за бзики всяких лысых полудурков?

– Можешь хотя бы за одного, волосатого? Которого каждый день в зеркале видишь!

Вот так ни с того ни с сего мы с Михалом поцапались. А ведь счастье еще, что успели поставить на фаворитов! День, можно сказать, окупился, но какой это был мизер по сравнению с упущенной первой парой!

Разозлившись на Михала, я решила в ожидании выплаты поужинать наверху в баре. Михал сначала отказался, потом, когда я почти управилась с ужином, тоже заявился, в результате мы еще сидели за столом, когда объявили наш выигрыш – 96 крон.

– Оно и лучше, не придется стоять в очереди, – сказала я.

– Придется. Весь ипподром там выстроился.

– Тогда не спеши так. Кто тебя гонит?

– Поневоле давишься, когда такая змея на тебя смотрит.

– Не попадалась тебе еще змея настоящая. Вот повзрослеешь – сам убедишься, – наставительно изрекла я, хоть и понимала, что подливаю масла в огонь.

Сошли мы вниз злые и надутые, уже и вовсе друг с другом не разговаривая. Около касс толкались остатки очередей. Пусто было только у одной, и я, не утруждая себя чтением таблички, направилась напрямик к ней. Михал сделал какой-то жест, словно хотел что-то сказать, да передумал. Поколебавшись, он потащился следом за мной.

Я вынула из сумки жетон, который у меня предусмотрительно был засунут в кармашек, и подала кассиру. И тут случилось такое, чему я при всем своем желании не могла поверить, хоть и случилось это не с кем-нибудь, а именно со мной.

Кассир взял жетон, быстро, но внимательно осмотрел его, сунул себе в верхний карман пиджака, пошарил глазами по сторонам и вытащил деньги. Я машинально тоже огляделась вокруг, но поблизости стоял только Михал,

да и то демонстративно отвернувшись.

Я перевела взгляд на кассира и обалдела. Мне причиталось ровно 96 крон, а тут передо мной высилась гора денег, исключительно пятисотенными, и всю эту кипу кассир с явным нетерпением придвигал ко мне.

В голове у меня было пусто, хоть шаром покати. Впрочем, не совсем пусто – туманным облачком всплыло ощущение, что мне подсовывают эти деньги, чтобы я зачем-то их рассмотрела. Я невольно взяла тяжеленную пачку в руки, и тут кассир сделал жест, словно отгонял меня от окошка, и при этом что-то пробормотал – я разобрала только «квик», означавшее «быстро». Я попыталась запротестовать – зачем же мне отходить, да еще быстро, да еще с чужими деньгами в руках, в ответ он тоже запротестовал – тихо и злобно. В этот момент ко мне подошел Михал – спиной, что ли, почуял неладное. Лицо кассира перекосилось, он молниеносно спустил стекло и выскочил за дверь, а я осталась стоять с чудовищной суммой в руках и чудовищной пустотой в голове.

– Что все это значит? – спросил Михал, с изумлением глядя то на меня, то на лелеемое мною в ладошках богатство.

– Не знаю, – ответила я с не меньшим изумлением. – Всучил и скрылся.

Мы тупо смотрели друг на друга.

– Интересно, сколько тут? – подал наконец голос Михал и вдруг опомнился. – О господи, да он что, обмишурился?!

– Похоже на то, ох, надо же вернуть! Вот олух, ведь платил всего-то за парный, таких выплат еще свет не видывал!

– Спрячь, – решительно приказал Михал. – Ни за какой парный он не платил. И мотаем отсюда сию же секунду, потом я тебе все объясню. Дело нечисто. Давай, руки в ноги и смываемся, нас тут не было!

Публика почти разошлась, и мы без труда нашли такси. Нельзя же было возвращаться на станцию через темный лес пешком – с такой-то уймой денег! От Остерпорта мы тоже ехали на такси и, пока не очутились дома, ни разу рта не раскрыли. Покорно и все еще в каком-то отупении ждала я от Михала обещанных мне объяснений.

– Прими к сведению, – сказал он, когда мы уже вошли в мои апартаменты и закрыли дверь, – что тебя понесло получать за парный к кассе, которая оплачивает исключительно вифайфы.

– Как это?

– Да вот так. Там же написано аршинными буквами, и у окошечка, как ты сама наверняка заметила, было пусто.

– Потому-то я туда и пошла!
– И что ты ему показала?
– Жетон на парный с последнего заезда. Не спутал же он парный с вифайфом, жетоны небось совсем разные!..

Тут меня кольнуло что-то вроде предчувствия, я схватилась за сумку и заглянула в нее. В отдельном кармашке торчал последний, выигравший жетон: семь – четыре. Не говоря ни слова, я протянула его Михалу, и мы, онемев, уставились друг на друга.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он меня наконец.
– Так что я ему дала? – пробормотала я, чувствуя, что отупела уже сверх всякой меры.

– А что ты ему вообще могла дать?
– Ну не паспорт же! Что-то от последнего заезда, остальное я выкинула, разозлившись на этого недомерка. Вспомни, какие номера ты называл тогда кассиру. Давай сверим, чего не хватает!

Михал поднапряг память, потом мы все сверили. Не хватало жетона на идиотскую комбинацию четырнадцать – один.

– Какая-то липа, – сказал Михал. – Ясно только, что кассир обмисшурился. По-моему, тут явное жульничество, не зря же при виде меня он так струхнул. Небось принял за переодетого легавого.

– А при чем здесь лысый недомерок в шляпе? Почему он поставил на четырнадцать – один? Шифр у них такой?

– Холера их знает. Сколько там в пачке?

Мы сосчитали загадочные банкноты, оказалась очень даже приличная сумма – 35 тысяч крон. Слишком много, чтобы оставить себе.

– Если тут какая-то уголовщина, а он дал промашку, то его сейчас кореша по головке гладят, – предположил Михал. – Надо вернуть хотя бы из соображений гуманности. С другой стороны, пусть бы уж лучше нечестные деньги послужили честным людям. По-моему, так даже справедливей.

– Конечно, справедливей, о чем речь. Любой здравомыслящий человек оставил бы себе и не высывался. Но я сильно сомневаюсь в нашем здравомыслии, оно у нас в эмбриональном состоянии. Впрочем, еще неизвестно, как он отнесется к нашему благородству, вдруг станет отрешиваться – знать, мол, ничего не знаю.

– Откровенно говоря, я очень на это надеюсь. Как-то глупо, понимаешь... Не пожалеть бы потом. Слушай, если там будут ошиваться легавые, я на пушечный выстрел не подойду. С полицией связываться не собираюсь.

– Уголовщиной тут явно пахнет, – сказала я, припомнив недавнюю умопомрачительную сцену. – Он эти деньги вытащил откуда-то из-под кассового стола. И подгонял меня, чтобы я побыстрее забирала и сматывалась.

– А какая роль во всем этом лысого недомерка в шляпе?

– Вот-вот! Ты его не заметил у кассы?

– Нет, он куда-то пропал еще перед заездом. Может, тебе к нему в салон заглянуть?

– Ну да, сейчас побегу. Дурак он, что ли, признаваться, если и вправду замешан? А я, значит, еще дурее – признаюсь, что мне о его художествах известно? Блестящая мысль!

– Не нравится мне тот тип, с которым он трепался. За одну только рожу я б ему влепил пожизненный срок.

– Нет возражений. Мне он тоже не глянулся, случилось видеть профили и покрасившие. А все-таки – в чем тут, по-твоему, дело?

– Может, жульничают на бегах, – подумав, предположил Михал. – Какие-то махинации с беспардонным налогом на сборы.

– Исключено! Чтоб датчане?!

– Смотря о каких суммах речь. Если свыше ста тысяч – это уже не жульничество, а бизнес. Я бы не удивился, ведь такой налог – форменная обдираловка. По ошибке они выплатили навар не сообщникам, а нам. Впрочем, не знаю. Остается только гадать.

– Ну хорошо, а как быть с настоящим жетоном, семь – четыре?

– Можно получить по нему в среду, но мне как-то боязно.

– Мне тоже боязно, но потерять и то и другое – это уж слишком. Ладно уж 35 тысяч, они нам с неба свалились, но свои кровные 96 крон?.. Никогда!

Мы сидели погруженные в свои думы, а между нами лежала куча денег. Можно было, конечно, принять их как дар свыше, но, увы, по виду они ничем не напоминали манну небесную. Беспризорных денег не бывает, беспризорными бывают только собаки. Кому-то эти деньги принадлежат, кто-то глупо попал впросак, передав их нам, а теперь обнаружил, что дал маху, и локти себе кусает. А уж преступник он или нет – не нам решать. Деваться некуда, надо вернуть.

Не знаю, что там думал Михал, а лично я вдруг увидела глазами души экзотическую картину. Стада черных лакированных крокодилов клубились на берегу Нила, которого я, правда, в жизни не видела, но легко могла себе представить. Черные твари выползали из воды, брали в кольцо темно-зеленый «вольво-144», били хвостами по бамперам. И зеленый кузов, и

лакированные шкуры ослепительно лоснились. Я очнулась от своих грез лишь тогда, когда одна из тварей влезла в машину и взгромоздилась за руль. Очнулась в самый раз, еще секунда – и машина бы тронулась...

– Надо вернуть, – сокрушенно проямлила я.

– Надо, – подтвердил Михал с горестным вздохом. Наверное, он сейчас с трудом заставил себя спуститься с вершины Монблана, а то и с Гималаев. Сколько я его помню, он всегда страдал чем-то вроде высокогорной мании.

В среду мы с тяжелым сердцем и 35 тысячами крон, красиво упакованными в оберточную бумагу, отправились в Шарлоттенлунд. С наступлением весны бега проходили дважды в неделю, так что до воскресенья ждать не пришлось. В этом смысле нам повезло – еще немного, и нервы бы у нас сдали окончательно.

Первым делом мы, собрав остатки решимости, требовали свои законные 96 крон. Никто нам не чинил препятствий, никто не обращал на нас внимания. Затем мы направились к подозрительной кассе.

Касса не работала, того типа нигде не было. Мы обошли все другие окошки, заглянули во все, в какие только удалось, помещения, осмотрели здание вокруг – безрезультатно.

– Надо о нем спросить, – неуверенно предложила я. – Иди ты.

– И не подумаю, – отрезал Михал. – Он меня принял за легавого, сразу спрячется. Иди сама.

Мне было не по себе, но я пошла. На невразумительном английском спросила соседнего кассира, где тот тип, который в воскресенье сидел с ним рядом. Кое-как он понял. Датчане на удивление нелюбознательный народ – предпочитают не задавать лишних вопросов. Вдобавок моя грамматика не располагала к непринужденному разговору, так что собеседник даже не поинтересовался, зачем мне тот нужен. Только любезно сказал, что не знает. Видя, что от меня так просто не отделаться, он пошел наконец спросить у коллег, спросил у одного, другого, тыча пальцем в мою сторону, отчего я чуть не дала деру.

– I don't know, – сказал он, вернувшись. – Nobody does not know.^[2] – При этом лишь вежливо улыбался, не проявляя никакого подозрительного интереса. Я поблагодарила и пошла к Михалу, который ждал меня за колонной.

– Исчез с концами, – сообщила я. – Никто ничего не знает. Черти его взяли.

– Может, его пришили? – забеспокоился Михал. – Как хочешь, долг долгом, а объявление в газету я давать не собираюсь.

– Успокойся, я тоже. Значит, деньги ему не очень-то нужны, иначе сидел бы тут сиднем и ждал нас. У датчан мания насчет честности, ему и в голову не могло прийти, что мы не вернем. Раз не сидит, значит, есть причины.

– А если он работает только по воскресеньям? По средам не все кассы открыты.

– Небось ты бы на его месте, из-за такой-то суммы, и в среду явился. Разве что нервы у него покрепче твоего.

– Я бы вообще тут дневал и ночевал.

– Подождем до воскресенья. Но спрашивать я больше не буду, боюсь.

В воскресенье его тоже не было, как сквозь землю провалился. На ипподроме царило столпотворение, все пришли поглядеть на Кима Пайна, датскую национальную святыню. Если бы его владелец объявил, что Ким Пайн не выйдет на дорожку, а то копыта испачкает, клянусь, половина публики кинулась бы предлагать свои носовые платки. Последние три дня мы с Михалом все спорили, удастся ли Киму Пайну взять приз. В результате вообще на него не поставили, а он финишировал первым, да еще с таким отрывом, словно остальные топтались на месте. Динамо-машина, а не конь!

– Идет так ровно, будто Йенс Йенсен узду держит, лишь бы руки чем-то занять. По-моему, он еще никогда в жизни не сбоил! – сказал Михал.

Не сумев разыскать кассира, мы решили помозолить глаза лысому недомерку в шляпе. Посмотреть, как он на нас реагирует. А он никак не реагировал, он нас не замечал. Один раз только спросил у меня, как дела, бросил на ходу, что у него тоже не ахти, и растворился в толпе.

– Может, сходить в дирекцию? – неуверенно спросил Михал.

– Ты что, белены объелся? И что ты им скажешь?

– Не знаю.

– То-то и оно. Даже с этим кассиром, по-моему, лучше не объясняться. Просто молчком сунуть деньги – и ходу.

– Вот только сунуть бы тому, кому надо.

В течение двух недель мы приглядывались ко всем кассирам в окошках. В конце концов все они стали для нас на одно лицо. Попадись тот, наш, наверняка бы не узнали.

– Вот парадокс, – возмущался Михал. – Человек хочет быть честным, а ему не дают. Мне все это уже осточертело.

– Мне, может, тоже, – разозлилась я. – Сколько уже ношусь с этими деньгами! Как еще до сих пор не ограбили, как сама не потеряла – давно пора забыть их в электричке. Ну ничего, я жду-жду, но уж только пойму,

что они наконец мои, в тот же день вдрызг все истрачу, и привет!

– Мудрые речи, откуда что и взялось. Какой же ты срок себе положила? До конца сезона?

– До следующего воскресенья. И баста!

В следующее воскресенье я докатилась до того, что стала приставать с расспросами к персоналу ипподрома, но, по-моему, они ни черта не поняли. Потом мне стукнуло в голову, что он мог сломать ногу и лежит теперь в гипсе. Мы решили переждать до снятия гипса, дав ему семь недель на срастание конечности. Накинули еще на сотрясение мозга, переждали и эту напасть. Наконец терпение наше лопнуло, и мы сошлись на том, что этот тип – редкостный мерзавец, раз Господь наслал на него все казни египетские.

И вот в один из воскресных вечеров мы взялись за раздел состояния, в результате чего каждому досталось семнадцать с половиной кусков. А далее при пламени свечей, двух тонких и одной толстой, поклялись друг другу хранить молчание до гробовой доски.

По счастливому стечению обстоятельств в одну из отведенных на ожидание недель случился вифайф с выплатой в тридцать с лишком тысяч, достаточный, чтобы внезапное обогащение списать на законный выигрыш. А вскоре после этого я приобрела себе кое-что из крокодиловой кожи и зеленый «вольво-144».

Я сошла с автобуса у отеля САС, оставила свой чемодан в регистратуре, отправилась на площадь Ратуши и купила программку бегов на послезавтра. Потом уселась с нею на лавочку и стала решать, что мне делать дальше.

Был конец августа, и по Копенгагену слонялись несметные толпища туристов. Рядом со мной сидела с одной стороны какая-то девица в тиковом мини-мешке, босая и с вульгарным перстнем на пальце левой ноги. Бородатый парень с буйными до плеч локонами принес ей мороженое. С другой стороны восседал юнец из той же породы, вот только локонов и прыщей у него было побольше, а борода покороче. Для меня всегда оставалось загадкой, почему это в Дании у девушек такая потрясающе красивая кожа, а у парней такие потрясающие прыщи. В предыдущий раз я до самого своего отъезда питала надежду, что здешняя привлекательность слабого пола передастся и мне, – увы, питала тщетно.

Я сидела и думала о том, что при таком наплыве туристов у меня нет ни малейшего шанса найти подходящее жилье. Неужели придется платить по 200 крон за номер в «Англетере»? Наши прежние апартаменты на

площади Святой Анны давно уже не существовали – благодетели перестраивали верхний этаж, и я съехала оттуда еще весной. Мое последнее пристанище наверняка тоже не пустует, уже при мне на него стояла очередь. Ситуация безнадежная.

Я просмотрела программку, с огорчением убедилась, что бега нынче проходят не в Шарлоттенлунде, а на Амагере, потом вспомнила, что в Шарлоттенлунд их переносят с первого сентября, немного утешилась и решила во втором забеге поставить на Кивитока. Пора бы ему выигрывать. Приняв наконец хоть какое-то решение, я встала и направилась в офис, где раньше работала.

Офис был во всех смыслах замечательный – состоял он из двух отделений, центрального и филиала, а последний состоял, кроме основного помещения, из двух кухонь и ванной. Но самым замечательным был персонал, и особенно милейшая девушка Инга, которая каким-то непостижимым образом понимала мою дикую тарабарщину и помогала со всеми моими проблемами. Оставалось надеяться только на нее.

– Разве что Оле? – подумав, предложила Инга, когда я одолела наконец вступительную тираду, состоявшую из приветственных возгласов и вранья насчет цели своего приезда. – У него две комнаты, а Петер сейчас на каникулах. Оле тоже едет отдыхать, правда через неделю, но, я думаю, пустит тебя пожить.

В растрепанных чувствах я понеслась на Кёбмагергаде, где размещался филиал нашего офиса и где, в том же здании, на том же этаже, жил Бородатый. Квартиру с ним делил из соображений экономии юный его коллега Петер, студент архитектуры. Для меня это, конечно, подходящий вариант: во-первых, в самом центре, во-вторых – рядом с офисом, а в-третьих – в доме два входа, это могло мне пригодиться. Но имелась тут одна закавыка. Бородатый числился в офисе самым симпатичным мужчиной. В профиль вылитый Конрад Мазовецкий.^[3] Я, правда, лично не видела Конрада Мазовецкого и, насколько мне известно, Матейко^[4] тоже, но это не помешало славному художнику запечатлеть его образ, с тех пор и пошло – Конрад должен выглядеть только так. Короче, Бородатый напоминал профилем этого самого Конрада, анфас же был попросту красавцем, хотя и с бородой, в связи с чем меня беспокоила мысль о Дьяволе – как бы чего не вышло.

Но не забивать же себе голову всякими глупостями, она мне потребуется совсем для другого, и, когда Бородатый под двусмысленные смешки персонала выразил согласие, я недолго думая отправилась за

чемоданом. Главное – поскорее устроиться и заняться делом.

На площади Святой Анны царили тишь да благодать. Подходя к калитке, я огляделась по сторонам, но ничего подозрительного не заметила. Вот только в сквере на лавочке сидел босой парень. Ботинки стояли рядом – ноги, что ли, натер. Как ни странно, бороды на нем не было, зато была дамская блузка – распашонкой, в цветочек, с застежкой на спине, со стойкой и широченными рукавами. Последний крик. Я сама купила две такого фасона, разве что подлиннее. Судя по выражению лица, он вполне мог оказаться клиентом интересующей меня организации.

Попридержав калитку, чтобы не хлопнула, я на цыпочках прошла через двор и так же на цыпочках поднялась на знакомую лестничную площадку.

Мансарда уже была готова к ремонту. Котел в пра мебель и вообще все, что поддавалось выносу, даже старый паркет в одной из них сорвали, зато кофр стоял там, куда Алиция его задвинула, – в прачечной под стеной. У меня прямо сердце зашло. Я стояла, можно сказать, у врат тайны.

Но врата тайны оказались под семью замками. Да еще так завалены рухлядью, что и не подступиться, разве что проползти весь путь к вожаемой цели на четвереньках. От скошенного потолка до пола было в том месте от силы восемьдесят сантиметров, и о том, чтобы передвигаться в подобающей человеку прямостоящей позе, не могло быть и речи. Я попластунски перелезла через разные ящики и столики и устроилась на спинке дивана, сиротливо валявшейся на полу. И тут же взялась за работу.

У меня с собой имелось сорок восемь ключей, запасенных еще в Варшаве, плюс шесть, которые я прихватила из квартиры Бородатого. На сорок восьмом я засомневалась, на пятьдесят третьем пала духом, а пятьдесят четвертый сломался.

Я закурила сигарету и призадумалась. Спинка дивана оказалась почти удобной и даже благопритствовала размышлениям. Легко было Алиции давать указания! «Подобрать ключ». Ключ не проблема, если есть с чего изготовить дубликат. Ну а тут как выйти из положения? Я что-то слышала о восковых отпечатках, с их помощью всякие нехорошие люди вроде бы подделывают для своих гнусных целей ключи, и когда-то даже считала, что воск при этом запикивают в замочную скважину, но с годами поумнела. Слава богу, а то бы и сейчас затыкала дырки в кофре воском.

Ключа у меня, следовательно, не было, а передо мной высился устрашающих размеров рундук, старомодный, обитый железом, с одной стороны на петлях, а с трех остальных – на недоступных мне четырех замках. И вот эту громадину требовалось открыть.

Чего я только не перебрала в уме! Комплект отмычек, о которых не подумала в Польше и о которых здесь, в этой до умопомрачения добродетельной стране, наверняка и слыхом не слыхивали. Костер... его можно развести на бетонном полу прачечной, деревянный короб рундука выгорит, и тогда я получу доступ к содержимому. Да, но содержимое тоже выгорит. Дорожный каток... им можно раздавить эту машину в лепешку. Вертолет... вот он поднимает кофр в заоблачные выси и сбрасывает на камни. Чем черт не шутит, вдруг расколется?.. Потом я вдруг вспомнила о своем техническом образовании. Кое-как раздвинула наваленные вещи и осмотрела кофр со всех сторон. В конце концов, это же не монолитная глыба, можно его разобрать на части...

А потом мне пришла в голову народная мудрость: работа дураков любит. Пословица не в бровь, а в глаз, если понимать ее буквально: сколько себя помню, всегда я находила выход как раз из ситуаций, требующих каторжного труда. Кофр был обит тремя полосками, одна скрепляла его вдоль, а две поперек. В эти опояски были вмонтированы и петли, и замки. Для того чтобы отделить крышку от корпуса, надо отвинтить все железяки. Подходящее занятие для пожизненного узника.

Но раз уж я ступила на стезю, predeterminedную техническим моим образованием, сдаваться негоже. Да и ничего другого не оставалось, так что я засучила рукава. Только под вечер мне удалось-таки сломать пилочку для ногтей, единственное мое орудие труда, и тут уж я позволила себе взять до завтра тайм-аут.

Свежий ветерок с моря настолько меня отрезвил, что я наконец задумалась над проблемой инструментария, более пригодного для моих целей, нежели маникюрный.

Я знала здесь двух человек, у которых имелись прилично оборудованные столярные мастерские. Одним из них был Гуннар, а другим – Генрих, муж Аниты.

У Гуннара телефон не отзывался, что меня даже обрадовало, поскольку особой симпатии он у меня последнее время не вызывал, и я с легким сердцем позвонила Аните. Не успела я слова сказать, как тут же получила приглашение на ужин – до нее дошли слухи о таинственной смерти Алиции и она жаждала подробностей. Приглашение оказалось для меня очень кстати.

Уже темнело, так что со станции я взяла такси и всю дорогу предавалась по сему поводу скорбным раздумьям. Неужто мне так и не суждено когда-нибудь добраться к Аните по-человечески, то есть автобусом? Она жила у черта на куличках в Видовре, такси стоило

бешеных денег, и я всякий раз мечтала о более привычном транспорте. К сожалению, автобус там ездил по кольцевому маршруту, и, садясь в него, я никогда не знала, в какую сторону еду и где мне сходить. Окрестности распознаванию, хоть убей, не поддавались, все мне казалось ужасно похожим. Везде на километры тянулись либо живые изгороди, либо однообразные поля. Дважды я искушала судьбу и дважды объезжала кольцо, так и не высмотрев нужной остановки, причем во второй раз взмокла как курица, когда, вернувшись на то самое место, где садилась, невесть сколько еще гонялась за такси. А поймав, вдруг сообразила, что у меня только одна купюра в 500 крон, после чего сбилась с ног, пытаясь ее разменять. Тем временем такси отъехало, и, когда удалось поймать следующее, все человеческое было мне уже чуждо. Даже сейчас, вспомнив про свои мытарства, я заскрежетала зубами.

Возможно, мой усиленный интерес к Генриху, который я проявила, не успев переступить порог, выглядел довольно бестактным, но за привезенными мною новостями это как-то сошло мне с рук.

Генрих как по заказу что-то строгал в своем подвале, и мне даже повода искать не пришлось – моя страсть к дереву была всем известна. Я спустилась к нему в мастерскую и получила заимообразно массу всяких полезных вещей, включая пилку для металла, на коленях пообещав, что верну в понедельник. После этого я со спокойной душой отдала себя на заклятие любознательной Аните. Пришлось, правда, держаться инструкций, полученных от майора и Дьявола, и говорить только дозволенное, а если учесть, что сама я тоже кое на что наложила обет молчания, впечатление от моего рассказа, а также от меня лично получилось не самое благоприятное – очень уж я смахивала на тупую, слепую и глухую тетерю. А то и на убийцу.

Как бы там ни было, но за дверь Анита меня не выставила и даже угостила кофе. Мы уселись за длинный журнальный столик, с одной стороны которого стоял диванчик, а с другой кресла. Над диванчиком висел ковер, а на нем – впечатляющая коллекция трофеев, привезенных Анитой из многочисленных странствий по белу свету. Я уселась в кресло прямо напротив диванчика, ковра и трофеев.

Долго я несла ей всякую всячину, устремив взгляд на коллекцию, как вдруг что-то среди трофеев привлекло мое внимание. Рядом с индийской дудочкой висел странный предмет непонятного назначения. Тонкая железная пластинка, перевязанная посередине красной ленточкой.

– А что это такое, с красным бантиком? – спросила я, прервав на полуслове свои рассуждения о возможной вине Збышека.

Анита, сидевшая на диване, оглянулась на стену.

– Да так, напоминание. Половина шампура для шашлыков.

– Почему – напоминание? – удивилась я. – И почему – половина?

– Представь себе, другую половину кто-то украл. Даже не знаю когда. Я бы и не заметила, да полезла за чем-то под диван и обнаружила этот кусок. Кто-то отломал половину с рукояткой, а конец оставил. Я его специально для ворюги вывесила, немым укором, может, увидев дело своих рук, побледнеет, вздрогнет или как-то еще себя выдаст.

– А как выглядела рукоятка? – спросила я, уже не на шутку заинтересовавшись.

– Плоская такая, медная, с восточным орнаментом. Я молчала, потрясенная открытием. Значит, не зря мне казалось, что где-то я уже видела орудие убийства. А ведь до чего хитроумная идея, никому бы и в голову не пришло разыскивать шашлычный шампур, да еще у Аниты в Копенгагене! Небольшая железка, легко спрятать...

– Так ты и не узнала, чье это художество?

– Нет. С весны здесь перебивало столько народу – не то что уследить, запомнить не запомнишь.

– А ты случайно не знакома с неким Петером Ольсеном? – спросила я наобум.

Если бы оказалось, что субъект со сломанным носом у нее бывал, ситуация разрешилась бы автоматически. Шампур сам по себе в Польшу не попал, кто-то же его привез.

– С Петером Ольсеном? – задумалась Анита. – Вроде бы нет. Датчанин?

– Скорей всего. Приметная личность. С перебитым носом, но не горбинкой, а вмятиной. Может, он у тебя появлялся?

– Не припомню. Знаю нескольких Ольсенов, но Петеров, да еще с таким носом, среди них нет. А что? Должна знать?

За Анитой водилась весьма похвальная привычка. Сначала ответить на вопрос, а потом поинтересоваться, зачем его задали. Многие поступают наоборот, чем меня всегда страшно нервируют. Если Петер Ольсен у нее не бывал и шампура, следовательно, не стащил, то и говорить не о чем. Я ей ответила, только бы что-то сказать. Вернулась я в город слишком поздно для того, чтобы возобновлять свою разрушительную деятельность, и на площадь Святой Анны пошла лишь на следующий день, в субботу. И сразу же попала в переплет.

Быть может, жене нашего благодетеля, которая знала французский, я бы еще с грехом пополам втолковала, зачем мне понадобился кофр. Но

втолковать это привратнику не представлялось никакой возможности. Оставалось действовать конспиративно. Постоянно следить, не идет ли кто по лестнице. Передвигаться бесшумно. Освобождать жизненное пространство вокруг кофра так, чтобы перестановка рухляди не бросалась в глаза. Предвидеть и то, что упоительные мои труды потребуют перерывов на сон и еду. А тут еще и с дверьми получилось нескладно.

Прачечная состояла из двух помещений, собственно прачечной и сушилки, и в ту и в другую с лестничной клетки вели отдельные двери. Мы с кофром располагались в сушилке, ключ же у меня имелся только от прачечной. Дверь в сушилку почему-то оказалась закрыта на засов, которого раньше не было, так что попасть к своему кофру я могла лишь через прачечную. Мы с кофром ютились почти под самой дверью, той, что на засове. Может, оно и к лучшему, никто не застанет меня внезапно, но, с другой стороны, в прачечную могли войти за моей спиной, отрезав путь к отступлению. Вряд ли этот путь мне понадобится, но на всякий случай пускай бы оставался.

С беспокойной душой, хотя и с большим воодушевлением приступила я к каторжному своему занятию. Но только открутила один болт и взялась за следующий, как на лестнице послышались чьи-то шаги. Почти бесшумные, сидела я у самой двери, тихо, как мышка, поэтому услышала бы малейший шорох.

Я затаилась, даже дышать перестала. Кто-то поднялся на последнюю площадку и тоже затих. Я не дышала с одной стороны, а он, значит, с другой. Минуты две стояла мертвая тишина, потом раздался стук. Ну на кой черт кому-то понадобилось стучать в заброшенную прачечную!

Случилось это так неожиданно, что я еле успела прикусить язык, чтобы не сказать «войдите».

Кто бы это мог быть? Не привратник же – зачем ему стучать, он просто открыл бы одну из дверей и вошел. Кто-то из жильцов? Но какого лешего его сюда занесло? Нет, это мог быть только чужой.

В дверь снова постучали. Передо мной явственно возникла сценка из недавнего прошлого – кто-то стучал тогда в дверь, а Алиция не хотела впускать, – и мне почему-то показалось, что это один и тот же человек. Меня бросило сначала в холод, потом в жар. Таинственный субъект между тем всю старался довести меня до нервного расстройства – постучав третий раз, стал брехать засовом. Наверно, вставлял ключ. Стараясь не попасть в поле видимости, если ему вздумается заглянуть в замочную скважину, я бесшумно переползла через рухлядь и забила в угол прачечной. Если он справится с засовом, я дам деру, оставив ему на память

инструменты Генриха.

Зловредная тварь на лестнице оставила засов в покое и теперь для разнообразия брэнчала ключом в двери прачечной, как раз в той, через которую я вознамерилась удирать. Теперь все пути отрезаны. Я уже собралась было от страха лишиться чувств, как вдруг он угомонился.

Какое-то время на лестнице стояла тишина. Выглянуть в замочную скважину я не решалась – не дай бог на меня зыркнет оттуда тоже припавший к дырке глаз, я тут же околею от ужаса. Лучше не рисковать. Не дышать, не шевелиться, даже если мне суждено превратиться в тысячелетнюю окаменелость. Наконец, когда я уже была готова отдать концы, за дверью послышались удаляющиеся шаги. Не прошло и тысячи лет, как я очнулась – с мыслью, что родилась в рубашке. Переведя дух, я вернулась на свою уютную спинку от дивана, выкурила сигарету и слегка пришла в себя. В конце концов, я ведь с самого начала допускала возможность конкуренции. Кто-то чужой проник сюда, когда калитка была еще открыта, и пытался добраться до кофра. Не для того же он сюда ломился, чтобы посидеть на диванной спинке. Кое-какие преимущества у меня перед конкурентом имеются – ключ от прачечной и знание местности. У них, наверно, с входным ключом те же проблемы, что у меня с ключом от кофра, прямо диву даешься, до чего же отмычки тут непопулярны!

Вдохновленная появлением соперников, я с удвоенным остервенением накинулась на кофр. На редкость неподатливая скотина! К вечеру я открутила шесть болтов, а чувствовала себя так, как если бы единолично воздвигла пирамиду Хеопса. Всю свою жизнь я ратовала за равноправие, но тут пришлось признать свою женскую слабость – ясно, что эта куча заржавелого железа требует мощной мужской длани. В моем исполнении действие затянется до греческих календ!

В исключительно скверном настроении ехала я следующим днем на Амагер. Проклятый рундук ни за что не хотел раскрывать свою тайну. Правда, свои собственные я тоже не собиралась раскрывать, но не потому, что не хотела, а потому, что не могла. Ну не могла я сообщить в датскую полицию, что на ипподроме процветает наркобизнес, что замешан в нем некий субъект с перебитым носом по фамилии Петер Ольсен, что причастен к этому лысый недомерок в шляпе и что бесценный товар следует искать в лавке его сына. Не могла, и все тут, потому как пришлось бы тогда признаться, откуда я это знаю.

Я была так поглощена своими мыслями, пытаюсь найти выход из дурацкой ситуации, что не заметила, как появилась «двойка». Добиралась я трамваем по привычке. В свое время мы с Михалом установили одну

закономерность – чем скромнее транспорт, которым ты едешь к месту разврата, тем вероятней выигрыш. Такси не способствуют везению, а уж белые «мерседесы» – гроб с музыкой. Белые «мерседесы», к несчастью, встречаются среди такси чаще всего, порой ничего другого и не попадаетея, так что лучше добираться трамваем или на своих двоих. Дорога пешком занимает часа полтора.

Пропустив трамвай и категорически отвергнув такси, я в результате чуть не опоздала к первому заезду. Все столики были уже заняты, я пробиралась между ними в поисках знакомых физиономий, и лишь у самой сетки нашла нашего Норвежца. Этот симпатичный юноша отличался незаурядным умом, не зря же он сразу, без всякого внутреннего сопротивления, признал Флоренс кобылой. Мы с Михалом уже давно познакомились с ним, как раз на том самом месте, где он сейчас сидел.

Я под села к нему, когда он заполнял вифайф, и сразу же поставила в известность, что во втором заезде придет Кивиток. Вифайф, значит, начнется с шестерки. С ним можно было объясняться без труда, французский он знал даже лучше меня.

– Кивиток? – засомневался он. – Почему именно он? Карат Ллойд намного лучше. Вообще-то Хаслевпиген еще лучше, но она может сбоить. А Кеннион? Почему Кивиток?

Такого рода советами вымощены все ипподромы мира, они вселяют замешательство в самых жестокосердных игроков. Норвежец, теряясь в сомнениях, вопрошающе воззрился на меня.

– Даю голову на отсечение, что придет Кивиток, – решительно заявила я. Ну как объяснить ему на чужом языке, что на Кивитока я ставила еще с ранней весны, а он упорно не оправдывал моих надежд. Теперь я махнула на него рукой, а рысаки, которые плохо ходят, когда я на них ставлю, начинают ходить хорошо, лишь только я от них отказываюсь. Так что Кивиток был верняк. Не могла я объяснить своему собеседнику всех этих сложных логических умозаключений, оставалось просто стоять на своем. Норвежец явно растерялся.

– Я хотел сыграть на тридцать шесть крон. Значит, надо на семьдесят две. Так вы считаете, Кивиток?.. Я в этом сезоне проиграл тысячу крон...

Он посмотрел на меня, посмотрел вдаль, вздохнул и вписал Кивитока...

Случайность... Конечно, это была случайность, как случайной оказалась наша игра на четырнадцать – один. Так уж водится, что всякие странные истории происходят с нами случайно. Никто ведь не стремится осознанно к тому, чтобы ввязаться в убийство, попасть под машину либо

схлопотать в темном переулке по башке.

На все воля случая, хотя ему, понятно, надо способствовать, но делается это бессознательно. Бог свидетель, когда я сосватала Норвежцу Кивитока, мне и во сне не могло присниться, каков будет результат. Забавней всего, что сама-то я на него не поставила...

По остальным забегам у нас с Норвежцем обнаружилось единодушие, особенно мне понравилось, что в последнем вифайфовом забеге у него стоит четверка, некий Фриц Рот. Я его тоже вписала – по причине того, что в последних четырех забегах он занимал позиции 1, 0, 1, 0, и, таким образом, получалось, что дальше у него будет снова 1. Зеро означало, что конь не входит в состав первой пятерки. Никаких других причин ставить на Фрица Рота у меня не было, а поскольку вряд ли Норвежец руководствовался теми же специфическими критериями, меня наше единодушие приятно удивило.

А вскоре мне было суждено удивиться еще больше, потому что Кивиток пришел первым. Откровенно говоря, в душе я не очень верила в собственное пророчество. В следующем забеге пришел конь, на которого Норвежец возлагал особые надежды, а потом одна из моих любимых кобыл, Катерина К. Норвежец уже угадал три номера подряд! Сперва я собиралась поменьше обращать внимания на игру, а побольше на публику, потолкаться среди зрителей и у касс – вдруг подвернется что-то такое, что само собой снимет остроту моей проблемы, – но теперь я увлеклась не на шутку. Кивиток отнюдь не числился в фаворитах, так что выигрыш обещал быть солидным.

После пятого обычного забега и четвертого вифайфового Норвежец стал нервничать. Первым пришел главный фаворит, которого он включил в свой вифайф, и теперь у него набралось уже четыре попадания.

– После трех забегов в розыгрыше остался лишь пятьдесят один жетон. Есть шанс, что будут выплачивать за четверку. Пятый забег я, конечно, не выиграю.

В последнем вифайфовом забеге, то бишь шестом очередном, шел Фриц Рот, о котором я совсем позабыла. И сыграла на что-то другое. Норвежцу уже совсем не сиделось на месте. Я последовала за ним, и мы повисли на сетке. Последний вираж, лошади сбились в кучу, и вдруг от нее одна отделилась...

– Quatre! – истоптленно взвизгнул Норвежец. – Numéro quatre!!! Mais c'est impossible???^[5]

Numero quatre был тот самый Фриц Рот!

В момент, когда лошади выходят на финишную прямую, павильон за

спинами стенающей у сетки публики может хоть в тартарары провалиться – никто и не обернется. Но на вопль Норвежца несколько человек все-таки обернулись, скользнув по нему мутным, неменяемым взглядом. Среди них я вдруг заметила личность с характерным профилем и невольно подалась назад. Спрятавшись за Норвежца, я проводила этот профиль глазами, пока он не растворился в толпе.

Решилась я молниеносно. Уже на бегу поздравила Норвежца и припустила в ту сторону, где скрылся субъект со сломанным носом. Нагнала я его в тот момент, когда он прощался с каким-то тощим блондинчиком в очках. Блондинчик повернул к выходу, но я все-таки успела запомнить на всякий случай его внешность. Меченый же его собеседник, то бишь Петер Ольсен, свернул налево, к автостоянке.

Возможно, я бы и рискнула пойти за ним, к собственным глупостям мне не привыкать, но спасло то обстоятельство, что в последнем забеге участвовала Флоренс. Ну не могла же я не посмотреть на нее!

Норвежец сиял, как начищенный ботинок, да что там, вполне мог бы затмить собой солнце. На всех, какие только знал, языках он выражал мне пламенную благодарность за Кивитока. Приглашал на виски, на ужин и еще бог весть на что – я не очень хорошо его понимала, особенно когда он переходил на свой родной норвежский. Еще немного – и пал бы предо мною ниц.

– Чего вы хотите?! – вопил он с темпераментом отнюдь не скандинавским. – Все для вас сделаю! Все!

Из этого всего я бы с превеликим удовольствием предпочла двойное виски, если б не проклятый кофр. Увы, не для меня теперь самые невинные забавы!

По динамику объявили, что из всех вифайфовых жетонов с пятью попаданиями остался лишь один, и предложили его обладателю получить свои 70 тысяч выигрыша. Норвежец вернулся с кока-колой для меня и с кучей выигранных денег, к коей я отнеслась с живейшим интересом – никогда в жизни не доводилось видеть подобной суммы. В пересчете на злотые это же целых 700 тысяч, а самая большая сумма, которую мне посчастливилось держать в руках, составляла 210 тысяч – дело было на стройке в день выплаты рабочему классу полочки. Норвежцу я даже не завидовала, считала, что он заслужил. Хороший парень, да и порядком продулся в этом сезоне...

В последнем забеге я сделала двойную ставку на Флоренс – исключительно из любви, никаких шансов у нее не было. Не годилась она для спринта в 1600 метров, ее коньком были длинные дистанции. Вдобавок

участвовали рысаки с результатами и 18 с чем-то, и 19, а у Флоренс 20,4 секунды – наибольшее достижение.

Но не сыграть я не могла. Норвежец тоже считал, что Флоренс не справится, и, хоть отчасти разделял мою к ней слабость, все-таки поставил на что-то другое.

Лошади, взяв старт, пролетели мимо нас, сделали круг, потом на прямой вырвался вперед Флюкс Гарбо, но тут его обошла Флоренс, да еще как обошла! Играючи, без малейшего усилия, тенью скользнула мимо соперника и вылетела на финиш, обогнав его на полтора, нет, на два корпуса! Граф Петерсен победоносно вскинул руки и потряс поводьями...

Я безумствовала от восторга – пожалуй, даже больше, чем Норвежец после вифайфа. Флоренс побила свой рекорд, показала 18,8 секунды! Солнышко мое ясное, отрада моего сердца, победила в спринте!!!

Слегка придя в себя, я сообразила, что теперь придется стоять в очереди за положенными мне 38 кронами. Ну что ж, ради Флоренс можно и постоять!

Норвежец пошел ловить такси, а я, пристроившись в хвосте, успев остыть от бескорыстного своего восторга, грустно сравнивала наши выигрыши. Мне бы тоже не помешала такая сумма: семьдесят кусков в валюте, чем плохо? Купила бы себе другую машину и на обратном пути прокатилась по всей Европе. Красота!

Погруженная в сладкие грезы, я непроизвольно глядела в сторону кассы, выдающей только по вифайфам, которой сейчас, после выплаты единственного выигрыша, полагалось быть закрытой. А между тем она была открыта. Меня это никак не насторожило, я стояла, смотрела и разнеженно вспоминала триумф несравненной Флоренс, как вдруг к этой самой кассе подошел какой-то человек.

Сначала я рассеянно подумала, что где-то его уже видела, потом припомнила где, и сердце у меня дрогнуло. Ведь это он прощался с Петером Ольсеном! Худосочный блондин в очках подал что-то кассиру и сразу же получил деньги. Внешне все выглядело очень даже натурально, и, если бы я собственными глазами не убедилась, что единственный выигравший жетон принадлежал Норвежцу, а сам выигрыш уже спокойно почивает у него в кармане, меня бы эта картина абсолютно не смутила. Но тут разнеженность мою как рукой сняло, от удивления даже дух перехватило.

Такого подарка судьба мне еще не подкидывала! Сама собой разрешилась мучившая меня проблема! И благодаря чему – благодаря успеху незадачливого Кивитока! Если бы Норвежцу не повезло аж пять

попаданий, тогда платили бы за четыре, и к этой кассе ломилась бы толпа. Воистину Провидение ко мне милосердно!

Когда я получила наконец свои 38 крон, в голове у меня уже сочинилась чудненькая история. Петера Ольсена с его выдающимся носом я заметила еще в Варшаве, когда он гонялся за нами на синем «опеле». Потом заметила его на беге, он разговаривал с худосочным блондином. На зрительную память я не жалуясь и потому обращала на них внимание всякий раз, как они попадались мне на глаза. Худосочный блондин пошел получать деньги в кассу, которая выдает только за вифайфы, а поскольку я знала, что вифайф выиграл лишь Норвежец... ну и так далее. О Петере Ольсене с его выдающимся носом я разговаривала с одним своим знакомым, который утверждал, что видел его за доверительной беседой с неким лысым недомерком в шляпе. Лысого недомерка я знаю, его сына тоже, у него, кстати, есть магазин, так что можно предположить... Все остальное уже дело милиции, пусть себе проверяют мои предположения. Единственно, чем я рискую, так это показаться чересчур уж смекалистой.

Но прежде чем обращаться к ним, надо наконец добить этого доисторического монстра! Немедленно в прачечную!!!

Свежий порыв энтузиазма очень кстати проветрил мою голову, и в ней появилась благословенная, спасительная мысль, которой следовало бы появиться еще час назад, а именно: призвать на помощь Норвежца. Так и быть, приму его приглашение на виски, соглашусь разделить с ним ужин, даже приправленный мышьяком, но сначала пусть мне поможет открыть этот треклятый рундук!

Норвежец, которого в данный момент восхитило бы даже предложение почистить авгиевы конюшни, исходи оно от меня, внял моей просьбе с восторгом. Я почти не вдавалась в объяснения, почему это мне понадобилось взламывать кофр на чужом чердаке, – все равно парню сейчас море по колено.

– Последний день! – ликовал он. – Последняя возможность! На этой неделе приезжает моя невеста, а она меня на беге не пускает! Последний день – и такое везение!

Хорошо бы такое везение сопровождало ему и дальше, мы бы тогда справились с кофром прежде, чем нас застукают конкуренты...

В прачечную мы проникли никем не замеченные, если не считать кудлатого и прыщавого юноши, который торчал у калитки и – господь свидетель! – ковырял в носу. Он скользнул по нам бессмысленным взглядом, и на какую-то секунду мне показалось, что где-то я его уже видела, впрочем, таких юнцов я перевидала здесь десятками, все они у

меня стали на одно лицо.

Первым делом я велела Норвежцу объясняться на территории прачечной только шепотом и передвигаться только на цыпочках, что при его состоянии духа далось ему нелегко. Охотней всего он бы сейчас пустился в пляс, распевая во все горло, и меня не покидала тревога, что в любую минуту так оно и случится. Избранный мною способ вскрытия слегка его озадачил, он робко посоветовал подобрать ключ, но на своем предложении не настаивал. Мы незамедлительно приступили к откручиванию оставшейся тысячи болтов.

Большинство из них заржавело и накрепко срослось с железной обивкой. Мужская рука оказалась очень даже кстати, особенно если учесть, что из боязни шума я категорически отвергла всякие радикальные способы вроде обстукивания и прочего. Норвежец подчинился моим требованиям безропотно, хотя и не без внутренней борьбы.

Так трудились мы в поте лица часа полтора, уже начинало смеркаться, когда пришла пора отодвинуть махину от стены и заняться корпусом с тыльной стороны. С максимальными предосторожностями стали мы передвигать всю рухлядь, которой не видно было конца, как вдруг Норвежцу пришлось замереть в такой неудобной позе, что он потом без моей помощи не мог разогнуться. Я как раз стояла навьюченная кипой упаковочной бумаги, сохранившейся еще со времени Алиции, и только собиралась освободиться от нее, чтобы поддержать охапку досок, норовивших грохнуться у него из рук, как вдруг за дверью раздались шаги. Я замерла, и Норвежец, следуя моему примеру, тоже. Он застыл в дурацкой позе прямо напротив замочной скважины величиной с пушечное жерло. Дыра зияла гораздо выше скобы и, судя по имеющемуся засову, по назначению не использовалась. Если бы кто-то заглянул в нее, то перед ним сразу предстала бы физиономия Норвежца, разве что слегка нечеткая в вечернем сумраке. Четкая или нечеткая, но лучше бы вовсе не представала.

К несчастью, я не могла вспомнить, как по-французски сказать «наклонитесь», а каждая секунда была на счету.

– Abaissez! – надрывно прошипела я, отдавая себе отчет, что приказываю ему что-то укоротить. Объясниться жестами у меня не было возможности, потому как крафтовая бумага, которую я держала в охапке, жутко бы захрустела. Норвежец продолжал пребывать в оцепенении, взирая на меня с выражением глубокой озабоченности. Видимо, мучительно гадал, чего же я от него хочу.

Французский напрочь вылетел у меня из головы, зато вспомнилась аналогичная сцена из английского детективного фильма и то, что сказала

при таких же обстоятельствах одна леди одному джентльмену. Не зря я всегда считала детективы очень жизненным жанром.

– Get down! – надсадным шепотом приказала я, и молодой человек, молниеносно согнувшись пополам, принял позу, сделавшую бы честь звезде советского балета. Да еще с охапкой досок, шутка ли! Как он мне потом сказал, ему тоже помогли детективные фильмы – сработал подражательный рефлекс. При таких-то деньгах, да еще в такой ситуации – неудивительно, что ему показалось, будто в него сейчас пальнут через замочную скважину!

Шаги раздавались уже на нашей площадке. Норвежец застыл в балетной позе, свет я еще не успела зажечь, так что теперь пришелец мог глазеть в замочную скважину сколько влезет. Только бы он не отомкнул дверь!

Но он даже и не пытался. Стоял себе и сопел, как гиппопотам, – астма у него, что ли? Или аденоиды? В обществе Норвежца мне не было страшно, скорее злость одолевала. Какого черта, сколько же нам торчать в акробатических позах!

Как-то мне пришло в голову одно любопытное наблюдение. Я заметила, что можно держать руку три часа в одном положении, совершенно его не меняя и не чувствуя никаких неудобств, если эта рука лежит на баранке автомобиля. При любых других обстоятельствах даже две минуты покажутся вечностью.

Но этот аденоидный астматик ухитрился проторчать на площадке не меньше двух тысячелетий. Наконец он испустил парочку еще более звучных рулад и сошел вниз, но всего на пол-этажа. Чем-то он там занимался, я долго гадала, пока не сообразила, что он раскуривает трубку. Чмокал и сопел так, словно хотел нас оглушить.

Мне все это уже до чертиков надоело. Я избавилась, по возможности бесшумно, от бумаги, освободила Норвежца от досок, мы с ним развернули кофр и снова принялись за работу. Состояние у меня было такое, что я спустила бы с лестницы целую орду бандитов, попытайся они нам помешать.

Видимо, от нервного потрясения мы почувствовали прилив сил и последние болты открутили уже на ощупь. К снятию оков, однако, мы не могли приступать до тех пор, пока тот гиппопотам не соизволит докурить и не исчезнет. Я пошла в прачечную и, приготовясь увидеть какую-нибудь до содрогания знакомую физиономию, прилипла к замочной скважине.

На фоне окна фигура его вырисовывалась до пояса и была даже немного освещена. Обыкновенной внешности, среднего роста, средних лет,

в шляпе, со слегка озабоченным лицом. Я могла дать голову на отсечение, что никогда в жизни этого типа не видела. Он стоял себе и спокойненько попыхивал трубкой, а я глазела на него, согнувшись в три погибели, на одеревенелых ногах. Когда я уже готова была выскочить за дверь и в слепой ярости рывкнуть по-польски: «Пшел вон отсюда, скотина!» – субъект причмокнул погромче, бросил взгляд на дверь, за которой я костерила его почем зря, и стал спускаться вниз. Отношение мое к нему круто переменилось, и я забеспокоилась, как бы он, не дай бог, не свалился на ступеньках и не переполошил жильцов. К счастью, все обошлось и он сошел вниз – медленно, истомив мою душу, но сошел-таки.

Я воротилась к своему кофру и Норвежцу, включив по дороге свет.

– Бесполезно, – прошептал мне Норвежец, показывая на отвинченную железяку. – Она приварена к замку, а замок внутри.

В том состоянии духа, в какое я впала, преград для меня уже не было. Я смерила взглядом треклятый рундук и поняла, что остается только одно: отпилить железки, отогнуть их, а потом выдолбить кусок с замком. Благо инструменты под рукой...

После всех перешептываний, хождений на цыпочках, укладывания болтов на пол с такими предосторожностями, как если бы это были тухлые яйца, я взяла в руки пилу по металлу и с остервенением принялась за работу. Норвежец остолбенел.

– Но так же шумно! – завопил он, перекрывая оглушительный скрежет.

– Je m'en fiche! – отрезала я – мне уже действительно стало все нипочем. Виданное ли дело, чтобы какая-то колода столько времени отравляла человеку жизнь!

Норвежец весь просиял, отобрал у меня пилу и стал с упоением орудовать ею. Даже в такт присвистывал. Кошмарный скрежет разнесся окрест, небось, до самого Хельсингёра. А потом его усилил еще и мой аккомпанемент: после того как один обруч был распилен, я сразу принялась отбивать замок. Инструменты у Генриха оказались что надо!

Может, во время этого кошачьего концерта на лестницу сбежались целые полчища бандитов, может, они на нашей площадке отплясывали танец с саблями Хачатуряна, не скажу. Мне было глубоко наплевать. Слепленная яростью, я решила одолеть супостата либо умереть. То, что происходило на нашем тихом чердаке, сопоставимо разве с работой пневматического бура, которым еще в дни моего детства вскрывали асфальт на соседнем дворе.

Один бог знает, по какой такой причине наша деятельность не вызвала общественного резонанса. Возможно, по причине удивительного такта и

сдержанности датчан, предпочитающих не совать нос в чужие дела. Меня укрепляло духом воспоминание о том, как мы с Михалом однажды в целях утепления апартаментов обивали стены пенопластом, орудуя той самой железякой, которой кололи орехи, и каблуком моей туфли. Грохот стоял на весь Копенгаген, при этом мы еще старались распевать, надеясь внушить нашим благодетелям иллюзию, будто нами овладела страсть к джазовому искусству. Спевка у нас не очень-то клеилась, но все равно ни одна живая душа не полюбопытствовала, с чего это мы так разбушевались. Сейчас я по крайней мере знала, что из благодетелей никого нет, на нижнем этаже пусто, а остальные жильцы встрепаются лишь тогда, когда на их головы повалится потолок.

Итак, Норвежец пилил в свое удовольствие, а я, выбив первый замок, стала в перерыве от трудов праведных рассматривать кофр с тыльной стороны, с той, где петли. Я смотрела на них, смотрела, и вдруг во мне снова подало голос мое техническое образование. Повинуясь смутному велению этого голоса, я взяла в одну руку какой-то кусок железа, в другую – молоток и, почти бездумно приставив железку к торчавшему в петлях стальному штырю, стукнула по ней молотком. Штырь сдвинулся, я стукнула еще раз, и штырь мягко вышел наружу. Петля крышки отошла от петли короба. Какое-то время я бессмысленно таращилась на дело своих рук, а потом вдруг душа моя возликовала.

– Ура! – завопила я, размахивая молотком перед носом у Норвежца.

Адский скрежет утих. Норвежец отер пот с чела и вопросительно вскинул на меня глаза. Я ударила по второму штырю, и он тоже вышел из петель как по маслу. Крышка была открыта.

– Простите, но я ничего не понимаю, – деликатно выразил свое недоумение Норвежец. – Зачем мы тогда устраивали весь этот тарарам?

Чтоб я знала!..

– Удовольствия ради, – мрачно буркнула я – не говорить же ему, что я сама о себе думаю! У меня даже не хватило сил прочувствовать все величие момента. «Открыть кофр...» Открыла. «Найти конверт...»

Нашла, почему бы и нет. И не один. А если еще точнее, то в кофре ничего другого не было, кроме конвертов самых разных мастей и форматов, в количестве около двухсот штук. Прачечная мне уже осточертела, а поиски именно того конверта, который имела в виду Алиция, заняли бы еще пару суток, если не больше, учитывая нынешнюю мою остроту ума. Я сгребла всю корреспонденцию в кучу, завернула в упаковочную бумагу, благо этого добра здесь имелся воз и маленькая тележка, и покинула чердак с легкой душой и с ликующим по случаю завершения каторги Норвежцем.

Оба мы зверски проголодались. Предвидя ожидающие меня трудности, я решила сначала поужинать, а уже потом приступить к разгадке покоящейся в моих объятиях тайны. Кроме того, я боялась, как бы эта разгадка не испортила мне аппетит.

Вообще-то мне по всем правилам полагалось теперь упиться до потери сознания, обеспечив себе черную дыру в автобиографии, потерять всю эту кучу добытого потом и кровью добра и запутать ситуацию бесповоротно. Но ничего такого не произошло. Я соизволила наконец объяснить Норвежцу суть дела, частично даже не отходя от правды, а именно что моя подруга, хозяйка кофра, в настоящий момент не имеет возможности выехать из Польши, а посему наказала мне, предварительно потеряв ключ, доставить ей содержимое кофра. Нелегальная же моя деятельность вызвана тем, что владельцы дома ни с того ни с сего вспыхнули к нам обоим антипатией. По ходу объяснений мне пришла в голову еще одна удачная мысль относительно эксплуатации этого милого юноши. Помыкаю я им, конечно, самым безбожным образом, но такая уж, видно, его доля.

Короче, мне вспомнилось, как Алиция говорила что-то о письмах и о знании языков. Значит, интересующее меня письмо может быть на датском. Норвежец знает датский и переводил бы мне на французский. О сути дела он понятия не имеет, купается в своем счастье, а остальное его не волнует.

Предложение составить мне на ночь компанию в офисе он принял почти с восторгом, чем меня порядком удивил. Только позже я поняла, какую безграничную благодарность питал он ко мне за Кивитока. Еще бы, 70 тысяч крон!.. Во всяком случае, знаменательный этот день он весь без остатка готов был посвятить только мне. Расположившись в соседнем помещении, он ловил что-то по приемнику, и я на время забыла о нем.

Высыпала конверты на стол и с замиранием сердца стала их перебирать.

Счета почти из всех магазинов Копенгагена я сразу отложила в сторону. Туристические проспекты тоже. Письма от Збышека сочла несущественными для дела, собственные пренебрежительно отодвинула, с не меньшим отвращением перебрала кипу брошюр, касающихся главным образом датских налогов, и, наконец, наткнулась на большой серый конверт, набитый листками из разных писем. Я наугад вытащила один из них. Письмо было по-немецки, за подписью «Лаура». Как же, помню, это та дама в годах, которая доводилась подругой покойной ее тетке. Следующее, тоже по-немецки, было от самой тетки. Я хотела уже отложить его, как вдруг в глаза бросились какие-то пометки.

Рука Алиции, ну конечно, чья же еще?

Пометки проставлены оранжевым фломастером, в Польше таким редко пользуются. Разве что архитекторы и художники, а тетку Алиции уж точно не отнесешь ни к тем, ни к другим. Алиция подчеркнула фломастером в тексте некоторые буквы, а потом, как я догадалась, выписала их же внизу. Да, ее почерк. Буквы укладывались в два имени: Лаура и Аксель Петерсен. Дальше следовали три восклицательных знака.

Какое-то время я бездумно всматривалась в запись, а потом в душе у меня зашевелилась надежда. Неужели это то самое? Неужели именно этот конверт я должна была найти? Лаура?.. Петерсена Акселя я не знаю, но Лаура? При чем тут Лаура?

Я вытащила наугад следующее письмо. Снова от Лауры, по-немецки. На полях рукой Алиции написано: «Четверг, 17:28. Спросить у Лешека».

С пятого на десятое разбирала я немецкий текст. Удалось лишь понять, что некий человек чем-то занимается в воде и что приезжает он в Копенгаген в четверг. Действительно, есть такой поезд из Варшавы, который прибывает в 17:28. Я взглянула на дату письма: 17.09.66. Осень прошлого года. Спросить у Лешека... В воде... Нет, ерунда какая-то. Спросить у Лешека... В воде...

Я интуитивно улавливала тут какую-то связь. Ну конечно, ничего странного, ведь Лешек Кшижановский плавает. А чем тот человек занимался в воде? Тонул, а потом приехал в Копенгаген? Так ведь у Лешека и впрямь кто-то утонул...

Я почувствовала, что голова у меня скоро вовсе откажет, и потянулась за очередным листком. По-датски. Пришлось пойти с ним к Норвежцу, поскольку звать его к себе не имело смысла – радио орало на всю катушку и заглушило бы даже иерихонские трубы.

Я убавила звук и потребовала перевести. Норвежец пробежал глазами и неодобрительно изрек:

– Очень плохой характер.

Наверняка он имел в виду характер почерка, но его замечание, очевидно, можно было отнести и к самому корреспонденту.

Норвежец переводил на французский, а я записывала по-польски. Даже наших совокупных лингвистических познаний не хватило на идеальный перевод, так что пришлось изложить его на бумаге в авторизованном виде.

«Дорогие мои, – писал отправитель, – постараюсь коротко. Не нравятся мне полученные новости. Очень неприятная ситуация, с такой утратой невозможно смириться. После смерти нашего друга никто не знает, куда подевался груз. Вес его 452 килограмма. Поговорите с Акселем,

Акселю наверняка что-то известно. Он в воде, в непроницаемой изоляции. Перед путешествием мы договорились затопить его с балластом на глубине. Петеру нужен план того места. Не понимаю, почему у вас его нет. Надо выяснить, не знает ли чего насчет плана эта кретинка, ее приятель плавал капитаном. Я беспокоюсь. Она не в курсе, и не надо ее посвящать. Транспортировка обычная, как всегда идет в... Твой друг Л.».

Как мы ни бились, но так и не смогли разобраться с транспортировкой, в чем же это что-то идет. Норвежец не знал такого датского слова. Но я все равно с первой же фразы догадалась, о чем речь. Ну конечно же, о том потерянном грузе стоимостью сколько-то там миллионов долларов. Смерть друга... приятель-капитан... что-то делает в воде... Петер, Аксель, Лаура!!!

– Я так понимаю, что тот человек, который умер, был в водонепроницаемом костюме и надо его найти, – неуверенно сказал Норвежец и этим отвлек меня от сумбура, справиться с которым уже сил моих не хватало.

– Я понимаю больше, можешь слушать музыку, – отмахнулась я и ушла в свою комнату, чтобы сравнить почерк в письмах. Нет сомнений, это писала Лаура!

Я закурила сигарету и уставилась на ее письмо как баран на новые ворота. Никак это не умещалось в моей голове. Господи, что происходит? Эта старая перечница, excusez le mot, торгует наркотиками?!

Все остальные сведения не так выбили меня из колеи. Лешек, значит, действительно перевозил контрабанду, да еще какую! Будущий покойник спрятал ее где-то под водой в ту самую ночь, когда они всей компанией отвалили в Хумлебек. Возможно, он и стал-то покойником в связи с этим грузом, может, сболтнул лишнее, а может, за ним охотились еще раньше. Майору наверняка об этом известно побольше моего.

Кому адресовалось письмо? Не таинственному Акселю, не Петеру Ольсену, которые оба здесь упомянуты, ну и, конечно, не Алиции – кажется, ее тоже упоминают. Так, дата... Ноябрь прошлого года.

В письме почему-то меньше сведений, чем следовало бы ожидать. Нет ни слова о наркотиках. Тогда откуда Алиция о них разузнала?

Я вытащила следующий листок. Снова по-немецки. Еще немного, и я рехнусь от этого вавилонского смещения языков, немецкий я проходила только в первом классе гимназии! Но дело пошло на удивление легко, и я сразу же получила ответ на свой вопрос. Содержание письма, пересыпанного сухим языком названий и цифр, более-менее удалось понять. Героин, морфий и опиум фигурировали в нем попеременно с указаниями веса и цены. Я узнала, что из Польши ожидается ежемесячно

около 50 килограммов героина, и это не бог весть сколько, предвидится также какой-то внеплановый товар. Ближайшая его партия поступит лишь в будущем году. Что-то еще идет из Франции, из ГДР, что-то будет переправлено в Швецию, а что-то в Америку. Я не вникала в значение этого чего-то, информации и так хватало с лихвой. Алиция могла сориентироваться в сути дела с первой же фразы, уж она-то, в отличие от меня, горемычной, владела немецким в совершенстве.

Каким образом эти письма попали к ней в руки? Должно быть, случайно, по каналам, имеющим отношение к старушке Лауре. За Алицией не водилось привычки читать чужие письма, эти же привез, по всей видимости, сторонний человек и, не разбираясь, что к чему, вручил все скопом, не уточнив адресатов. Быть может, она начала читать, а потом уж поняла, что письма не к ней. А дальше?.. Ну, я бы и сама не призналась даже дружественно настроенным ко мне контрабандистам, что ознакомилась с их исповедями!

Я снова ушла с головой в свое захватывающее чтение. Нашла несколько писем от покойной тетки, и постепенно этот немецкий истощил все ресурсы моего серого вещества. Вдобавок я читала их, кажется, в обратной последовательности. В письмах тетки попадались такие же подчеркнутые разным цветом буквы и выписанные Алицией на полях немецкие слова. Мало того, что я их не знала, еще и Алиция писала как курица лапой. Удалось разобрать только кусок фразы: «Сын Лауры будет...»

Сын Лауры, любопытно. Значит, у нее есть сын? Алиция никогда о нем не упоминала. Сообразить, кто он таков, мне не удалось, да я особенно себя этим и не утруждала. И без того пищи для размышлений предостаточно.

Надо читать дальше. Удрученная своим лингвистическим невежеством, кляня себя за то, что не изучила с молодых ногтей по крайней мере полдюжины языков, я тупо вглядывалась в следующую эпистолу, написанную другим почерком, но, конечно же, по-немецки. Начиналась она словами: «Meine liebe Alice», сообщала неизвестно о чем, а подписана была: «Зютек». Этот Зютек, которому взбрело почему-то писать по-немецки, уж точно довел бы меня до буйного помешательства, не вспомни я, что это давний возлюбленный Алиции по имени Джозеф, но она почему-то называла его Зютеком. Ясно, он самый. Призрак, тенью преследовавший ее долгие годы. Я бы не удивилась, если бы и у него оказалось рыльце в пушку, его имя мне активно не нравилось.

На следующем листке я вдруг узнала почерк Алиции и с дрогнувшим сердцем впиалась в него глазами, даже не заметив, что текст польский.

«Не уверена, попадет ли к тебе это письмо, – писала Алиция неизвестному адресату, – но попробую переправить, а то места себе не нахожу. К сожалению, я почти все знаю. Человек, вручивший мне на клочке бумаги план, считал, что я в курсе дела. Больше я его в глаза не видела, но прислал его субъект с весьма характерным профилем – ты, конечно, догадываешься, кого я имею в виду...»

Субъект с перебитым носом! Петер Ольсен!

«Один родственник давно уже пытался меня предостеречь, что в кругу моих знакомых происходит нечто неладное, но только теперь я узнала, что именно. Если я правильно понимаю, ты тут тоже замешан.

Я все обдумала и решила: выхода у меня нет. Волей-неволей придется молчать. Во-первых, из-за тетки. Боюсь даже представить себе, чем для нее может кончиться расследование в ее собственном доме. И без того она на ладан дышит. Во-вторых, из-за пана З. Предпочитаю на эту тему не распространяться. И в-третьих – из-за тебя.

В такой ситуации наш брак с Гуннаром невозможен. Слишком хорошо я к нему отношусь, чтобы навлекать на него неприятности. Я даже собиралась обсудить все с тобой, воображала, что в моем благородном окружении есть человек, на которого можно положиться, который к этому не причастен. Рассчитывала на тебя. Наверно, я пишу слишком сумбурно, но очень уж я расстроена. Не хочу быть несправедливой, возможно, ты плохо представляешь себе, в какую историю влип, но сейчас мне ясен весь размах аферы, и я в ужасе. Ты ведь понимаешь, что тот несчастный случай на обратном пути вовсе не был случайным. Я лишь недавно узнала о нем. Могу только догадываться, кто приложил к этому руку, и боюсь, как бы и со мной что-нибудь не стряслось.

Бумажку с интересующим вас планом я спрятала так, что ее вряд ли найдут. Я буду молчать, но и помогать вам не собираюсь. Ты меня удивил, это так на тебя непохоже, а мне казалось, что за годы нашей дружбы я тебя достаточно изучила. Видно, ошиблась, а жаль. Надеюсь, что финансовый ущерб...»

На этом письмо обрывалось. Смахивало на то, что оно почему-то никогда не было закончено и отослано, а может, мне попался черновик. Внизу стояли пометки все тем же оранжевым фломастером.

Записаны были имена одно под другим: Лаура, Акс. П., Пет. О., Л. К. А дальше, чуть в сторонке, – Иоанна и Михал. И завершался этот список несколькими вопросительными и восклицательными знаками.

Последние имена меня как громом поразили. Вот те раз! Алиция нас подозревала!

Я смотрела и глазам своим не верила, потрясенная до глубины души. Наконец в моей замороченной голове словно молния сверкнула. Она нас подозревала... Ну как же! Должна была знать о наших вылазках в Шарлоттенлунд. Может, не столько подозревала, сколько беспокоилась, как бы мы не впутались в сомнительные делишки, если уже не впутаны! Боже милостивый, Алиция, настоящий верный друг, позволила мне самой разобраться в этой афере таким манером, чтобы мы с Михалом себе не навредили! Даже после смерти опекала нас.

Долго я сидела, терзаясь мрачными мыслями, еще немного, и пришла бы к выводу, что это я виновата в ее гибели. Так или иначе, Алицию не воскресить. Тем более мне надо довести дело до конца!

Перед тем как приступить к очередному умственному подвигу, я решила отпустить на волю Норвежца, который к тому времени переключился на французские журналы по архитектуре и рассматривал их с живейшим интересом.

– Теперь можно будет снять квартиру в Париже, – мечтательно сказал он. Все мои тревобления каким-то чудом его вовсе не коснулись.

Заверив меня, что я и впредь могу на него рассчитывать, он оставил свой адрес и телефон и умчался разве что не приплясывая.

А мне было не до веселья и даже не до сна. Я закрыла за ним двери на все возможные засовы и снова погрузилась в размышления.

Последнее письмо Алиции могло предназначаться только одному человеку: Лешеку Кшижановскому. Его участие в афере не вызывало никаких сомнений, как и участие Лауры. После смерти тетки – Алиция тогда уже вернулась в Польшу – отпала одна из причин ее молчания.

Теперь ее удерживала лишь давняя дружба с Лешekom, остатки прежних чувств к экс-возлюбленному и – вот уж парадокс! – тревога за меня. Если добавить к этому вполне понятный страх за свою жизнь, то странно еще, как она вообще не свихнулась!

Мне предстояло обдумать две версии. По одной, Лешек каким-то образом смог выйти из игры и его персона уже не была для Алиции сдерживающим фактором, соответственно возросло беспокойство Лауры и ее сообщников. Алиции оставалось лишь объяснить со мной, и ничто бы уже не помешало ей нарушить обет молчания. По другой версии, Алиция все-таки обнаружила перед давним другом некоторую осведомленность и тот, боясь за свою шкуру, заставил ее умолкнуть навеки.

Первый вариант меня устраивал больше. Я знала Лешека, с большим трудом, но все-таки могла представить его в роли контрабандиста, каждый сходит с ума по-своему, – может, ему наскучило просто так бороздить моря,

захотелось острых ощущений, но что-что, а роль убийцы подходила Лешеку как корове седло. Да еще убийцы матерого, ведь тот тип на яхте сам по себе в воду не свалился. Это уж ни в какие ворота не лезет! До сорока лет слыть рыцарем без страха и упрека, чтобы потом в одночасье обернуться отъявленным убийцей!

А впрочем, чего только на свете не бывает, полностью исключить такой вариант нельзя...

Ведь если не Лешек, то кто? Не лично же Лаура! Какой-нибудь наемник давнего возлюбленного? У Петера Ольсена алиби, правда очень уж смахивающее на инсценировку – расписано будто по нотам. После того как Алиция была усыплена, он мог к ней вернуться. Вот только для этого ему пришлось бы раздвоиться. Ясно одно: просидел он ту ночь у всех на глазах не без умысла.

Нет, сама я этот орешек не разгрызу. Что мне, собственно, теперь остается? А вот что: пойти к тому человеку, фамилию и телефон которого меня заставили затвердить еще в Варшаве, и передать ему все сведения о подозрительных лицах. Даже если сведения не подтвердятся, дальше пусть уж голова болит у датской полиции. Во всяком случае, лысый недомерок в шляпе не плод моего воображения, его ничего не стоит найти. Возможно, именно он в интимном бандитском кругу известен как Аксель Петерсен, хотя в миру у него другое имя. Остальных тоже разыщут, – небось, получше меня разберутся в немецком тексте...

И все было бы прекраснo, если б не Лешек Кшижановский и тот ее давний друг сердца. Один бог знает, насколько я права в своих подозрениях. Кого из них Алиция покрывала? Может, обоих? Разоблачать она их, конечно, не собиралась. Что касается моей персоны, то при всем ее покровительстве выйти мне сухой из воды не удастся.

Как же разгрести эти авгиевы конюшни здесь, в Копенгагене, на свой страх и риск? Не везти же такую опасную информацию в Варшаву! Или часть ее попридержать? Ведь если я отдам им письма Лауры, то автоматически всплывет имя Лешека, а вправе ли я допустить такое? Может, с его стороны был просто какой-то случайный грех, вызванный финансовыми затруднениями или чем-то еще, и Алиция всеми силами старалась оставить его в тени?..

Ну что мне делать?

Кто, черт подери, спер у Аниты шампур?..

Долго я так сидела, мучительно ища выхода, пока наконец не надумала еще раз перебрать в памяти все наше житье в Копенгагене. Вдруг ухвачусь за какую-нибудь ниточку? Вдруг придет на ум кто-нибудь из наших общих

знакомых, бывающий у Аниты и идеально вписывающийся в ситуацию? Умственная деятельность приносит иногда неплохие плоды...

Больше всего меня стимулировала полная неясность в вопросе с Лешеком и намерениями на сей счет Алиции. Бывший экс-возлюбленный Зютек волновал меня намного меньше. Проведя ночь в размышлениях, я пришла наконец к выводу, что из всех соотечественников, посещавших Аниту, моего внимания заслуживают лишь два человека. Первым было так называемое животное из прачечной, знакомый Алиции, которого она, щадя его кошелек, впустила пожить, вторым же – один таинственный субъект. Животное из прачечной спало в нашей сушилке на надувном матрасе как раз в ту пору, когда у нас жил еще и Михал, так что теснотища была неимоверная. Этот тип увековечил себя в нашей памяти всякими, отнюдь не милыми, причудами. Пользовался моей пишущей машинкой и моей расческой, а потом, когда я ее спрятала, расческой Алиции, выбрасывал шкурки от корейки за шкаф и сваливал вину на Михала, который эту самую корейку на дух не выносил. Я припрятывала от него все, что только могла, поскольку общественное владение имуществом допускаю лишь в разумных пределах. Как-то вечером я читала французский детектив, а Михал, Алиция и животное сидели за столом и беседовали. Языковой барьер не позволял мне с головой окунуться в детективную интригу, и до моих ушей долетали обрывки их трепа.

– Не знаю, что со мной происходит, – говорило животное из прачечной. – Все теряю, посеял шариковую ручку, авторучку, расческу, щетку...

Тут я встрепенулась, внезапно вспомнив, что моя зубная щетка лежит на виду. Я забыла ее спрятать!

– Какую щетку? – вскинулась я. – Зубную? Алиция и Михал разразились хохотом – наверно, их насмешил смертельный ужас в моих глазах.

– Нет, для обуви, – растерянно уточнило животное из прачечной, озадаченное их весельем.

Потом случилась история с ключом. Попасть в дом было для нас делом непростым. Только у меня и у Алиции имелись комплекты ключей – от калитки и от квартиры. От лестничной клетки существовал единственный ключ. Калитку закрывали в восемь, лестничную клетку в одиннадцать, а звонков здесь не держали. В приличных датских домах на незваных гостей в такое время не рассчитывают, а званых ждут у калитки, на улице. Мы поделили ключи по-братски, в результате чего мне достались открывавшие калитку и квартиру – я возвращалась поздно, обычно после

восьми, и без ключа вообще не имела шансов попасть в дом. Из второго комплекта наш гость, как самая поздняя пташка, получил ключи от калитки и лестничной клетки, а ключ от квартиры обязан был оставлять в прачечной, в коробке от яиц, – для Алиции и Михала, которые возвращались раньше восьми.

Однажды меня пригласили в гости к одной из сотрудниц, вечеринка затянулась, и я взяла такси, чтобы попасть в дом до одиннадцати, пока еще не заперли лестничную клетку. Увы, не успела. Со двора в прачечной виднелся свет, и я потопала перед домом каблуками, собиралась даже запеть что-нибудь вроде краковяка, чтобы обратить на себя внимание, но тут на лестнице зажглась лампочка и ко мне спустился Михал. Лицо его выражало какое-то непонятное удовлетворение, он шагал по ступенькам впереди меня и с ехидством бормотал себе под нос:

– Хотел бы я посмотреть, что теперь будет, Алиция там, наверху, хотел бы я посмотреть...

Я ничего не понимала, а на мой вопрос он не ответил, бубнил свое как заведенный. Поднявшись на пятый этаж, я с удивлением увидела, что в квартире темно, а Михал нырнул в прачечную. Я пошла за ним и на пороге от неожиданности даже рот раскрыла.

Алиция сидела на полу, на подстилке, где обычно спало животное из прачечной, – сидела в шляпе, с сумкой и зонтом в руках. Михал снимал с ее содрогающихся плеч какую-то косматую пелерину. Начитавшись как раз в ту пору романов Агаты Кристи, я было подумала, что животное скоропостижно скончалось и Алиция оплакивает его останки. Я слегка встревожилась, но в следующую секунду убедилась, что никакого трупа на подстилке нет, а Алиция содрогается от бешенства.

Оказывается, животное не оставило в яйцах ключ, и Алиции с Михалом пришлось скоротать три с лишком часа в неотопливаемой прачечной. Животное заявилось спустя несколько минут и вместо вежливого «добрый вечер» было встречено громовым ревом:

– Где ключ?!

– У него. – Животное, ничтоже сумняшеся, ткнуло пальцем в Михала.

Михал спал с лица и без единого слова покинул помещение, но Алиции удалось сохранить присутствие духа.

– Проверь в карманах, – зловещим голосом посоветовала она.

Животное из прачечной послушно полезло в карман и, в отличие от Михала, ликом зарумянилось. А потом чуть не валялось у нас в ногах и божилось, что это оно не из зловредности, а по недомыслию. На следующий же день Михал заказал еще два комплекта, один из них и

позволил мне на этот раз беспрепятственно проникнуть в прачечную.

Животное тоже ходило в приятелях Аниты и частенько бывало в ее доме. Кроме того, оно любило путешествовать. Заезжало этим летом и в Копенгаген, точно не знаю когда, не интересовалась. А зря, оно-то вполне могло спереть шампур... Впрочем, вряд ли. Трудно предположить, чтобы такую бестолочь пригрела какая-нибудь банда. Ни один уважающий себя преступник не рискнул бы с ним связываться.

А потом на горизонте возник еще один субъект. Это о нем Алиция сказала:

– Я решила не предлагать ему ночлега в нашей прачечной, довольно с нас одного животного...

Субъект нанес нам визит как-то вечером, и, судя по тому, что Алиция встретила его с аффектированным восторгом, никаких добрых чувств она к нему не питала. Говорили они по-немецки, и я ни черта не поняла, а субъекта запомнила лишь потому, что он все время таращил на меня глаза и я боялась, не вывихнул бы он их. Я как раз вымыла волосы, накрутилась на бигуди, голова у меня была прикрыта по этому поводу какой-то дурацкой тряпкой, а лицо украшали остатки грима, но так или иначе его внимание к моей особе показалось мне слегка преувеличенным. Я оставила их наедине и удалилась на кухню.

После короткого разговора Алиция заглянула ко мне:

– Я ухожу. Отведу его к нашей знакомой, пусть там переночует.

– Да води его хоть на Лысую гору, – покладисто согласилась я.

Не знаю, почему она сказала «к нашей знакомой», вместо того чтобы просто назвать имя. Я знала всех ее копенгагенских подруг. Вполне могла сказать «к Грете» или «к Кирстен».

– Что это за буцефал? – кисло спросила я, когда она вернулась.

– Приятель моего зятя, – процедила она так неохотно, что я больше не расспрашивала.

А вскорости – недели через две, а то и раньше – состоялся званый ужин у Аниты. Весь вечер я гадала насчет того субъекта, где я могла видеть его физиономию. Меня сбило с толку, что на вечеринке он говорил польски! Оказалось, никакой он не иностранец, а чистокровный поляк – знакомый Аниты, тоже журналист. Тогда какого лешего Алиция объяснялась с ним по-немецки? Скорей всего, чтоб я ничего не поняла. Вот он-то и мог спереть шампур.

К сожалению, сколько я ни пыталась, никакой связи между кем-нибудь из двух этих типов и смертью Алиции обнаружить не удалось. А больше и в расчет-то принимать некого. Проклятый конверт из кофры! Возможно,

милиции он и сгодится, а для меня от него толку как от козла молока.

Охотнее всего я бы сейчас отослала письмо Лешеку – так, мол, и так, все раскрылось, самое время тебе драпать морем в Латинскую Америку. Может, повинуюсь чувству симпатии, я бы ему и написала, если б не одна загвоздка. Мне вдруг припомнилась ненависть, сверкнувшая в глазах Алиции во время последнего нашего разговора. А если это была ненависть к Лешеку, в котором она горько обманулась?

В полной растерянности, ничего не решив, я собрала все бумажки и поплелась спать. Пересекая лестничную площадку, отделявшую офис от квартиры Бородатого, я заметила полуэтажом ниже замызганного юнца со свалывшимися космами – он курил, привалившись к стене. Я осуждающе покосилась на него – ну и молодежь пошла, хорошо же эти студенты проводят каникулы...

Только на следующий день, когда я, выйдя около полудня из дому, наткнулась на очередного лохматого юнца, на сей раз увлеченно созерцающего развешанные по ограде импрессионистские картинки, меня осенило, что дело тут нечисто. Слишком уж часто путаются у меня под ногами сопляки с перманентными кудрями, одного из них я точно видела дважды, да и физиономия второго вроде бы уже попадалась мне на глаза. Ясно – следят за мной. Знают, что я добралась до кофра, заполучила корреспонденцию, и всполошились. Откуда только они набрали такую орду, не иначе среди наркоманов, а расплачиваются за услуги героином...

На всякий случай теперь уж и я прикинула, в чьи бы это руки завещать унаследованную информацию, если придется и мне покинуть земную юдоль. В Польше найдется парочка верных людей, а в Дании? Подумав, я остановила свой выбор на Аните и, не откладывая в долгий ящик, поперлась к ней на работу.

Я собиралась вытащить ее в кафе и в спокойной обстановке потолковать, но выяснилось, что она только что отлучалась и во второй раз ей уже неудобно. Вообще-то спокойно потолковать можно было и у нее в комнате, там сидел только ее шеф, ни слова не понимавший по-польски. Я пристроилась в кресле у стола, выжидая, когда она закончит разговор по телефону. А пока ждала да предавалась вчерашним думам, напроць забыла, зачем явилась.

– Слушай, может, ты вспомнишь... – начала я вместо того, чтобы высказать ей последнюю свою волю, но, не договорив, опять задумалась.

– Я главным образом забываю, – доверительно ответила мне Анита. – А что именно надо вспомнить?

– У него случайно не базедова болезнь?

Вопрос пал как конечный плод моих размышлений, не совсем, правда, созревший. Анита посмотрела на меня с живейшим участием.

– Я так понимаю, что базедова болезнь есть у многих. Предупреждаю тебя сразу – всех я не помню.

– Ну ладно, пусть не всех. Припомни только одного. Он был у тебя на последней грандиозной попойке, как раз перед помолвкой Алиции. Журналист, ты с ним, кажется, когда-то работала.

Анита наморщила лоб и задумалась.

– Как же, попойку помню! Но на ней ведь толкалось человек двадцать. Большей частью журналисты, со многими я раньше работала. О ком из них речь?

– О самом лупоглазом, – без колебаний уточнила я.

– Самым лупоглазым был Вигго, датчанин, только не журналист, а физик, и с ним я никогда не работала.

Хотя не исключено, что со щитовидкой у него не в порядке.

– Нет, не то. Выбери самого лупоглазого из польских журналистов.

– Убей меня бог, такого не знаю! Нельзя ли поточнее, кто именно тебя интересует?

– Но ты вообще-то помнишь, кто у тебя тогда был? Ты же всех их знаешь! Пошевели мозгами, он приехал из Польши недели за две до этого.

– Погоди-ка, – оживилась Анита, входя в азарт. – Ты меня заинтриговала. Дай подумать. Две недели, говоришь? Яцек отпадает, он приехал накануне. Стефан тоже, со Стефаном ты знакома. Улановский?

– Какой он из себя?

– Пожилой такой, сидел в углу и трепался с Евой. Приехал из Англии.

– Нет, не он.

– Болек Томчинский! Как увидел накрытый стол, так шары и выкатил.

Но он врач.

– Это тот, который похрюкивал над салатом? Нет, отпадает.

– Тогда остается только Кароль Линце. Но он не лупоглазый!

– Как ты сказала? Линце?

– Да. А что? Подходит?

– Не знаю, Черт, где мне встречалась эта фамилия? Линце...

– Может ты путаешь с Линде? Был такой словарь Линде. А может, он тебе представился?

– Нет, исключено. Когда представляются, бормочут себе под нос, ничего не разобрав. Я видела эту фамилию написанной. Кто он такой?

– Журналист. Я работала вместе с ним и с Янушем.

– Анита, не мучай меня! С каким еще Янушем?

– С зятем Алиции, Ты же знаешь, зять Алиции был моим шефом. Кажется, Кароль Линце его закадычный друг.

«Приятель моего зятя...»

Да, это он. Конкурент животного из прачечной, второй из двух подозрительных лиц, материализованный, можно сказать, силой моего воображения. Где мне попадалась на глаза эта фамилия? В Польше? В Дании? Под какой-нибудь статьёй?

– Анита, прояви милосердие. Скажи, где я могла видеть эту фамилию?!

– Может, в моей записной книжке, – с самаритянским терпением вздохнула Анита. – Он там у меня по ошибке вписан дважды. А зачем он тебе понадобился?

– Не знаю. – Я тоже вздохнула. – Может, это он убил Алицию?

Вообще-то ничего такого я и в мыслях не держала. Просто само по себе выскочило, видно, голова совсем плохая стала.

– Очумела?! – не выдержала Анита. – Что ты несешь? Кароль Линце! Приличный человек! Полиглот и путешественник! Постоянно в разъездах, имеет выездной паспорт, да у него и времени-то нет на всякие там убийства!

– Ну хорошо, я ведь не настаиваю, – поспешно согласилась я. – Наверняка у него и алиби есть. Поскольку он все время в разъездах, значит, был где-то в Бразилии или Грueце...^[6]

– В Копенгагене, – отрезала Анита. – Месяц назад он побывал у меня, я как раз принимала команду из яхт-клуба, свалились как снег на голову с визитом дружбы, целых одиннадцать человек. Кажется, он с ними и приехал. Собирался задержаться здесь на несколько дней, а потом махнуть в Грецию.

– И махнул? – недовольно спросила я – очень уж не хотелось отказываться он кандидатуры Кароля Линце.

– Наверно, во всяком случае, потом я его не видела. Взбрeдет же такое в голову, зачем бы ему убивать Алицию!

Я глубоко вздохнула и призналась, что у меня, очевидно, маниакальный психоз. Вокруг меня эти убийцы прямо кишмя кишат – и здесь, и в Варшаве. Анита восприняла мое откровение с большим сочувствием и с не меньшим интересом, и мы с ней всесторонне обсудили проблему маниакальных психозов.

– Да, кстати, о психозе, – спохватилась она. – Генриху позарез нужна большая отвертка. Он уже робко спрашивал, когда ты вернешь

инструменты.

– Ох, прости. Конечно, верну, да хоть сегодня.

– Завтра. Сегодня нас дома не будет. Загляни завтра вечером, ладно?

Если «заглянуть» означает одолеть этот воистину тернистый путь к их обители, то так и быть, загляну...

Мы договорились на шесть часов, и я покинула стены «Датского радио и телевидения», напроочь позабыв, что явилась сюда с намерением обсудить с Анитой последнюю свою волю. Что бы она там ни толковала, но фамилия Линце меня явно насторожила. Убей меня бог, если я не видела ее в каком-то тексте. Сам ее обладатель меня вовсе не заинтересовал, а вот его фамилия...

Так что же мне делать дальше? Вообще-то полагалось явиться к тому человеку, который ждал от меня вестей, и передать ему хотя бы имена преступников, не вызывающие никаких сомнений, но даже на этот шаг я никак не могла решиться. Окончательно растерявшись, я не надумала ничего лучшего, как позвонить Дьяволу, но мне ответили, что он отбыл в командировку. Только этого не хватало, нашел же время для разъездов! Еще немного, и я махнула бы самолетом в родное отечество, дома, как известно, и стены помогают.

Вечером, расположившись в офисе, я стала подводить итоги. Уединенная атмосфера очень даже к этому располагала. Перво-наперво требовалось уяснить для себя неоспоримые факты и уточнить вопросы, на которые еще не нашлось ответов.

Прежде всего можно считать фактом, что какие-то лица вознамерились сделать бизнес и таки его сделали. Бизнес заключался в нелегальной доставке из Польши в Данию готового героина. Героин изготавливается из опиума и морфия, а этого добра в Польше навалом. Таможенные службы сориентированы совсем на другое – на вывоз из страны антиквариата, произведений искусства, бриллиантов, водки и долларов, а также на ввоз наркотиков, так что такая контрабанда имела большие шансы на успех. Из Дании героин переправлялся дальше, в Соединенные Штаты и Швецию, набирая в цене.

Чтобы дело шло порезвее, данная организация воспользовалась официальными каналами, переправляя нелегальный груз в легально экспортируемых продуктах. Возможно, магазин, который принадлежит сыну того лысого недомерка, специально используют для этой цели, возможно, дорогостоящая пакость прибывает туда не только из Польши, а еще из Франции, с Ближнего и Дальнего Востока – отовсюду, где она только водится. В консервах под видом польских рубцов, всяких

бамбуковых супчиков...

Сделки заключаются на ипподроме. Ничего не скажешь, место выбрано безошибочно! Дважды в неделю на Амагере и в Шарлоттенлунде бывает без малого пол-Копенгагена, множество болельщиков приезжают на автомашинах, они там теснятся, дверца к дверце, бампер к бамперу, между ними снуют разгоряченные тоттошники, идеальная обстановка для передачи грузов и денежных расчетов, в такой толчее и слон-то растворится! Хоть на голове стой, никто не обратит внимания. Хочешь – заключай сделки, хочешь – деньги вручай, можешь даже размахивать ими вместо флага, можешь потом что угодно утверждать и отрицать – мол, знать не знаю человека, с которым только что до хрипоты спорил, – мало ли с кем споришь на тотализаторе, тут уж действительно ничего не замечаешь, на уме одни рысаки.

Даже самая бдительная в мире полиция вряд ли заинтересуется фактом, что разные там тоттошники по дороге на ипподром покупают себе консервы и зашвыривают их в багажник, а потом едут дальше проматывать денежки. Ни одним законодательством это не возбраняется. Определенно у них все организовано так, чтобы трэфной товар дольше двух-трех часов в магазине «*Specialites des Pays*» не залеживался.

В доходном этом деле замешано несколько интересующих меня лиц. Известные мне понаслышке Лаура и Зютек, известный мне понаслышке и вприглядку тип со сломанным носом, прозываемый Петер Ольсен, лично известный мне лысый недомерок в шляпе и совершенно мне неизвестный Аксель Петерсен. А Лешек Кшижановский, из всей честной компании наиболее мне известный, играет какую-то свою загадочную роль, о чем, согласно воле Алиции, я должна молчать как рыба.

Если почтенная банда и впрямь поставила дело на широкую ногу, то в афере гораздо больше участников, но об остальных приходится только гадать. Скажем, тот очаровательный юноша, выступавший в роли помощника маляра. Не он ли и есть сынок Лауры? Принцип семейственности: здесь сын лысого недомерка, там сын Лауры...

Один раз, в прошлом году, они использовали для переправки крупного груза яхту Лешака. Груз загадочно исчез, по случайности о передрыге узнала Алиция. Постепенно нечаянный свидетель становился все более опасным, бандиты это в конце концов сообразили и убрали ее, заодно попытавшись отыскать план с координатами пропавшего сокровища. К сожалению, я не знаю, чем увенчались их поиски. Возможно, бумажка с координатами затопленного груза хранилась в тех самых датских красных свечах, искромсанных до непотребного вида. Лично я сочла бы такой

тайник идеальным, ничего ведь не стоит разрезать свечу поперек, выдолбить сердцевину, воткнуть клочок бумажки и половинки снова аккуратно слепить.

А далее у меня шли сплошь вопросы без ответов. Почему погиб один из матросов Лешека и что майору об этом известно? Кто украл у Аниты шампур и прихватил его с собой в Варшаву? Кто убил Алицию, если Петеру Ольсену раздвоиться все-таки не удалось? И самое главное – как мне, черт подери, быть с Лешеком Кшижановским?

Разбор фактов слегка прочистил мою голову, зато нерешенные вопросы снова нагнали туману. Вдобавок припомнилось странное поведение Гуннара, хуже всего то, что объяснить с ним, да еще на такую деликатную тему, не представлялось никакой возможности. Гуннар из иностранных языков знал только немецкий, а я, как на грех, французский. Вспомнились и путающиеся под ногами бородатые и кудлатые юнцы – этот эскорт душевного равновесия мне не прибавлял. Получалось, что, пока никто ничего точно не знает и самая существенная информация у меня в руках, милиция точит зуб лишь на Петера Ольсена, да и то ничем конкретным не располагает. А преступники не лыком шиты, смекнут, откуда грозит им опасность, и уберут меня, как убрали Алицию. Слишком большая ставка в этой игре, чтобы мелочиться. Из-за своих дурацких колебаний я могу запросто распрощаться с жизнью, а мне она еще не наскучила.

Пока я не приняла решения, надо быть предельно осторожной, но беда в том, что решение, судя по всему, мне не суждено принять никогда. Чем дольше я размышляла, тем больше впадала в панику. Даже огляделась по сторонам, ища чего-нибудь для самозащиты, но на глаза попадались лишь образцы плиток «ластрико» – из цветной керамики, на белом цементе. Оружие нельзя сказать чтобы надежное, но в случае чего запущу им злодею в лоб. Я выбрала себе одну такую плитку, бежевую с белым, положила рядом на стол и снова погрузилась в свои пагубные для рассудка думы.

Кто еще может быть связан с аферой? Кто курсировал в этот период между Польшей и Данией? Кто привез шампур? Бестолковое животное из прачечной? Таинственный Кароль Линце? Кто-то еще?

И снова мысли мои споткнулись на фамилии Линце. Выписанная аршинными буквами, она опять маячила у меня перед глазами. Где я ее видела?

Рядом со мной на столе валялся чертежный карандаш. Я взяла его в руки и печатными буквами вывела на плитке «ЛИНЦЕ». Потом, чуть помельче, еще раз. Потом еще и еще, меняя шрифты, пока светлый цемент

не почернел.

Ни до чего не додумавшись, я поплелась наконец спать. Бумаги предусмотрительно прихватила с собой, решив рассовать их под матрац, а про исписанную плитку позабыла напрочь. На лестничной площадке было пусто, и я спокойно проскользнула в свою дверь.

А на следующий день поднялась шумиха – разумеется, в пределах национального датского темперамента, то есть довольно умеренная. У нас это событие, будь оно столь же нетипичным, как для Дании, вызвало бы резонанс почище землетрясения.

Словом, ночью кто-то вломился в офис. Дело нехитрое – просто отогнул стальную рамку в щели для корреспонденции, сунул в проделанную дыру руку и открыл дверь изнутри. Взломщик искал предположительно деньги и, конечно же, не нашел – наличных на Кёбмагергаде не держали. Касса располагалась в центральном офисе на Гаммель-Странд. Персонал в один голос заявил, что ничего не пропало.

Одна я заметила пропажу, поскольку она касалась лично меня. Пропала та самая плитка «ластрико», которую я с таким старанием украшала накануне вечером надписями. Видимо, расписала мастерски, иначе зачем бы грабитель на нее польстился?

Моя натруженная голова требовала немедленного отдохновения, и я сразу же после обеда отправилась в Шарлоттенлунд на открытие сезона. Видно, кудлатые юнцы у меня уже крепко засели в печенках – вся моя нервная система взбунтовалась от одного вида очередного худосочного балбеса, пристроившегося у двери вагона точнехонько напротив меня. Пришлось взять на станции такси – попался, конечно же, «мерседес», слава богу хоть не белый, но все равно я в общем итоге проиграла 11 крон. Обратный путь до станции я тоже проделала на такси, истратив массу времени, чтобы его поймать, а оттуда поехала напрямик к Аните. Инструменты Генриха были все время при мне, уложенные в элегантный пакет от «Magazin du Nord».

Не знаю, почему именно в этот день меня потянуло восполнить пробел в моих краеведческих познаниях. Наверное, несвоевременные идеи – всегдашний мой крест. Ни с того ни с сего, напрочь позабыв об осторожности, я решила, что уж в этот-то раз непременно доберусь до Аниты автобусом!

Уже стемнело, но погода стояла как в раю, возможно, она-то меня и подвигла на глупость. Я помнила, что если ехать по кольцу в одну сторону, то надо выйти то ли на первой, то ли на второй остановке за двумя крутыми поворотами, а если в обратную, то возле какого-то навеса от дождя,

который будет слева. Знать бы еще, в какую сторону этот автобус поедет, ну да ладно, сориентируюсь по ходу.

Уселась я у самой двери и все время поглядывала в окно. Понаблюдав за пейзажем, решила, что еду более длинным путем, так что надо не повороты отсчитывать, а высматривать пустынное место с навесом. Я попыталась выглянуть в противоположное окно, но ничего не смогла рассмотреть, и не только из-за темноты. Взгляд мой наткнулся на того самого кудлатого юнца из электрички, теперь он для разнообразия пристроился позади меня. Я так разнервничалась, что враз потеряла всякую способность ориентироваться.

А автобус все ехал и ехал, как будто нацелился в бесконечность, останавливался почему-то очень редко, и я не знала, что и подумать, может, проворонила свою остановку еще вначале, когда взялась подсчитывать крутые повороты? На иных стоянках, если не было пассажиров, это роковое для меня средство передвижения вообще не задерживалось. А чтобы выйти, нужно заранее нажать кнопку звонка. Ну как, черт побери, я могу знать заранее? Совсем издергавшись, я стала высовываться наружу на каждой остановке, рискуя гильотинировать себя автоматическими дверьми. Присутствие чрезмерно заросшего кудлами недоросля нервировало меня все больше. Наконец по другой стороне улицы мелькнул навес от дождя, а водитель буркнул в микрофон что-то такое, чего я не поняла, но что по краткости напоминало название Анитиной улицы. Правда, все вокруг выглядело совсем не так, и я еще поколебалась, но все-таки выскочила – в последнюю минуту, когда двери уже закрывались.

Ну конечно, выскочила я не там. Вокруг безлюдно и пустынно, автобус сгинул в мгновение ока, а тут еще, посмотрев на часы, я убедилась, что уже на пять минут опоздала.

Из освещенного фонарем расписания следовало, что очередной автобус появится через 25 минут. Ехала я целую вечность, идти наверняка осталось всего ничего, пешком получится быстрее. Секунду подумав, я двинулась в ту сторону, куда уехал автобус.

Шла я ужасно долго, вокруг тянулись пустынные поля, не за что глазом зацепиться, я проклинала себя и все на свете, добравшись же до перекрестка, совсем растерялась. По какой дороге идти дальше? Конечно, по той, по которой проехал автобус, вот только знать бы по какой, но, видно, этого я уже никогда не узнаю. Поблизости ни единой остановки. Одна из дорог пересекала поля, другая была улицей, обсаженной деревьями и застроенной коттеджами.

Я как затравленный волк металась по кругу у развилки, вдобавок еще

и как волк голодная. Голод всегда лишал меня остатков разума, а с ними и возможности принимать разумные решения. Сейчас я бы села во все подряд, что проезжало мимо, но проехало лишь три легковушки и ни одна не была такси, а до такого явления, как частный извоз, в Дании еще не доросли. Мысленно я уже видела накрытый стол, ожидающий меня к ужину вместе с Анитой и Генрихом и всецело разделяющий недовольство хозяев – в этой добропорядочной стране опоздания недопустимы даже в дружеском кругу.

Наконец я все-таки склонилась в пользу улицы, хотя она и выглядела чересчур узкой, чтобы оказаться той, которая мне нужна. Зато она выглядела обитаемой – может, попадется такси или прохожий, который подскажет дорогу. Черт бы побрал мои краеведческие заскоки!

Я двинулась напрямик через широкий перекресток и, выйдя на улочку, увидела какую-то фигуру, идущую в мою сторону тем самым, отвергнутым мною, пустынным шоссе. Я замедлила шаг, раздумывая, не расспросить ли насчет дороги, но тут вдруг заметила, что очень уж этот прохожий смахивает на кудлатого балбеса, который составлял мне компанию в автобусе. Здравомыслие, именно на это шоссе, значит, и надо было свернуть, но рассуждать здраво мешала охватившая меня паника. Впрочем, сильнее страха оказалась ярость, подогреваемая голодом, – у меня прямо сердце зашло от злости, так что неизвестно, для кого наша встреча могла оказаться трагичной.

Я шла не спеша по улочке, внутри у меня все клокотало, и уже не терпелось сцепиться с кем-нибудь не на жизнь, а на смерть. Улочка была пустынная, в домах тоже не замечалось никаких признаков жизни, казалось, еще немного, и я упрусь в тупик. Я плелась все медленней, пока совсем не остановилась. Свет фонаря слепил глаза, впереди угадывался то ли поворот, то ли конец улицы. Что делать – идти дальше или свернуть назад?

Внезапно передо мной замаячили две фигуры, значит, они вышли из-за поворота. Ну вот, теперь можно будет расспросить дорогу. Я стояла и ждала, как вдруг заметила в глубине улочки нечто такое, отчего у меня волосы на голове зашевелились. По левой стороне, в том же направлении, что и две фигуры, то бишь прямо на меня, медленно надвигался темный силуэт автомобиля с выключенными фарами.

Не зря я начиталась и насмотрелась детективов, не зря этот благородный жанр всегда был моей слабостью – подозрение молнией прошило меня! Автомобиль с погашенными огнями, движущийся по левой стороне, – что может он предвещать, как не преступление! Бандиты!!! Караул!!!

Проза жизни диктует, правда, совсем другие ассоциации: если машина едет с погашенными огнями, значит, либо пьян водитель, либо отказал аккумулятор, либо в ней отказало все и кто-то толкает машину сзади до ближайшего пункта техобслуживания – ну и тому подобное, но я-то вовсе в эту минуту не была настроена на прозу жизни. Глаза у меня чуть на лоб не полезли, а по спине от полноты ощущений даже мурашки побежали.

Внутренне я вся подобралась, голова сразу посвежела. В случае чего у меня в руках – а точнее, на ногах – страшное оружие! А именно: отменные итальянские шпильки из крокодила, с каблуками на стальных штырях! Если пустить такую шпильку в ход, противник свалится замертво!

«Успеть бы только...» – забеспокоилась я, понадобится ведь какое-то время, чтобы снять обувь, а кроме того, меня встревожила мысль о пробковом подпятнике: наверняка вылетит, запасных у меня нет, а без них я как без ног... Последнее соображение подстегнуло меня к действию, я вышла наконец из оцепенения и, прислонившись к изгороди, сняла туфлю, вынула подпятник и спрятала в сумку. В тот момент, когда оба субъекта приблизились ко мне, туфля была уже у меня в руке.

Подозрения подозрениями, но я уже открыла рот, чтобы задать им обыкновенный вежливый вопрос насчет дороги, как вдруг слова застряли у меня в горле. В одном из субъектов я узнала человека со сломанным носом, Петера Ольсена!..

Все, что случилось потом, происходило с такой ошеломительной скоростью, что впоследствии мне так и не удалось восстановить очередность событий. Скорей всего, ее и не было, все произошло одновременно. Я в ужасе уставилась на Петера Ольсена, тут же краем глаза увидела, как второй субъект сделал какой-то жест, и, уже не помня себя, ни секунды не раздумывая, замахнулась туфлей! Вернее, рука у меня замахнулась сама. Удар должен был прийтись Ольсену в голову, но почему-то не пришелся. Реликтовые останки крокодила поразили пустоту, ибо за долю секунды голова Ольсена переместилась в другое место. Меня что-то пихнуло в бок, толкнуло в грудь, что-то вокруг меня замельтешило, за клубилось, оба субъекта сместились куда-то вниз, поближе к моим ногам, и их стало вроде бы даже больше. Потом раздался какой-то гул, рокот мотора, пронзительный визг тормозов, перед моими глазами вдруг материализовался автомобиль. Извивающийся у моих ног темный клубок распался на три части, две молниеносно отлетели в сторону, а третья через секунду ринулась за ними. Две тени скользнули в машину, и она тут же рванула с места. Но шум мотора как будто даже усилился, снова взвизгнули тормоза, и вот уже с другой стороны материализовался еще один

автомобиль. Не успела я повернуть голову, как из него на ходу выскочили какие-то типы, и я, совершенно уже обалдевшая, увидела в руках у одного из них револьвер – навалившись на багажник, он вдруг выстрелил! Звук был глухой, точно стукнули колотушкой в обивку директорской двери. В ответ издали послышался такой же глухой хлопок. Отъехавшая с двумя теньями машина вдруг дернулась, с визгом заездила по асфальту, врезалась задом в дерево, но все-таки потащилась дальше, вихляя из стороны в сторону. За перекрестком она скрылась с глаз, но до слуха еще какое-то время доносился неровный стук мотора.

Фигура с револьвером отлипла от багажника и повернулась ко мне каким-то до боли знакомым движением. Я закрыла и снова открыла глаза, надеясь таким манером избавиться от наваждения. Не помогло – наваждение продолжало маячить передо мной.

– Ты, дура набитая, – сказал Дьявол вместо приветствия. – Каким бесом тебя сюда занесло?

Ну что ему ответить на такой вопрос? Действительно, что, кроме нечистой силы, могло забросить меня в эту глухомань? Другие объяснения не приходили мне в голову, да и вообще в ней была одна пустота. Я стояла и таращилась на него как баран на новые ворота.

– С тобой все в порядке? – забеспокоился он, но праведный гнев снова возобладал. – Что ты тут делаешь, я тебя спрашиваю?

А, ну это уже вопрос полегче.

– Еду автобусом к Аните, – с достоинством ответствовала я как на духу.

Дьявол издал разъяренный рык, отчего одна из сопровождавших его фигур всколыхнулась и отвесила изящный поклон.

– Madame... – подала голос фигура.

Я перевела на нее взгляд и наконец вышла из оцепенения, в котором все это время пребывала. Мне мешала моя поза, какая-то она была неустойчивая, и я невольно оглядела себя, но не успела зафиксировать ни судорожно зажатой в руке туфли, ни полной асимметрии в одежде, поскольку все мое внимание сразу поглотила пропажа сумки.

Левая моя рука продолжала, правда, держать пакет от «Magazin du Nord», зато от сумочки сиротливо болтался на локте один лишь ремешок.

– Сумки нет, – с изумлением сообщила я, оборвав на полуслове культурно обратившегося ко мне мужчину. Я сказала это по-польски, но жест, который проделала моя рука, и свалившийся с нее кожаный ремешок были для него достаточно красноречивы. Оба, и Дьявол, и культурный мужчина – изумились не меньше моего.

- Как это нет? Должна быть... Ищи, может, свалилась!
- Avez-vous perdu votre sac?!
- Что в ней было?!

Вопрос они выкрикнули дуэтом, только один по-польски, а другой по-французски. Остальные сопровождающие лица, коих было трое, тоже приблизились к нам. Припадая на одну ногу, я потопталась на месте, тщетно пытаюсь обрести равновесие, а сопровождение обменялось тем временем какими-то фразами по-немецки и рассредоточилось, занявшись поисками. Одна я не рассредоточилась, поскольку в который уже раз превратилась в соляной столп от изумления, смешанного с ужасом.

При свете фонаря в одной из ползавших на четвереньках фигур я узнала юнца из автобуса. Да, это был он, разве что еще более всклокоченный и помятый. В общем, вид у него был тот еще: весь в пыли, лацкан пиджака оторван, глаз подбит.

– Ну что ты торчишь, как статуя в Саском парке! – раздраженно рявкнул на меня Дьявол. – Ищи! Где ты стояла?

– Отстань, – только и огрызнулась я, охваченная ужасом. – Кто это? – Где?

– Там, у изгороди! Это же бандит! Он следил за мной!

– Следил, а как же! Добрая половина датской полиции за тобой следила! Что у тебя было в сумке?

– Madame, qu'est-ce que vous aviez dans votre sac?!

Я ответила им не сразу – слишком уж много всего свалилось на бедную мою голову, чтобы вот так сразу собраться с мыслями.

– Подпяточник, – наконец промямила я по-польски, поскольку ни на одном другом языке не знала этого слова. Однажды каким-то чудом мне удалось купить в Копенгагене эти самые подпяточники, и теперь, пребывая в шоке, который, по всей видимости, стал моим вечным уделом, я целиком сосредоточилась на их утрате.

– Что ты сказала? – недоверчиво переспросил Дьявол.

Представитель датской полиции вопрошающе пожирал меня глазами, и мне ничего не оставалось, как снять с ноги вторую туфлю и с ее помощью продемонстрировать недоукомплектованность первой.

– Seulement?... – растерянно уточнил обалдевший представитель, но тут решительно вмешался Дьявол.

– Обуйся, – категорически потребовал он. – И немедленно припомни все, что у тебя было в сумке. Кончай изображать из себя идиотку, ты и так уже достаточно накуролесила.

С большим трудом удалось мне избавиться от впечатления, что я

нахожусь в окружении бандитской шайки, что меня настиг один из наркоманов в лице кудлатого парня, что Дьявол тоже из их числа, водит меня за нос и, возможно, он-то и убил Алицию. Иначе как еще объяснить все эти страсти-мордасти? Не могла же я поверить, что агенты датской полиции шныряют по городу в цветастых блузах, с локонами по пояс и ублюдочными физиономиями!

– Ничего не понимаю, – раздраженно пробурчала я, послушно надевая туфли. – Почему это я накуролесила и откуда ты тут взялся? Ты же в командировке!

– А где же еще, – пожал плечами Дьявол. – Накуролесила ты будь здоров. Говори, что у тебя было в сумке!

Тут снова вмешался галантный мужчина, проявлявший до тех пор ангельское терпение, и стал помогать мне от меня того же, что и Дьявол, только по-французски. Пришлось вспомнить. Все было! Вещи одна ценней другой. Пудреница, косметичка, записная книжка с телефонами, загранпаспорт, программка с последних бегов, сигареты, спички, авторучка, ключи от офиса, от дома благодетелей, от квартиры Бородатого, от собственной квартиры, о господи!.. Почти сотня крон, духи от Диора, маникюрный набор... Подпяточник!!!

– Ключи, – сказал Дьявол. – Наверняка их интересовали ключи. Хотели добраться до бумаг Алиции.

Сопровождающие лица согласились с ним. Перечисляла я на трех языках, так что дошло это до всех. Но до меня не дошло, почему они не бросились сразу к машине и не помчались в погоню или напрямик на Кёбмагергаде, чтобы опередить бандитов. Лично я встревожилась не на шутку, но Дьявол меня успокоил.

– Их уже поймали, – сообщил он почему-то без особого энтузиазма. – Там дальше их ждали две полицейские машины. Ничего умнее не могла придумать? Может, ты вообще с ними заодно?

– Не понимаю, ты это о чем, заговариваешься, что ли? Так ведь если их поймали, значит, все в порядке?

Ответа я не успела получить, поскольку к нам подошел тот самый галантный джентльмен со своим французским.

– Мадам, – с неотразимой обходительностью обратился он ко мне, – не могли бы вы сейчас поехать с нами? Окажите такую любезность, нам есть о чем поговорить.

– *A votre service, monsieur*, – буркнула я. Ничего не поделаешь, раньше или позже такого разговора не избежать. Я уже совсем было смирилась с неизбежностью, но тут вспомнила про инструменты Генриха. Может, они

по дороге завезут меня к Аните?

Я предложила это Дьяволу, а он переговорил с сопровождающими лицами по-немецки. Для натурального вавилонского столпотворения не хватало лишь английской речи. Воспользовавшись паузой, я убрала излишек асимметрии в своем наряде, штопором перекрученном вокруг фигуры, при этом случайно взглянула на жакет – и глазам не поверила. Даже подошла к фонарю и сняла жакет, чтобы получше рассмотреть.

– Что там у тебя? – спросил Дьявол.

– Не знаю, – озадаченно ответила я. – Не понимаю. Что это?

Правая сторона жакета на уровне ребер была очень ровно и аккуратно разрезана, чуть наискосок, словно кто-то собрался украсить его на этом месте разрезным карманом. В шоковом состоянии, из которого я выходила теперь только кратковременно, мне могла прийти в голову лишь одна мысль – что наконец-то я с чистой совестью выброшу этот костюм, который ношу без малого пять лет и который уже изрядно мне надоел, а просто так выбросить его не хватало духу, поскольку выглядел он еще вполне прилично. Дьявол нетерпеливо вырвал жакет у меня из рук, осмотрел, а потом продемонстрировал его сопровождающим лицам.

– Это меняет ситуацию, – глубокомысленно изрек один из них – как и следовало ожидать, по-английски. – Поехали, по дороге все обсудим!

На перекрестке действительно стояла полицейская машина, пока мы усаживались, мне успели вручить мою сумку. Я сразу же проверила содержимое и вздохнула с облегчением – все оказалось на месте, включая и проигравший на прошлых бегах жетон. Народ рассеялся по машинам, и наш кортеж покати к городу.

– Мне надо с тобой поговорить, и немедленно, пока мы еще не доехали. Но сначала скажи, откуда ты взялся и зачем?

– А ты что думала, так мы тебя одну и отпустим? Я договорился с майором, что поеду вслед за тобой – на твою валюту, которую ты мне оставляла полгода назад. Государству разоряться не пришлось... Приехал позавчера, сразу, как узнал, что ты раздобыла-таки бумаги.

– Как ты узнал?!

– Счастливый человек легко открывает душу.

– Вы арестовали Норвежца?

– Зачем арестовывать, он шел себе по улице и напевал. Так получилось, что в компанию к агенту полиции сам же и напросился – то ли на водку, то ли на пиво. Растрепал все за десять минут.

– Надо же! А я думала, он пойдет прямиком домой.

– Как видишь, чуток отклонился. А ты тоже выиграла?

– Увы!

– Это на тебя похоже. Подсказать другому, а самой продуться!

– Прошу тебя, не отвлекайся от темы и меня не сбивай, – запротестовала я. – Лучше скажи, что это был за покойник, о котором майор говорил, что он у него никак не вписывается в какую-то там аферу?

Дьявол подозрительно покосился на меня.

– А что, в твою он вписывается?

– Кончай паясничать, – потребовала я. – У нас мало времени, потом тебе все объясню, а сейчас умоляю тебя, отвечай на мои вопросы! В чем его подозревали?

– Утонул при невыясненных обстоятельствах, а до того имел непосредственный доступ к морфию. Не знаю, что он с ним делал, но вообще по профессии был химик.

– Тогда, значит, он у меня вписывается. Так почему ты утверждаешь, что я накуролесила?

– А почему ты, черт тебя дерит, не пошла сразу в полицию? Со всеми бумагами? Это нападение на тебя все карты нам спутало, ведь у нас нет улик; если у Алиции записаны какие-то имена, за этими людьми надо было следить, стараться поймать их с поличным. Теперь пиши пропало, какого черта тебя понесло в эту глухомань? Неужели не смекнула, что они следят за тобой? Ведь ты одна-единственная что-то знаешь! Странно еще, что они раньше на тебя не напали.

– А мне странно, что они вообще решили на меня напасть, зачем им мокрое дело? Взлом офиса – это еще понятно, но...

– Какой взлом? – вскинулся Дьявол.

– А что, вы не в курсе? – удивилась я, но сразу сообразила, что полиция не поставлена в известность, поскольку обошлось без ущерба. – Вчера ночью кто-то туда вломился. Сотрудники считают, искали деньги.

– Что-нибудь пропало?

– «Ластрико».

Дьявол в строительных материалах кое-что смыслил. От изумления он даже присвистнул.

– Неужели все плитки с пола сорвали?

– Пол там паркетный, стибрили один из образцов, у них они, кажется, называются не «ластрико», а «террако».

– На кой черт им плитка понадобилась?

– Понятия не имею. Помнится, я записывала на ней кое-какие свои мысли. А точнее, фамилию.

– Какую?

Тут я рассказала о наваждении, одолевшем меня на почве фамилии Кароля Линце, а заодно уж и о шампуре Аниты. Дьявол мрачно покачал головой.

– Не нравится мне все это. Линце... Нет, не припоминаю. Анита тоже замешана?

– Ты что, об Аните там ни слова, – возмутилась я, и внезапно во мне шевельнулось какое-то неприятное ощущение. Я разговаривала с Анитой о Кароле Линце, высказала идиотское предположение о том, что именно он убил Алицию, – и вскоре подверглась нападению... У нее бывают экипажи из наших яхт-клубов... Тьфу, что это я, куда-то не туда меня занесло.

Я оставила побоку свое ощущение, поскольку требовалось сначала разобраться кое в чем поконкретней. Надо было спросить о Лешеке Кшижановском, но так, чтобы не бросить на него ни малейшего подозрения. Дьявол сразу наматывает на ус!

– Меня интересуют еще несколько лиц из Польши, – сухо сказала я. – На Лауру вы случайно не вышли?

– Какую Лауру?

– Ну подругу Алициной тетки. Она живет в Кракове. Ты хоть что-нибудь знаешь о ней?

– Почти ничего. Неужто она?... Да ведь это же столетняя старушка!

– Я так понимаю, что мысль о Лауре никому и в голову не приходила. Зато вы наверняка в курсе, что капитаном яхты, на которой плавал утопленник майора, был Лешек Кшижановский. Уж об этом-то тебе известно?

– Давно уже.

– А у Лешека есть алиби?

– По-твоему, это Лешек спихнул того беднягу за борт?

– Я спрашиваю в связи с Алицией!

– А! Ну, тут алиби как по заказу. До двух ночи играл в бридж, четыре свидетеля, не считая жены.

– Послушай, вы ведь проверяли там всех и вся. Небось и тараканов в доме запротоколировали. Кто мог к ней проникнуть и каким образом?

Дьявол кисло поморщился.

– В том-то и загвоздка, – неохотно буркнул он. – Майор там каждую пылинку обследовал, все до основания прочесал. Кроме Збышека, никто в дом не входил и во двор через забор не перелезал. Никто не заходил в соседние дома. Ума не приложу... К тому времени, когда Алиция тебе позвонила, все жильцы уже сидели по своим квартирам. Остается предположить, что Алицию убили раньше, а ее звонок к тебе записали на

пленку, но, во-первых, слишком уж идиотский для этого разговор, а во-вторых – врач категорически настаивает на времени убийства. Да и вообще довольно нелепое предположение. Разве что призрак?..

– У этой Лауры есть сын, – многозначительно сказала я. – Советую вам его разыскать. По-моему, он не сторонний человек в этой афере.

– Как его зовут?

– Понятия не имею, спросите у сестры Алиции.

– А как насчет Лешека? Ты что-то о нем знаешь?

– Если это не он убил Алицию, то можешь оставить его в покое. Он ни при чем.

– А Линце? Мне эта история с офисом не нравится. Ну ладно, давай выкладывай все по порядку.

Но я ничего не успела выложить ни по порядку, ни без того, не успела узнать последние новости о контрабанде, не успела затронуть тему, которую отложила напоследок – слишком уж тяжелым испытанием была она для моего рассудка. Тему исчезнувших останков Алиции. А не успела, потому как мы прибыли на место.

Нас провели в шикарную резиденцию, где сначала речь зашла о кофе, а потом нам продемонстрировали многообразный технический инструментарий, столь эффектный, что я не могла скрыть своего восхищения. Прямо как в американских шпионских боевиках!

Галантный джентльмен, изъяснявшийся по-французски, стал хлопотать насчет кофейных принадлежностей. А я смотрела на него чуть ли не с благоговением.

– Надо же, датчанин, а вполне прилично знает французский, – сказала я Дьяволу по-польски. Весь мой предыдущий опыт наказывал мне избегать в этой стране разговоров на французском, поскольку датский акцент собеседников превращает этот язык в нечто несусветное. Окончательно доконал меня случай в банке, куда я наведася, чтобы перевести деньги в Польшу. Обходительный клерк изъяснялся со мной на французском, то и дело употребляя слово «sfecle». Я никак не могла взять в толк, как мне следует его понимать, то ли он подчеркивает вековые традиции своего заведения, а стало быть, его надежность, то ли дает понять, что мои денежки застрянут в его недрах лет эдак на сто. Я заиклилась на этом «столетии», совсем потеряв нить разговора. Лишь под конец выяснилось, что он говорил «чек», только с датским произношением.

– Какой датчанин, это француз, – объяснил мне Дьявол. – Из Интерпола. Тобой интересуется международная полиция.

– Большая честь. Погоди, – спохватилась я. – Пока они хлопчут об

угощении, позвоню-ка я Аните. Пускай больше не ждут меня к ужину.

Да-да, пожалуйста, телефон к моим услугам. Я взяла в руки записную книжку, потому как номера Аниты не помнила. Сразу же под Анитой Ларсен в моей собственной, родимой книжке печатными буквами стояло: «Лаура Линце, Краков, Флорианская, 8, кв. 2». Елки зеленые!..

Я так выразительно таращилась в свою записную книжку, что наконец привлекла к себе всеобщее внимание. Дьявол подошел ко мне и тоже в нее уставился, решив по моему виду, что задавать мне вопросы все равно бессмысленно.

– Линце, – прочитал он. – Ну вот, отыскалась твоя Лаура Линце... Постой, ты же говорила о мужчине?

Лаура Линце! Кароль Линце, сын Лауры! Я собственноручно вписала сюда эту фамилию в тот день, когда Алиция, уезжая, наставляла меня, кому какие вещи переслать! Тогда-то она мне и продиктовала на всякий случай адрес Лауры! Надо же быть такой балдой, вот почему эта фамилия стояла у меня перед глазами!

Кароль Линце... Почему Анита сказала, что он уехал в Грецию? А я еще с нею рассуждала о нем, потом имела глупость расписать его фамилией плитку... Анита? Зачем ей понадобился этот спектакль с шампуром?!

– Воды! – простонала я. – Лучше содовой. Дайте попить, не то я сейчас потеряю сознание или еще что-нибудь!

Все выказали живейшее участие к моему состоянию, и вскоре я получила стакан минеральной, которую выпила единым духом. Сумятица в моей голове достигла своего апогея.

– Вы говорили о Линце с одной лишь мадам Ларсен? – спросил джентльмен из Интерпола, когда я выложила им все, что только могла себе позволить. – Возможно, вас слышал кто-то еще?

– Если и слышал, то ничего не понял, – ответила я. – В комнате еще сидел ее шеф, а в соседней – две сотрудницы. Дверь была открыта.

– А вы упоминали его фамилию?

– Да, и не раз.

Джентльмен из Интерпола переводил мои ответы с французского, а я, пользуясь паузами, соответственно Дьяволу на польский. Таким образом, все были в курсе, о чем идет речь. Последнее мое сообщение вызвало оживленную дискуссию.

– Да, сглупила ты не на шутку, – сообщил мне Дьявол итог дискуссии, в которой он принимал участие на немецком языке. – Наконец-то понятно, почему на тебя напали. Вот что бывает, когда к следствию привлекают

всяких дилетантов.

– Если уж на то пошло, – разозлилась я, – то при чем здесь Линце? Он ведь уехал в Грецию!

– С чего ты взяла? – хладнокровно парировал Дьявол. – За последние два месяца ни один поляк не получил визу в Грецию. Они сейчас из коммунистических стран никого к себе не впускают, но мы, конечно, в таких материях, как политика, не разбираемся!

Конечно, нет. Уж легче разобраться в математике, чем в политике.

– А вы не могли бы одолжить нам бумаги вашей подружки? – спросил джентльмен из Интерпола. – Мы сделаем с них копии.

– Пожалуйста, прямо сейчас?

– Если можно...

С достойной похвалы оперативностью меня отвезли на Кёбмагергаде, а потом обратно. Когда я вернулась, Дьявол как раз висел на телефоне.

– Сообщаю фамилию, – говорил он. – Восемнадцать, шесть, двадцать один...

При желании и я могла бы освоить шифр, о котором они с майором условились специально для этого случая, – я ведь знала, о какой фамилии идет речь, но зачем, мне он вряд ли пригодится.

Я передала сотрудникам Интерпола все бумаги, кроме личных писем Алиции к Лешеку и Зютека к Алиции. Эти письма, как и наше с Михалом участие, должны кануть во мрак забвения.

Бумаги вызвали очередную дискуссию, еще более оживленную, чем первая; то и дело до моего слуха долетали знакомые имена. Меня разбирало любопытство, во что это их обсуждение выльется. Они знали немецкий язык гораздо лучше меня, так что я ждала какой-нибудь сенсации. И не обманулась в своих ожиданиях, хотя до сенсации дошло не сразу.

– Тебе повезло, – сказал Дьявол. – Они знают, кто такой Аксель Петерсен, и, кажется, располагают против него кое-какими уликами. Иначе придушили бы тебя, во всяком случае, я бы на их месте уж точно.

– А кто он вообще такой?

– Работает шефом в одном почтенном месте. Зато я тут что-то не вижу пяти миллионов долларов.

– Будь добр, выражайся яснее. Загадками я и так сыта по горло.

За объяснениями дело не стало. Оказывается, все заинтересованные лица надеялись найти в бумагах подсказку, где искать груз с наркотиками. Никакой подсказки, конечно, не было. И теперь они ждали ее от меня!

– В воде, – любезно сообщила я им. – Наверняка в воде.

– А где именно?

– Не знаю. Честное слово, понятия не имею. Ищите и обрящете, сказано в Писании.

– Издеваешься? – разозлился Дьявол. – Где им искать? Должен существовать план, Алиция куда-то его спрятала!

– Вот почему я и приставала к вам из-за тех свечей, – с каким-то тупым злорадством объявила я. – Если это клочок бумажки, и если Алиция его спрятала, и если убийца его нашел, и если вытащил это из воды...

– О господи! – простонал Дьявол и перевел все мои злорадные допущения, чем поверг присутствующих в очевидное уныние. Следующие полчаса были посвящены исключительно проблеме пяти миллионов.

Меня же гораздо больше занимала сейчас проблема Аниты. Прямо какое-то заклятие висит над моими знакомыми, почти все – кандидаты в преступники, сговорились они, что ли? Мыслимо ли, чтобы она так бесчувственно воспринимала смерть Алиции, а потом, возможно, и мою? Кровавая дама в образе обаятельной журналистки? Что же это такое на свете творится?!

Конференция закончилась лишь поздней ночью. Насколько я могла разобраться в невообразимой мешанине иностранных языков, порешили захватить преступников врасплох, в силу обстоятельств отказавшись от длительной слежки, необходимой для получения улик. В силу тех же обстоятельств пришлось до срока посадить участников нападения – жертв преступного моего легкомыслия. Ими оказались два датских гражданина – Петер Ольсен и Ларе Йогансен, по профессии шофер, а по совместительству – кассир на бегах, а также польский гражданин, некий Ежи Вендель. У этого Ежи Венделя в Дании жили близкие родственники, а посему он часто и без затруднений шатался из одной страны в другую.

– Ловкачи те еще, – воздал им должное Дьявол, когда мы наконец оказались в гостиничном номере. – Попробуй подведи их под статью. Если бы им удалось отобрать у тебя бумаги и затаиться, все бы сошло этой шайке с рук. Да и теперь они, скорее всего, отвернутся, в худшем случае расстроится их бизнес. Засыпался только Аксель Петерсен, да и то потому, что его случайно подставил один француз, бывший у него на подхвате в темных делишках. Выходит, ты подвела под монастырь и себя, и меня.

– А Лаура? – робко запротестовала я. – Ее, небось, еще не предупредили, может, у нее что-то найдете?

– Сомневаюсь, хотя майор наверняка там не дремал. Чтобы реабилитировать себя, тебе остается только одно: найти груз с героином. Если, конечно, его еще не прибрали к рукам и если полиция сама его завтра

не отыщет.

Назавтра мне пришлось в течение нескольких часов участвовать в бесплодных поисках – были осмотрены все стоявшие у причалов яхты, и лишь к полудню я попала в офис, где узнала, что меня разыскивает по телефону какая-то дама, прекрасно говорящая по-датски. Дамой, прекрасно говорящей по-датски, могла быть только Анита, хотя как раз она-то, по моим прикидкам, должна избегать меня как черт ладана. Не успела я удивиться такому несоответствию, как телефон снова зазвонил. Точно, Анита.

– Слушай, – возбужденно начала она. – Наконец-то я тебя поймала, с утра сижу на телефоне. Тут такие дела! В редакции творится что-то невообразимое – содом и гоморра! А ты хороша, даже не заикнулась.

– А что случилось? – осторожно поинтересовалась я.

– Сегодня утром арестовали моего шефа! Да ты его знаешь, видела в моей комнате. Какая-то жуткая афера, вроде бы связанная с контрабандой наркотиков. Меня тоже о нем выспрашивали, наведывался обходительный такой джентльмен, оказывается, о своем собственном шефе я почти ничего не знаю! Да, представь себе, интересовались и Каролом Линце! Ты наверняка была в курсе – и помалкивала! Подруга называется!

Я так и ахнула.

– погоди, дай собраться с мыслями. Шефа, говоришь? Ну и ну! Как его зовут?

– Петерсен, Аксель Петерсен. Ты что-то знаешь? Признавайся наконец!

Вот так неожиданность! Подумать только, разгадка таилась, можно сказать, под самым моим носом! Линце значился у меня в записной книжке, а таинственный Аксель Петерсен сидел за соседним столом, и ему вовсе не надо было знать польский, чтобы понять, что к чему! А этот бессовестный Дьявол ни словом вчера не обмолвился!

– Душа моя, как же я могла тебе что-то сказать, если до вчерашнего дня сама ничегошеньки не знала, а со вчерашнего дня пребываю в убеждении, что ты посягала на мою жизнь...

– Что я делала?

– Посягала на мою жизнь под предлогом совместного ужина.

– О господи! – всполошилась Анита. – С тобой все в порядке?

– Потерпи до завтра, завтра перед тобой исповедаюсь, если, конечно, мне позволят, – пообещала я. – Приеду к тебе автобусом, заодно привезу инструменты Генриху...

Алкая сатисфакции, я с нетерпением поджидала Дьявола, который до

позднего вечера совещался с международными легавыми. К тому же у меня накопилось много вопросов – вчера, памятуя о том, что у самой рыльце в пушку, я не решилась особенно к нему приставать, тем более что моя смекалка, проявленная в описании ипподрома и неограниченных возможностей этого теплого местечка по части всяких сделок, пробудила в Дьяволе смутные подозрения. Из всей компании, внимавшей мне вчера с большим интересом, лишь один он уловил, что мои догадки, навеянные вифайфом Норвежца и контактами лысого недомерка в шляпе, выглядят чересчур уж гениальными. Так что я предпочла вчера больше не высываться. Но теперь, когда вскрылся очередной его блеф, совесть меня уже не терзала.

– Значит, это Анита на меня напала, да? Загримированная, в маскарадном костюме? – ехидно пристала я к нему, когда он вернулся. В ответ он расхохотался.

– Я ничего такого не говорил. Сама себя сбила с толку.

– Или ты мне сейчас выкладываешь всю правду, или не ждите от меня, да еще такой бестолочи, никакой помощи. Сами ищите свой чертов героин!

– Шантажируешь?..

– Так и так от меня никакого проку не будет, – честно призналась я. – Но все равно давай выкладывай правду, по крайней мере хоть начни без вранья!

– Ладно, сдаюсь. Тогда слушай. Ты прямо как в воду глядела. В том магазине мы нашли несколько килограммов товара – в банках из-под бигоса и рубцов. Сало оказалось чистым. Акселя Петерсена забрали утром с его рабочего поста – у них нашлись снимки, на которых он заключает сделку с одним небезызвестным уголовником из Швеции. Все складывается не так уж плохо, но могло быть гораздо лучше, если бы ты предоставила нам хоть немного времени. К счастью, Лаура оказалась неуравновешенной особой, поддавалась панике и частенько забывала в своих письмах о правилах конспирации. Ты, наверно, не в курсе насчет ее близких отношений... Угадай, кому были адресованы ее послания, которые попали к Алиции.

– Могу только сказать, кому не были, – ответила я, с интересом ожидая продолжения, поскольку и сама ломала над этим голову. Дьявол ухмыльнулся.

– Папаше пана Кароля.

– Seriously?

– Пани Лаура, как тебе известно, в браке никогда не состояла, пан Кароль – плод греховной любви, записан он на фамилию родительницы, но

родитель от своего чада не отрекся. Родителем ему приходится некий Морис Лиlienбаум, с которым, если не ошибаюсь, тебя многое связывает...

Лысый недомерок в шляпе!.. У меня даже дух захватило, а довольный эффектом Дьявол продолжал свой рассказ. Лысый недомерок в шляпе с готовностью признал себя отцом обоих отпрысков – как законного, так и внебрачного, – зато признавать свое участие в афере наотрез отказался. Переправлять наркотики из лавочки датского его отпрыска не составляло никакого труда – частные клиенты развозили их в оригинальной таре во все концы света. Никому не возбраняется купить себе банку-другую экзотического яства и увезти с собой куда угодно, хоть в Америку.

– Ну хорошо, а от нас? Как это вывозилось из Польши?

– Просто до гениальности. В Сопоте у них был склад подходящей баночной тары, они упаковывали в нее свеженький, отборный героин и подменяли им товар уже после таможенного досмотра при погрузке на корабль. На все про все хватало двух человек. Одному удалось бежать, кажется, он намылился в Данию, но тут ему уже встреча готова. Идея доставки настолько немудреная, что они могли годами действовать безнаказанно. Если бы не Алиция...

Алиция... Алиция!.. Ну что же, надо наконец спросить и об этом...

– Скажи мне еще вот что... Только не юли, такая тема, что недолго и с ума сойти. Кто и зачем выкрал ее труп?

Дьявол задумался. Поудобней устроился в кресле, закурил сигарету и наконец рассеянно протянул:

– Н-да... Осрамился майор. И то сказать: труп ускользает за границу, да еще сам по себе!

– Клянусь тебе, – прорычала я и прямо-таки почувствовала, как огонь безумия полыхнул в моих глазах, – если ты сейчас же не возьмешь свои слова обратно, я убью тебя!

Дьявол непроизвольно ухватился за карман, где у него лежал пистолет.

– Лучше убей пани Грущинскую, – насупился он. – Я к этому отношения не имею.

– Какую еще Грущинскую?! Кто такая Грущинская?! Не хватало еще какой-то Грущинской! И не держись за свою пушку, я тебя голыми руками придушу!

– Тогда уж точно ничего не узнаешь. Стой! Сейчас все расскажу!

И рассказал.

Десять дней тому назад некая пани Грущинская, отбывавшая с Центрального вокзала в Берлин, где служил ее супруг, села вечером в

спальный вагон и прошла в свое купе первого класса. Одно из мест в купе было уже занято. На нем, отвернувшись лицом к стене и укутавшись пледом, спала какая-то темноволосая дама. В ногах у нее с озабоченным видом сидел ее муж.

– Прошу меня простить, – в некотором замешательстве обратился он к пани Грущинской. – Моей жене немного нездоровится, она приняла снотворное, и я боюсь, как бы она не проспала границу. А у меня, как на грех, место в другом купе, совместное нам купить не удалось. Хочу попросить вас об одном одолжении.

Пани Грущинская была столь возмущена персоналом «Орбиса», не нашедшим возможности устроить больную женщину вместе с супругом, что без всяких колебаний вызвалась помочь, чем только сможет. Озабоченный муж с явным облегчением показал на небольшой изящный несессер.

– Вот здесь ее документы и медицинское свидетельство, я-то и везу ее за границу для лечения – психическая травма, сложный случай, вы меня понимаете, не хотелось бы на эту тему распространяться. Если таможенники зайдут сюда до моего прихода, не могли бы вы показать им эти бумаги? Вы меня очень обяжете. Что касается вещей, то у жены при себе ничего нет, весь багаж со мной.

Пани Грущинской глубоко импонировало лечение у зарубежных светил, и ее доброжелательность возросла еще больше. Она только уточнила, не надо ли больной давать каких таблеток, и заверила супруга, что все будет в порядке. Успокоенный пассажир посидел еще немного, затем, рассыпаясь в благодарностях, покинул купе незадолго перед тем, как поезд тронулся.

Таможенники разбудили пани Грущинскую за полночь. Любезный чиновник мельком оглядел два ее чемодана, с полным доверием отнесся к их содержимому, даже не удостоив вниманием два литра водки, два кило колбасы, бигос домашнего приготовления и домашний же вишневый конфитюр – любимое лакомство пана Грущинского, – и обратил свой взор к другой пассажирке, продолжавшей спать мертвым сном в той же позе.

– Прошу вас эту даму не будить! – грудью встала на ее защиту пани Грущинская. – Она больна, приняла снотворное. Не надо ее тревожить, у нее что-то с нервами, как раз едет на лечение. Вот ее паспорт и медицинское свидетельство.

Она открыла изящный, из замши теплого золотистого цвета несессер и вытащила из-под скромных запасов косметики, бигуди, лекарств и других подобного рода мелочей папку с документами.

– А ее багаж? – спросил таможенник, пробегая глазами бумаги.

– Какой может быть багаж у больной? – возмутилась пани Грущинская. – Багаж у мужа, он едет в другом купе – не смог достать совместного. Вы же знаете, этот «Орбис» нас за людей не считает, совсем затерроризировал!

Она хотела сказать «затретирировал», но так расчувствовалась, что даже оговорила. Таможенник нерешительно посмотрел спящей в затылок, потом склонился и осветил фонариком ей лицо, пытаясь сверить с фотографией на паспорте. Тут уж пани Грущинская набросилась на него как львица.

– Что вы делаете! – прорычала она. – Я все понимаю – контроль, доллары и прочее! Но сердце-то у вас есть? Вы что, хотите иметь на совести тяжело больную женщину? У нее от этого вашего фонаря может случиться приступ, больного человека так будить нельзя! Это негуманно!

Таможеннику достаточно было одного взгляда, чтобы сравнить лицо на фотографии с лицом спящей и удостовериться, что здесь все в порядке, как и с медицинским свидетельством, багажа действительно никакого не оказалось, а тут еще на него наступала пылающая праведным гневом матрона. Надо сказать, пани Грущинская выглядела дамой импозантной в полном смысле этого слова. Ростом не менее метра семидесяти, весом килограммов девяносто, а главное – чем-то она до боли напоминала ему тещу, разве что была чуть помоложе. Таможенник торопливо погасил свой фонарь.

– Ну что вы, не собираюсь я ее будить, – пошел он на попятный. – Мне только фото проверить. У нее тут, как я вижу, есть и копия свидетельства на немецком? А муж, говорите, в другом купе? Благодарю вас, спокойной ночи.

И поспешно ретировался.

Пани Грущинская аккуратно упрятала документы, пользуясь случаем, прочитала копию и польский оригинал, сочувственно вздохнула, удостоверившись, что болезнь незнакомки действительно психического свойства и осложнена частичным параличом, грустно покачала головой и обратила внимание на фамилию. Не похожа на польскую. Хансен, Алиция Хансен...

А потом она выкрикивала эту фамилию в Берлине по прибытии поезда, пытаясь разыскать мужа своей соседки, Муж от самой Варшавы ни разу не заглянул к ним в купе, но пани Грущинскую это не насторожило, и лишь к концу путешествия она встревожилась. Что ей делать, незнакомец как сквозь землю провалился. Она вышла из своего купе, пробежала по

соседним, выскочила на перрон, пытаясь разглядеть в толпе плохо запоминающееся лицо. За нею носился по пятам ее супруг, озадаченный странным поведением своей половины.

– Пан Хансен! – взывала она в надежде, что пан Хансен все-таки где-то здесь, поблизости, вот только она не может его распознать. – Пан Хансен!

Наверняка пани Грущинская разнервничалась бы еще больше, знай она, что, во-первых, пан Хансен вот уже четверть века покоится на кладбище, а во-вторых, что он никогда не был мужем больной дамы, а доводился ей отцом. В полной растерянности вернулась она в купе, а тут ее ждал еще сюрприз. Место, на котором только что спала ее подопечная, пустовало. Соседка как сквозь землю провалилась.

Немного поостыв, пани Грущинская здраво рассудила, что муж больной дамы, наверно, привел с собой медсестру и вдвоем они ее забрали. Она почувствовала себя слегка обиженной, но потом решила, что попрощаться с нею ему не позволили неизбежные в таких случаях суматоха и спешка. Мысль о каком-то подвохе ей и в голову не пришла. Попросивший ее об одолжении человек выглядел вполне респектабельно, внушал даже симпатию и сочувствие...

Вот такую историю услышал и доложил по начальству один из подчиненных майора, который разыскал пани Грущинскую в Берлине в обществе мужа и банок с вишневым конфитюром. Перед тем все усилия майора разыскать труп заканчивались впустую, а тут наконец к нему поступила информация, что гражданка Алиция Хансен отбыла за границу поездом в одном купе с гражданкой Марией Грущинской. Таинственного мужа первой гражданки разыскать не удалось, не был он опознан и по фотографии Гуннара, предъявленной на всякий случай пани Грущинской. Вот так труп Алиции исчез с горизонта во второй раз.

Отыскать врача, который выдал медицинское свидетельство, тоже не представлялось возможным, поскольку его фамилию никто не запомнил, а само свидетельство исчезло вместе с покойницей.

Меня эта история так заинтриговала, что из последних сил я постаралась сохранить здравый рассудок. Захотелось разгадать эту головоломку, и одним возникшим у меня соображением, хотя и довольно-таки абсурдным, я тут же поделилась с Дьяволом:

– Не будь Гуннар таким законопослушным, я бы предположила, что это он выкрал труп – решил забальзамировать на память. Но Гуннар непременно заручился бы разрешением властей.

– Майор человек дотошный, при его профессии полагаться на чью-то

законопослушность – последнее дело, – ответил на это Дьявол. – Будь спокойна, он все проверил. Труп Алиции не прибыл в Данию ни с этим поездом, ни со всеми последующими. Гуннар же, как тебе известно, днем раньше уехал из Польши на машине Алиции. Из Свиноустья он махнул в Юстад, никто его не задерживал – доверенность на машину была еще действительна.

– А каким образом труп оказался с выездным паспортом?

– Она получила его за неделю до гибели, вероятно, держала при себе. Странное дело – после ее смерти в квартире не нашли никаких документов – не только паспорта, но и водительских прав, метрики, вообще ничего.

– Погоди, а нашли там дамскую сумку – такую большую, со сломанной молнией, в черно-бежевую клетку? Любимая ее сумка, она в ней все держала. Кстати, могу поклясться, что никогда у нее не было такого несессера, как тот, в поезде.

– Не уверен, по-моему, сумки там нет. А в чем дело?

– Ну, поручиться не могу, – в раздумье протянула я. – Насколько я знала Алицию, она вполне могла где-нибудь ее забыть. Со всеми бумагами. Где угодно: у подружки, в магазине, на лестничной площадке...

– И сумку подобрал как раз тот тип, которому позарез понадобилось вывезти ее труп? Но зачем? И куда вывезти?

– Не знаю. Обследуйте всю гэдээровскую границу.

– Эк замахнулась! Будем надеяться, все выяснится и без этого.

Дьяволу пора было возвращаться в Варшаву, так что на следующий день мы вместе сели в самолет. Я не настаивала на дальнейшем своем пребывании в Дании, у меня на сей счет были свои планы. Я их обсудила за спиной Дьявола с двумя галантными господами из Интерпола и возвращалась к родным пенатам, окрыленная надеждой. Дьявол, выпросив у Аниты памятный обломок шампура, вез его с собой как вещественное доказательство. Когда я спросила, не рассчитывает ли он обнаружить на нем отпечатки пальцев, он бросил на меня снисходительный взгляд.

– Сколько раз я тебе говорил, что отпечатки пальцев – это миф и легенда. Обнаружить их можно на таком ничтожно малом количестве предметов, что вообще диву даешься, как еще их ухитряются оставлять. На этом обломке они, может, и будут, но лишь Анитины, да и то смазанные. Мне надо проверить, подходит ли он к тому куску, который мы нашли в Варшаве.

Уже в самолете, к концу пути, Дьявол решил меня порадовать еще одним известием.

– Да, забыл тебе сказать, – вкрадчиво протянул он. – В последнюю

минуту майор успел мне сообщить кое-что о Кароле.

– Ну! – насторожилась я, встревоженная его злорадным тоном и эффектной паузой.

– В какой-то прошлогодней газете был репортаж о путешествии на яхте в Данию. Подписан: «К. Линце». На месте майора я бы тебе голову оторвал. Перечисляя людей, с которыми Алиция зналась в Дании, ты постаралась забыть о Лешеке Кшижановском, а именно он взял этого Линце к себе на борт. Вообще-то пан Кароль довольно часто плавает корреспондентом, но этот рейс, по-моему, оказался для него памятным, и не только для него.

Дьявол посеял в моей душе смятение, и на встречу с майором я шла с тяжелым сердцем. Переговорить с Лешekom я не успела. Компрометирующие письма сожгла, не видя другого способа навсегда скрыть их от людских глаз. Уверена, Алиция того от меня и хотела. Майор оказался гораздо великодушнее, чем Дьявол о нем думал, и не только не оторвал мне голову, но и простил. Условно.

– Вы должны себя реабилитировать, согласитесь, грехов за вами много, – усмехнулся он. – Вы ведь хорошо знали свою подругу, уверен, стоит вам как следует пораскинуть умом, и злосчастный этот груз найдется. А пана Линце мы берем на себя, он сейчас в Польше, ведет себя как ни в чем не бывало, хотя небось душа у него не на месте. Пани Лауру мы уже навестили и обнаружили прекрасно оборудованную лабораторию. Я начинаю понимать причины, по которым пани Хансен предпочитала молчать об этом деле, во всяком случае, на первых порах. Пани Лаура утверждает, что лаборатория устроена с ведома покойной ее тетушки.

Могу себе представить, каково было Алиции! Наверняка она пыталась объяснить с Лаурой и эта змея сказала ей то же самое!

– А кто все-таки убийца? – спросила я, осмелев от доброжелательности майора.

Майор тяжело вздохнул, невольно вызвав во мне сочувствие.

– Увы, из трех прямых кандидатов в убийцы все трое имеют неоспоримое алиби. Кто-то из них водит нас за нос, но кто? Так что убийцы нет...

Прозвучало это так жалостно, как если бы речь шла об отсутствии куска хлеба для голодных детей. У меня даже сердце защемило.

– Пан майор, быть того не может! Неужто так уж никто и не входил в этот дом?

– Получается, не входил...

– А из жильцов? Может, у кого из них сидел гость?

– Если начистоту, то я тоже так думаю. Но как докажешь хозяину, что у него был гость, когда его никто не видел? Ну ничего, не будем унывать, глядишь, что-нибудь да всплывет.

Не успела я рассказать Дьяволу о просьбе майора, как он вцепился в меня мертвой хваткой.

– Ты меня выставила идиотом, – заявил он. – Теперь мне нужно отыскать эту дрянь, чтобы спасти свою подмоченную репутацию. Так что соображай! Вспомни все, что только можешь. Представь себя на месте Алиции. Пораскинь как следует умом!

– Сумка Алиции! – выпалила я первое, что пришло на ум, как только я им пораскинула.

– А разве майор тебе не сказал? Сумка была у сестры. Дня три стояла на столике в прихожей, в такой панике никто не обращал на нее внимания. В день убийства Алиция заходила к сестре перед обедом и забыла ее. Не понимаю, как она открыла потом квартиру, женщины ведь носят ключи в сумке?

– В кармане. Алиция носила в кармане жакета. А в сумке у нее были запасные, если, конечно, она их не потеряла. Что там еще лежало?

– Неизвестно.

– Вы что, не смотрели?

– Она исчезла. Сестра утверждает, что заметила сумку через три дня, заглянула в нее, увидела сверху папку и кошелек с деньгами, а внутри не смотрела, отложила на потом, а потом сумка исчезла. Станным образом это совпало с визитом Гуннара.

– Надеюсь, ты не подозреваешь Гуннара в воровстве?

– А что, может, взял на память.

– Кто угодно, но только не Гуннар! – запротестовала я. – Как только у тебя язык повернулся, ты не знаешь датчан и не знаешь Гуннара! Он бы от одной мысли о краже разрыв сердца получил! Они там все свихнулись на честности, о всяких там злодействах, может, и слышали, но считают байками! Исключено!

Дьявол пожал плечами. Профессия не позволяла ему принимать на веру человеческую порядочность, а сталкиваться с тем, чему я сама была свидетелем, ему не доводилось. Я же собственными глазами видела, как Алиция беззаботно оставляла свою сумку – со сломанной молнией и торчащим из нее кошельком – в одном конце универмага, а сама шла что-то там примерять в другой конец. Потом выяснялось, что она забыла, где ее оставила, вроде бы возле зеленого такого свитерка. Свитерок оказывался голубым, но сумка и впрямь стояла рядом целехонькая. Я сама как-то

забыла на вешалке в примерочной серебряную цепочку из «Орио», с висюльками из плавленного жемчуга, – и забрала ее в целости и сохранности на следующий день. А уж о зонтике, который я где только не забывала и всегда отыскивала, и вспоминать не приходится. Отыскивала, пока не напоролась на соотечественника. Упаси боже, я ничего такого не хочу сказать, тем паче бросить тень на цвет нашего искусства, ибо соотечественником был славный наш режиссер. Я навестила режиссера в отеле перед самым его отъездом и, конечно, забыла в номере зонтик. Наавтра со спокойной душой вернулась за ним, а нет зонтика. Надо сказать, режиссер гостил в Копенгагене в обществе славной нашей звезды, да что тут скрывать, режиссером был Януш Моргенштерн, а звездой – Беата Тышкевич. Как раз перед тем она оставила у него свой багаж, а сама отбыла дальше, в Париж. Ну и Моргенштерн забрал этот багаж вместе с моим зонтом в Польшу. Обнаружив такую чудовищную накладку, персонал отеля впал в отчаяние, без конца извинялся, пока я не заверила их, что получу свою пропажу у пани Тышкевич в Польше. Со временем я купила себе другой зонт, а про тот позабыла.

Короче, мысль о том, что Гуннар мог спереть сумку Алиции, показалась мне совершенно дикой, а вся эта история – очень подозрительной. Он мог взять законным путем машину, вполне допускаю, что у них имелась на этот счет договоренность. Но спереть сумку с деньгами – никогда!

– Вряд ли она прятала в сумке что-то важное, – недоверчиво покачал головой Дьявол. – Наверняка считалась с возможностью нападения, обыска или чего-нибудь в таком роде! Придумай другое место.

– Ну, тогда свечи...

– Скажу тебе правду. Майора свечи порядком озадачили, и он приказал исследовать их как можно тщательней. В результате выяснилось, что свечи разрезались на тонкие ломтики, никаких других манипуляций с ними не производили, ничего не вытаскивали. То есть в них ничего не было спрятано, и в сгоревших частях тоже, иначе фитиль, догорев до какой-то преграды, сразу бы погас. Сравнение с образцом подтвердило это.

– С каким таким образцом? – упавшим голосом спросила я, учуяв неладное.

– Ну, мне казалось, что для тебя разоблачение убийцы важнее каких-то там свечей...

– Ты взял мои свечи! Бандит!

– Только одну!

– Надо было сказать мне об этом в Копенгагене! Я бы еще купила!

– В другой раз купишь. Не отвлекайся. Свечи отпадают, думай дальше.

Глубоко расстроенная понесенным уроном, я вытащила оставшиеся пять свечей и зажгла. Горели они красивым ровным пламенем, без дыма и копоти, и я, засмотревшись, вспоминала минуты, когда передо мной трепетали такие же вот огоньки. Наши именины – мои и Михала, день рождения Алиции, торжество в связи с повышением Алиции по службе, слегка омраченное, правда, отсутствием лично у меня работы и вида на жительство...

Что-то внезапно замаячило в моей голове и тут же исчезло. Потом вдруг опять замаячило, на этот раз в душе. Было такое чувство, будто я упустила какую-то деталь. Не обязательно связанную с донимавшей меня загадкой, но тоже очень важную.

– Ну? – нетерпеливо сказал Дьявол. Прислонившись к стене, он всматривался в меня с надеждой. – Ты что-то вспомнила. Я же вижу.

– Не знаю. – Я с сомнением пожала плечами. – Эти свечи у меня с чем-то ассоциируются, с какой-то подсказкой, а вот с какой – убей не соображу. Задавай наводящие вопросы, вдруг поможет.

– Попробую. Ты меня натолкнула на одно соображение. Алиция, прямо скажем, была умницей. Обрати внимание – с той самой минуты, как ты наткнулась на микрофон, все, что она тебе ни говорила, имело свой смысл. Каждая фраза была взвешенна, ничего лишнего. Так что вспомни, прошу тебя, все до последнего слова.

Почему-то я стала вспоминать с конца. В конце речь зашла о словарях, именно в них и нашлись потом самые ценные указания – кроме того, где искать груз.

– Кстати, а что было на Розенгардене? – попутно поинтересовалась я.

– Прачечная. Небольшая частная прачечная, куда навещался Аксель Петерсен и вся его братия – якобы сдавать рубашки. Странно, почему Алиция ни словом не обмолвилась о словарях по телефону? Может, рассчитывала на твою сообразительность?

– Рассчитывала, что кто-то их найдет. Не могла же она постоянно говорить на эту тему, один раз уже упоминала о них перед микрофоном. Боялась, что наведет на след. Вообще всего боялась.

– И потому несла по телефону всякую чушь... Погоди, а может, не только чушь?

– То есть? – насторожилась я, тем более что в голове у меня как будто начало проясняться.

– Мне кажется... – Дьявол наморщил лоб. – Мне кажется, ты сказала что-то очень странное. Постой-ка... Сначала спросила, не хлебнула ли она

лишку, потом сказала что-то совсем уж непонятное. Дай бог памяти... «топотала ногами»!

Топотала ногами!

Тут у меня в голове окончательно прояснилось.

– Знаю! – завопила я. – Она мне велела после ее смерти взять себе что-то на память. Ну конечно, что-то очень важное! Господи, что именно?

– Как, ты не знаешь?

– Понятия не имею. Помнится, она сказала: «Возьми себе то, за что ты бралась после визита к благодетелям». Потом добавила: «И топотала ногами». Вот и пойми, что это значит!

– Вспоминай! Ты же всегда похвалялась своей памятью. Все мои грешки помнишь наперечет.

– Твои грешки увековечены в ней как на скрижалях. Погоди, не сбивай меня.

Я закрыла глаза. И сразу передо мной предстала просторная, с амбар, столовая, стол на двадцать четыре персоны, маленький столик, кресла, серебряный подсвечник, серебряный кофейник, чашки королевского фарфора и к ним одна серебряная ложечка. Хозяева пили кофе без сахара и постоянно забывали о ложечках. На столике возвышались бутылка виски, бутылка коньяка и содовая...

Я открыла глаза и простонала:

– Боже, а перед тем мы пили рябиновку!

– Алкоголички! – брюзгливо фыркнул Дьявол.

Я снова закрыла глаза. Все верно, перед тем прикончили у себя наверху бутылку рябиновки – Алиции дали прибавку к жалованью, а у меня дела были хоть плачь, вот мы и разряжались от полноты чувств. На комод, создавая атмосферу, горели три красивые красные свечи. На последней рюмке рябиновки компанию нам составила дочь хозяев – она пришла нас пригласить вниз, на кофе. Помнится, я положила себе в чашку кусок сахара и стала поспешно размешивать, чтобы потом деликатно, не привлекая внимания, передать Алиции единственную ложечку.

– Чего ты так скрипишь? – зашипела на меня Алиция по-польски, не меняя светского выражения лица.

– У меня глисты, – машинально парировала я, тоже лучась аристократической улыбкой. И сунула ей под столом ложечку.

Вместе с рябиновкой в меня влилась молодецкая бодрость духа. Я с нетерпением вслушивалась в ее болтовню с хозяином дома о погоде, поскольку мне надо было обсудить с ним совсем другой вопрос, неизмеримо важнее. Наконец воспользовалась паузой, когда он стал

наполнять рюмки.

– Алиция, если ты немедленно не переведешь разговор в нужное русло, я начну петь, – пригрозила я и торжественно добавила: – Ибо польская народная песня неукротимо рвется у меня из глубин.

– Так! – благовоспитанно осклабилась Алиция. – Из каких таких глубин?

– Из глубин души, сердца, легких.

Разговор катился одновременно на четырех языках. На немецком, английском, французском и датском. В последнем вот это самое «так» всегда оказывалось для меня камнем преткновения. До сих пор, как заслышу, вздрагиваю и начинаю мучительно соображать, то ли мне польски сказали «да», то ли на датском «спасибо».

После такой угрозы Алиция поскорей перевела беседу на интересующую меня тему и затем, сократив визит до минимума, потащила меня наверх. Результат разговора оказался самым утешительным, красивые свечи на комоде продолжали красиво гореть, и Алиция извлекла из шкафчика бутылку «Соплицы».

– За наше, стало быть, здоровье! – удовлетворенно провозгласила она.

Родимая народная песня уже неудержимо рвалась из моей груди, и после наполовину опустошенной бутылки мы таки ее грянули. Но не хватающую за сердце «Гораль, небось тебе жаль», а плясовую, как того требовал текущий момент.

В своем воображении я увидела Алицию как живую: вот она самозабвенно притопывает в танце, а потом со стоном хватается за ногу, попытавшись продемонстрировать, как в польском обереке полагается припадать на одно колено. В результате финал плясовой я исполняла соло.

– Поттише! – взывала Алиция, рыдая от смеха. – Не топочи так!

Топотала ногами!!! Что-то я еще отплясывала и топотала ногами! Ну конечно, испанские народные танцы! Кастаньеты! Любимые ее кастаньеты! Я бралась за них и топотала ногами!!!

– Знаю! – закричала я, срываясь с места. – Знаю, о чем речь! Как я могла забыть, ведь они висели на стене!

– Что висело на стене? Говори, не тяни! Взволнованная до глубины души, я готова была сию минуту лететь за завещанным мне наследством.

– Кастаньеты! Помнишь? Они висели на стене над той надписью. Подарок, Алиция очень ими дорожила и всегда возила с собой. Надо их сейчас же забрать!

– Остынь, куда тебя несет на ночь глядя? Квартира опечатана, завтра возьмем.

– Погоди, – забеспокоилась я. – Надо это дело обговорить с сестрой. Она ведь наследница...

И только тут до Дьявола наконец дошло.

– С ума сошла, – всполошился он. – Не хочешь ли ты сказать, что она спрятала план в кастаньетах? Чушь, это же два цельных куска.

– Цельные, не цельные, какая разница? Факт тот, что Алиция наказала мне их забрать, – значит, не без причины. Завтра же иду к майору за разрешением. И к сестре зайду – я человек честный.

Дьявол насупился, всем своим видом выражая неодобрение.

– Я тут пытаюсь разобраться с тобой в серьезном вопросе, а ты мне дуришь голову какими-то кастаньетами. Верю, Алиция тебе их завещала. Раз не могла на них надышаться, кому бы отдала, как не ближайшей подруге. Но это еще ничего не значит.

– Не противоречь сам себе, минуту назад ты уверял, что в такой ситуации она могла упоминать только о самом важном.

– Ну и в самое важное затесался один пустячок, она ведь тоже человек. Лучше вспоминай дальше.

– Это должен быть маленький клочок бумажки, – задумчиво тянула я свое.

– С чего ты взяла?

Я очнулась и посмотрела на него. И правда, с чего я взяла? Из письма Алиции к Лешеку. Стоп, этого говорить нельзя.

– А ты что думаешь, такая информация будет написана аршинными буквами на уличной афише? Нет, это крошечный клочок, и кастаньеты тут очень даже годятся. Если не в них, тогда я ничем помочь не могу, ищите ветра в поле.

На следующий день Дьявол, хоть и упорствовал в своей неверии, все-таки изволил сопроводить меня к майору. Тот оказался таким же фомой неверующим, но согласился навеститься с нами на квартиру Алиции. Кастаньеты висели на своем месте, мне даже разрешили взять их в руки. Я внимательно оглядела их. Бог весть в который раз, потому как в Копенгагене они мне мозолили глаза каждый день. И не только глаза. Висели так по-дурацки, что, как только садишься за стол, они тебе елозят по башке. Я осмотрела их так и эдак, постучала ими...

Никаких следов манипуляции. Все такие же глянцево-черные, соединенные красным шнурком. Я сразу пала духом – почему-то казалось, что на глянце непременно должна быть какая-то метина, знак, или обнаружится что-то, вплетенное в шнурок. Наверно, меня сбили с толку ассоциации с узелковой письменностью инков – немудрено при такой-то

сумятице в голове.

Майор с Дьяволом тоже удостоили кастаньеты самого пристального внимания. Обнюхали, обстукали ногтем, разве что на зуб не попробовали.

– Ничего не вижу, – вздохнул майор.

– Да ерунда все это, – раздраженно буркнул Дьявол. – Пан майор, у нее уже навязчивый бред. Можно, конечно, отослать в Институт криминалистики, но какой смысл.

– Я того же мнения, но почему бы не отослать, – заколебался майор. – Вот только что мы им рекомендуем искать? Они могут определить, скажем, химический состав пластмассы...

Все это время я стояла рядом, но мысли мои витали в самых разных местах. Куда еще она могла воткнуть клочок бумаги? Да куда угодно. Могла промыть рейсфедер от туши и воткнуть в него. Могла наклеить под стельку в старой туфле. Могла засунуть в тюбик от помады. Да, но тогда сказала бы по телефону, что я могу взять на память ее чертежный прибор, ее любимые туфли, ее помаду... А сказала о кастаньетах...

– Пусть она их себе забирает и рассматривает хоть до Страшного суда, – махнул рукой Дьявол.

– За твои грешки, прошлые и будущие, Бог наказал тебя уже заранее, лишив смекалки, – вдохновенная свыше, возгласила я. – Пан майор, давайте мне эту вещицу. Я верю в гений своей подруги, у которой под рукой не было Института криминалистики со всеми его чудесами техники. Думайте как хотите, посмотрим, чья возьмет. Можно мне пройти в ванную?

– Пожалуйста, – пожал плечами майор.

Я взяла кастаньеты и удалилась в ванную, осененная неким воспоминанием. Как-то раз, когда я вернулась с работы, Алиция встретила меня оригинальной новостью.

– Я украла новейшее изобретение, – таинственно сообщила она.

– Какое такое изобретение? – заинтересовалась я.

– Клей. По-моему, фантастический. Собираюсь подклеить себе подметку, сэкономлю 15 крон на сапожнике. Помогите мне, надо его разогреть.

– Объективно говоря, воровать нехорошо, – заметила я, увидев в руках Алиции кусок клея величиной с игральную кость.

– А что делать, если он такой замечательный... Клей и впрямь оказался замечательным. Плавился он градусах при пятидесяти, даже пламя свечи оказалось для него чересчур сильным; из маленькой игровой кости на полу образовалась солидная лужа, в нее вступил вошедший в это время Михал и приклеился намертво. Кроме Михала и подметки, Алиция

наклеила много чего нужного и ненужного, торопясь использовать лужу, пока она не засохла.

Нигде больше этот клей мне не попадался, у меня на работе о нем знали лишь понаслышке. Вроде бы какой-то новый состав для склейки пластика...

Я пустила в умывальник горячую, как кипяток, струю, а Дьявол и майор пристроились заглядывать мне под руку. Бросив кастаньеты в воду, я немного обождала, а потом осторожно, чтобы не обвариться, вытащила их за шнурок, сама не зная, какой может быть от всего этого эффект. Из двух частей, которыми полагалось стучать друг о дружку, одна как будто чуть-чуть изменилась. Как будто прорисовался рубец...

– Надо же... – недоверчиво протянул майор. Дьявол выхватил кастаньеты у меня из рук. Взвизгнув, я стала вырывать их обратно.

– Нет! Отдай! Надо еще подогреть!

В суматохе мы утопили в кипятке и шнурок. Рубец выделялся уже совсем явственно. Теперь мы все трое изнывали от нетерпения, но сунуть руку в кипяток никто не решался. Мы болтали в воде всякими предметами, пытаюсь поддеть кастаньеты. Затычку тоже не вытащить, поскольку она без цепочки, мы суетились в панике, боясь, как бы клей совсем не растаял, и не догадывались закрутить кран, так что вода прибывала. Наконец Дьяволу удалось выловить их из кипятка, и он тотчас воткнул в наметившуюся щель маникюрную пилочку. Осторожно разделили мы две половинки кастаньеты. В середине лежала маленькая, сложенная вчетверо бумажка.

– Она была гением, – торжественно, с глубоким пиететом изрек Дьявол, и это была самая большая почесть, какой только могла удостоиться покойная моя подруга. Никогда и ни о ком я ничего такого от него не слышала.

– Поздравляю, – благожелательно, без тени зависти сказал майор. – Можете теперь почитать на лаврах.

– Еще неизвестно, – запротестовал Дьявол и оторвал меня от моего занятия, в которое я ушла с головой: надо было снова склеить две половинки так, чтобы не осталось следа. Увы, мне это не удалось.

– Иоанна, ну-ка расшифруй. Где это?

Вряд ли я бы так сразу узнала место, если б не нарисованный в верхнем углу крокодил – его хвост, заканчиваясь стрелкой, указывал на чертеж. Мне и гадать-то не пришлось, изучила я этот район как свои пять пальцев. Каждую улочку, каждую аллею в парке, каждый перекресток... Крестиком было помечено место в тысяче двухстах метрах от суши – на прямой, прочерченной как продолжение улицы. Расстояние указано

цифрами...

– Шарлоттенлунд... – прошептала я с суеверным трепетом. – А вот это улица Травербаневей, а здесь вход... то есть причал для яхт. Наверно, сначала он груз утопил, а потом обозначил расстояние?..

– Н-да, без плана искать бы нам до скончания века, – с облегчением вздохнул Дьявол. – Чтобы определить это место, надо быть ясновидцем или перерыть все морское дно по ту сторону Зеланда. Наверняка груз, да еще с балластом, уже занесло песком.

– Надо же, не перевелась еще в жизни романтика, – мечтательно протянул майор. – Чем не настоящая корсарская карта с указанием сокровищ?

– Хороши сокровища! – меня даже передернуло от негодования. – Интересно, как вы ими распорядитесь после того, как выловите? Устроите церемонию вторичного затопления?

Кастаньеты были мне отданы без единого слова. Врожденное благородство повелевало мне обратиться по вопросу наследования к сестре Алиции, и я незамедлительно отправилась к ней. Разговор, как и следовало ожидать, перешел на скандальное исчезновение останков, и я сразу сориентировалась, что сестру не посвятили в злоключения пани Грущинской, в связи с чем я решила помалкивать, только скорбно покачивала головой, разделяя ее негодование. Я была для нее просто собеседницей, с которой можно отвести душу, подругой убитой сестры, которая посвящена во всю эту историю столько же, сколько и она сама. Она не знала ни о моих контактах с майором, ни об участии в следствии Дьявола, ни вообще о ходе следствия и потому говорила со мной откровенно, без всякой оглядки.

– Вы понимаете, – сказала она доверительно, – может, с моей стороны и нехорошо бросать тень на человека, но мне все же кажется, что пан Збышек имеет к этому делу какое-то отношение. Он вел себя так странно...

– Как это – странно? – насторожилась я. – И когда именно?

Сестра машинально понизила голос, словно нас могли услышать.

– Здесь, ночью на лестнице. Подслушивал под дверью, вместо того чтобы войти, старался, чтобы его не заметили...

Я очень удивилась – у меня-то отложилось в голове, что Збышек и не помышлял скрываться от бдительного ока привратника. Ох уж эти его причуды!

– А в чем дело? – Я тоже перешла на доверительный шепот. – Я не в курсе, а вдруг тут что-то важное? Вы-то сами его видели?

– Видел наш знакомый... Муж, муж его видел, как раз возвращался

домой...

При упоминании о знакомом я сразу наострила слух.

– Наверно, пан Линце? – небрежно поинтересовалась я, пропустив мимо ушей превращение знакомого в мужа.

– Так вы знаете? – удивилась сестра с некоторой даже обидой. – Вы с ним знакомы?

Я, правда, не поняла, что именно я знаю, зато понимала, как можно это узнать. Научилась у Дьявола заливать не моргнув глазом.

– Да, мы с ним знакомы. Еще с Копенгагена. А что он говорил о Збышке?

Сестра Алиции помялась со слегка обескураженным видом, а потом стала рассказывать:

– Он поднимался к нам по лестнице, а Збышек стоял наверху и спрятался, как только слышал шаги. Он подслушивал под ее дверью...

Чтобы увидеть Збышека, подслушивавшего под дверью Алиции, надо было подняться как минимум еще на пол-этажа. Кароль Линце, не иначе как предвидя скорую насильственную смерть Алиции, поднялся наверх, пожелав лицезреть будущего убийцу. Как же это майор не установил факт его пребывания в доме?

– Значит, Линце ночевал у вас? – спросила я по наитию.

– Да, странно, что вы знаете об этом, он ведь сам просил никому не говорить, чтобы до начальства не дошло – ему полагалось быть в командировке совсем в другом месте. Милиция, сами понимаете, везде нос сует. Да он так и так вне подозрений, почти что родственник, вот мы и не упоминали о нем. Зачем доставлять ближнему лишние хлопоты.

Я едва подавила в себе рвущийся из глубины души отчаянный вопль. Ну что с нее взять, всегда она отличалась бесхитростной простотой, в ее глазах самый матерый головорез будет выглядеть невинным ягненком. Что мне делать с этой божьей коровкой? Сказать ей правду? Ничего не сказать и напустить на нее майора? Но ведь она отнеслась ко мне с таким доверием! Вот положеньице!

– Не знаю, правильно ли это, – мягко и как бы мимоходом бросила я, хотя, будь моя воля, я бы уже давно сорвалась со стула и с диким воем рвала на себе волосы.

– В каком смысле? – растерянно спросила сестра.

– Ну, что вы о нем не упоминали. Может быть, какое-то незначительное беспокойство вы бы ему и причинили (вот уж воистину! – подумалось мне), зато вдруг бы он следствию подсказал что-нибудь важное? Он ведь встречался с Алицией в Копенгагене, видел этого

Збышека собственными глазами. Мог бы помочь...

– О Збышеке он рассказал все нам, а мы, уже от себя лично, – милиции. Что касается Копенгагена... А при чем тут Копенгаген?

Нет, надо кончать разговор, а то еще выудит из меня что-нибудь лишнее. Вот-вот решит, что должна посоветоваться с мужем, муж позвонит приятелю...

Я помчалась на всех парах домой, прикидывая по дороге, как поступить. Ну что ж, пусть сестра Алиции имеет ко мне претензии, но другого выхода нет!

– Я знаю, где был Кароль Линце в день убийства, – с порога заявила я Дьяволу, едва переведя дух после бега по ступенькам.

– Где?! И откуда ты знаешь?!

– Этажом ниже... Есть свидетели.

Дьявол взирал на меня снисходительно, как на тихопомешанную, которая особой опасности для общества не представляет.

– Официально пан Кароль был в Познани, и доказать обратное мы не можем. А как понимать «этажом ниже»?

– Так и понимай. В доме Алиции, только этажом ниже. Гостил у своего приятеля, зятя Алиции, который по его дружеской просьбе опустил сей мелкий факт в своих показаниях. Представляешь, этот ублюдок намеренно пытался подставить Збышека! Сестра Алиции рассказала мне все по секрету, пусть майор делает с этим что хочет, но учтите – я вам ничего не говорила. И советую поторопиться – наверняка они уже называют своему любимчику Каролю.

Дьявол, окрыленный новостью, припустил к майору во все лопатки. Домой он вернулся лишь поздним вечером, с весьма довольным видом.

– Майор, тертый калач, последние два дня только тем и занимался, что искал против него улики, и вот наконец получил. Сестра Алиции в шоке, а зять бьется головой о стену. Скоро пробьет дырку к соседям.

– Это и будет уликой? – саркастически спросила я.

– Не совсем. Попробуй угадать. Ты все ходила вокруг да около, еще немного, и смекнешь.

– И пытаться не стану. Если ты не прекратишь играть в загадки, боюсь, завтра на голову майора свалится новое убийство. Говори сейчас же!

– Начинается на «с», – подсказал Дьявол и побежал от меня вокруг стола.

– Спаси и сохрани его душу! – выкрикнула я и метнулась за ним, хотя убивать его мне было вовсе не с руки – мертвые, как известно, молчат. – Как раз на «с», даже на два!

– Что вы тут вытворяете? – возмущенно спросил мой старший ребенок, просунув голову в комнату, когда мы перевернули третий стул. – А мне казалось, что вы уже не первой молодости!

Вмешательство юного грубияна утомило нас, да и переворачивать уже было нечего. Игривое настроение Дьявола свидетельствовало, что улика найдена неопровержимая. На «с»...

– Если скажешь, что свечи, выброшусь из окна, – мрачно пригрозила я, эти свечи у меня уже в печенках сидели, избавиться от них было пределом моих мечтаний.

– Конечно же, свечи, – ликующе сообщил Дьявол.

Майору они тоже не давали покоя. В Институте криминалистики установили наличие на одном из костюмов Кароля пятен от красного стеарина. Его гардероб майор брал для осмотра еще раньше, обыск у него провели сразу же после моего звонка из Копенгагена. Особенно много следов нашли на коленках брюк, видно, в поисках плана он облазил всю квартиру. Стеарин на костюме по своему составу не отличается от тех стружек, которые майор собрал со стола Алиции...

Согласно уговору, имевшемуся у меня с милейшими господами из датской следственной службы, десятого сентября я получила приглашение из Копенгагена. Предстояло опознать кое-каких завсегдатаев ипподрома, и мое присутствие было там просто необходимо. В этой ситуации паспортное бюро пошло мне навстречу и, учитывая, что срок действия моего загранпаспорта еще не истек, оформило визу за каких-нибудь пару часов, так что я пятнадцатого снова оказалась в Дании.

Шестнадцатого я действительно опознала нескольких известных мне молодчиков и уже семнадцатого могла убираться на все четыре стороны.

Но меня неудержимо тянуло лишь в одну сторону. Семнадцатое сентября было великим днем, в Шарлоттенлунде меня в этот день ждало дерби. Я, конечно, сговаривалась с этими галантными господами, держа в уме свой шкурный интерес.

В жуткой толчее и давке, не веря своему счастью, я с замиранием сердца упивалась несравненным действием. Первой должна была прийти Ибон, любимица Михала, – вообще-то особа капризная и ветреная, на сей раз она пребывала в отличной форме. Три километра Ибон неслась как шайтан, первое место было у нее, так сказать, в кармане, как вдруг ее обошел аутсайдер, которого я поставила последним номером! Пустельга Ибон пришла второй!

Кстати, я по сей день не уверена, точно ли Ибон кобыла. Может, и

жеребец. Так или иначе, она меня оставила с носом. Надо полагать, расстроилась, что не удалось порисоваться перед верным поклонником Михалом...

Настоящий тототник, как известно, не сдается после проигрыша, да еще такого пустякового. Судьба ко мне все-таки смягчилась, и в финальном забеге я выиграла. Ожидая выплаты, я по сложившейся уже привычке поднялась наверх и поела. Отужинала с чувством, не спеша, стараясь продлить последнее пребывание в дорогом моему сердцу месте, и в результате ушла с ипподрома в числе последних.

Не торопясь брела я живописным, безлюдным в эту пору лесом, почти совсем темным. Сумерки меня не смущали, доводилось ходить тут и в потемках, с тропки, ведущей к станции, не сбилась бы с закрытыми глазами. Да и луна уже взошла, хоть и ополовиненная, но освещала она не хуже фонаря.

Я дошла до того места, которое было как бы полянкой в миниатюре. Прогалину создавало отсутствие всего лишь одного дерева, здоровенный его комель валялся тут же, у тропинки. Я уселась на него и закурила, грустно размышляя о том, что небось нескоро выберусь сюда снова. Интересно, кто выиграет в будущем дерби? Которые из этих великолепных, дебютировавших на наших глазах трехлеток, все имена которых начинаются на «К»? Доживу ли до той поры, когда, заглянув в программку, где все дебютанты начинаются уже на «П», растроганно скажу о каком-нибудь жеребце: «Смотри, это же дочь Кариссимы!» Хотелось бы также узнать, будет ли когда-нибудь побит рекорд ви-файфа – 248 тысяч крон... Какая все-таки милая, очаровательная страна эта Дания, вот только зачем они с таким странным упорством носят свои отвратительные штаны в черно-желтую клетку! Ладно уж бороды...

Вот так, предаваясь философским размышлениям, докурила я свою сигарету, загасила окурочку, придавив туфлей из черного крокодила, поднялась и посмотрела в ту сторону, куда убегала тропинка. И помертвела. На тропе, в каких-нибудь двух метрах от меня, ясно освещенная луной, стояла Алиция.

Вообще-то в привидения я не верю, а раз не верю, то и не боюсь. И все-таки мне стало не по себе. Перво-наперво мелькнула мысль, а не нарушила ли я в чем-нибудь последнюю ее волю.

– Сгинь-пропади, бесовское наваждение, – запинаясь, промямлила я на всякий случай. – Кыш-кыш, чур меня, чур...

Слова, заговаривающие от нечистой силы, сами собой пришли на ум, и я сочла их в такой неординарной ситуации наиболее подходящими.

– Ты балда, – отвечала мне на это покойница с нескрываемой укоризной. – Так я и знала, что встречу тебя тут. Извини, конечно, но вела ты себя как последняя идиотка.

После недолгого размышления я вынуждена была признать, что она права. В самом деле, поставить Ибон на первое место!

– Кстати, – заметила я тоже с укоризной, хотя и по возможности корректно. – Раз уж ты на том свете, могла бы по старой дружбе и подсказать. Я не говорю о вифайфе, это, понятно, чересчур, но хотя бы призеров в дерби...

– Дура, – отрезала покойница. – Я на том же свете, что и ты! Не валяй дурака!

Смысл потусторонних ее речей слабо доходил до моего сознания, было лишь понятно, что дух Алиции за что-то на меня гневается. Я чувствовала себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Не каждый день общаешься с потусторонними силами вот так запросто, на короткой ноге, кто знает, какой на этот счет существует этикет.

– Ты зачем заявила, чтобы попугать меня? – спросила я неуверенно, пытаюсь нащупать почву для разговора. – Тогда хочешь, пощелкаю зубами? Мне это ничего не стоит.

– Я заявила, чтобы сказать тебе, что обманулась в твоих умственных способностях. Или ты успела окончательно поглупеть?

С покойниками наверняка лучше не спорить, хотя, по-моему, она преувеличивала. Я быстро прикинула, не проще ли дать деру, лучше даже с криком, но ноги мои приросли к земле, и оторвать их было все равно что поставить атлетический рекорд. Пришлось занять соглашательскую позицию.

– Точно, поглупела. Скажу тебе больше: если ты возьмешь за правило таким вот манером возникать передо мной, маразма мне не миновать, и очень скоро. Ты вообще-то где обретаешься? На небесах?

– На земле. Хватит валять дурака!.. Постой-ка, ты и вправду не знаешь, что я жива?!

– Знать-то я знаю, только совсем другое, не морочь мне голову.

И тут призрак Алиции изволил развеселиться.

– Ох, не могу, ты это серьезно? Так ты ничего не знаешь? Да жива я, жива, пощупай!

Нет, ну как тут можно окончательно не свихнуться? Собрав всю свою волю, я мужественно устояла на месте, пока призрак приближался. Зачем это мне к ней притрагиваться, наверняка ощущение не из приятных, когда рука твоя проходит сквозь тело, как сквозь воздух, нервы могут запросто

сдать. С другой стороны, не обидеть бы ее отказом. У духа, небось, нервы тоже не железные...

Неугомонный призрак сам протянул ко мне руку, и мне волей-неволей пришлось себя пересилить.

Никакой это не воздух! Самая обыкновенная живая, Алиция!!!

– Силы небесные! Так ты жива?! Как же так?! Разрази меня гром, я ведь собственными глазами видела твой труп!!!

– Кстати, о моем трупе, – гневно сказала Алиция, когда мы наконец разжали долгие объятия и обменялись приветственными всхлипами и воплями. – Как ты думаешь, зачем я велела тебе его осмотреть? Сколько раз я тебе говорила, что сердце у меня с правой стороны!

Святые угодники!

Ноги мои стали ватные, и я поскорей уселась на пень. Ну конечно, я слышала это от нее сотни раз! Разумеется, не буквально, но сердце у нее и впрямь было чуть сдвинуто к центру грудной клетки. Во время войны она подхватила туберкулез, и ей сделали пневмоторакс, никаких средств помягче под рукой тогда не нашлось. В результате операции, кстати весьма успешной, и получилось смещение, небольшое, сантиметра на два, которое никак не сказывалось на ее здоровье. И это обстоятельство, такое важное, такое решающее, напрочь вылетело у меня из головы!

– Алиция, секи мою повинную голову! – покаянно возопила я.

– Хорошо, подставляй, – согласилась она с обычным своим рассеянным видом и уселась рядом. – Только благодаря сердцу я осталась жива. Я ведь особо о нем не распространялась, знали только ты да Гуннар. Вот Гуннар – тот сообразил, что это может иметь значение, а ты, недотепа, чуть не похоронила меня!

– И правда, недотепа и есть, – сокрушенно повинилась я. – Помилосердствуй, не добивай меня. А кто тебя выкрал? Понимаю, Гуннар, да?

– А то кто же. Прилетел самолетом, сразу, как получил мою телеграмму...

– Какую телеграмму?

– А ты не в курсе? Я отправила ему телеграмму перед тем, как тебе позвонить. «Morituri te salutant».^[7] Я условилась с ним в случае чего телеграфировать, он знал, что у меня неприятности, но не знал какие. «Morituri te salutant» должно было означать, что я выезжаю в Данию, а «Periculum in mora»^[8] – что ему надо немедленно прибыть в Польшу, Гуннар, конечно же, перепутал тексты – я-то собиралась срочно где-нибудь

укрыться и утренним поездом выехать с Гданьского вокзала.

– А дальше?

– Дальше он явился в Варшаву, поговорил с моим врачом, напоил сторожа и забрал меня из морга. Идея насчет вывоза меня за границу пришла ему в голову, когда он увидел у Гали мою сумку. Ты знаешь, я оставила ее у сестры.

– Знаю, и не только это, но и как тебя переправили в ГДР. А как ты попала в Данию?

– Очень просто, через Швецию. Оттуда ведь въезд свободный. Гуннар оказался на высоте положения и ради такого случая даже поступился своей законопослушностью. Ничегошеньки не понимал и только па нически боялся, как бы меня не укокошили по второму заходу, уже бесповоротно. Наверно, я все-таки выйду за него замуж, – добавила она со вздохом.

– И правильно, – одобрила я. – Такая самоотверженность!

Я потискала ее еще раз, чтобы избавиться от последних сомнений. Слишком велико было потрясение.

– А когда ты очнулась? И вообще – как ты себя чувствуешь?!

– Отлично. Особенно на свежем воздухе. Когда очнулась? Дай сообразить, если окончательно – то недели две назад, а вначале долго не могла понять, на каком я свете. Хотя рана сама по себе оказалась не опасной, сердце не затронула, но я вдобавок впала в состояние какой-то мертвецкой спячки, что-то вроде анабиоза. Да и холодильник, то бишь морг, сыграл свою роль, надо сказать, благотворную. Останься я лежать в тепле, не миновала бы участи скоропортящегося продукта. А потом меня, как только выкрали, стали лечить – на дому у моего врача, кабинет у него оборудован по последнему слову. Говорят, я родилась в рубашке, эта твоя микстура вместе со снотворным вызвала эффект наподобие летаргии. Так что все, как видишь, обошлось.

– А здесь что было?

– А здесь Гуннар, натерпевшись за меня страху, поместил меня в клинику под чужой фамилией. В общем, та еще история. Он подозревал всех подряд, в том числе собственного брата и мою сестру. Потому-то, кстати, и стащил мою сумку, когда она попалась ему на глаза. Да как стащил, ты только послушай! Хватило ума выставить ее на лестницу.

– Серьезно?!

– Сказал Галине, что идет за носовым платком, вышел в прихожую, взял сумку и вынес ее на лестницу.

Хорошо, что мимо ни одна душа не проходила, там ведь деньги лежали.

– Только датчанин способен на такую наивность! – ужаснулась я и снова ее пощупала. – Ему крупно повезло. А кто доводился супругом твоему труп?

– Мой врач. В последний момент он сошел с поезда. А в Берлине уже ждал Гуннар, после выматывающей поездки через Юстад и Варнемюнде. Просто чудом успел. Не могу сказать, что после всех этих пертурбаций я зауважала нашу милицию, – поморщилась она.

– А при чем здесь это? – удивилась я. – Тебе хотелось, чтобы его поймали? Чего придираешься?

– Милицейский врач похоронил бы меня за милую душу!

– Ну, положим, сначала он бы тебя за милую душу искромсал, – постаралась я сохранить объективность. – А к нашим ментам не придирайся, твою смерть констатировал врач скорой, какой-то молокосос. Что ему оставалось делать? Ты была вся ледяная, как вечная мерзлота, я собственноручно тебя пощупала, никаких признаков жизни проявлять не удосуживалась, зато дырку от шампура врач сразу обнаружил. Будь у тебя все как у людей, тогда пожалуйста – предъявляй претензии, а так виноватых нету, любой другой на твоём месте окочился бы. Кстати, милицейского врача вообще не было.

– Как это не было? – возмутилась Алиция. – Выходит, они на меня просто наплевали? По какому такому праву?

– Пути Господни неисповедимы, – философски заметила я и рассказала ей о невероятных приключениях доктора Гржибека. Вообще-то Гуннар сделал все правильно, подумать только, ведь если бы доктор Гржибек не гонялся за быком, если бы констатировал, что жертва жива, Алицию поместили бы в больницу и тогда Кароль Линце смог бы довести свое черное дело до конца. Уж как-нибудь добрался бы до нее, да хоть с помощью сестры...

– Не могла мне тогда выложить все начистоту? – не удержалась я от упрека. – Наломали мы с тобой дров...

– Я и собиралась, да не успела. А раньше не решалась – понимаешь, я ведь и тебя подозревала. Знала, что гадюшник у них здесь, в Шарлоттенлунде, а ты, как на грех, повадилась сюда шастать. Никаких определенных фактов у меня не было, но мало ли что, вдруг ты выкинула какую-нибудь глупость, да и Лаура делала намеки на одну из моих подруг. В письмах, когда ты как раз здесь жила, особенно в последних. А тут еще вижу – ты вернулась в Варшаву прибарахленная и при деньгах, сама понимаешь, в голову всякое может полезть. Вдобавок ты и с Лилиенбаумом была знакома...

– Каюсь, была. Так ты, выходит, помалкивала из-за всех нас скопом?

– Ага. Зютек... – Алиция слегка заколебалась. – Мне, наверно, следовало рассказать тебе раньше. Со временем выяснилось, что он не был ни таким уж подонком, ни шпионом. Уже давно все выяснилось, и теперь мы с ним просто добрые друзья. Это по его просьбе я свела кое-кого с Лаурой, причем ни он, ни я не подозревали, что речь идет о контрабанде. Он первым сориентировался и впал в панику, ему это могло здорово навредить. Собственно, из-за него-то я и выжидала до последней минуты, даже тебе ничего не говорила, пока не получила известие, что он себя обезопасил. Кстати, ты случайно не приставала со всем этим к Лешеку? Он вообще ни во что не посвящен.

– Думаю, его уже и без меня посвятили.

– Лешек я тоже подозревала, хотя помалкивала больше ради Зютека. Лаура знала, что я в курсе, но мне казалось, я могу рассчитывать на минимум порядочности с ее стороны.

– Боюсь, нам обоим слишком много чего казалось. Лично у меня больше всего сердце скорбело о Лешке. Я прямо чуть не наяву видела, как он выталкивает человека за борт. Слушай, открой на милость еще одну тайну, а то у меня от великого их множества голова пухнет. Кто тебе подсунул маляра?

– Кароль, кто же еще. – Алиция помолчала, и на ее лице проступило уже знакомое мне выражение мрачной ненависти, на этот раз, правда, разбавленное злорадством. – Кароль – это целая эпопея. Ты, наверно, не знаешь, что именно он тогда чуть не поломал мне всю жизнь. Липа насчет шпионажа – его рук дело, он же подставил Зютека, донес о моей с ним дружбе, а потом старался, чтобы мне из того посольства систематически передавали всякие весточки и приветы. Кароль и Лауру вовлек в аферу, из-за него-то, собственно говоря, и тетка умерла. У нее был приступ после их разговора – он сказал, что я с ними заодно и в случае чего меня первую отдадут на закланье. Все эти годы он мстил мне за то, что я в свое время не помогла ему с выездом за границу – не упросила отцовских друзей составить ему протекцию. Вся моя родня по глупости своей считала его порядочным человеком, а меня прямо колотило из-за этого от злости.

– Я тебя понимаю, – с чувством сказала я. – Как вспомню, что этот подонок остался с теми твоими свечами в дураках, на душе сразу приятно становится.

– Ты это о чем? – не поняла Алиция.

– Потом объясню, продолжай.

– Пока была жива тетка, ничего не оставалось, как держать рот на

замке. Лаура понимала, что я ни словом не обмолвлюсь. Тетка стояла уже одной ногой в могиле, не могла же я отравить ей последние минуты жизни, а то и сократить... А в результате этот подонок все равно ее угробил. Скандал разразился сразу после похорон, Лаура вцепилась в меня мертвой хваткой насчет пропавшего героя. Вообще-то она не знала, что мне известно, а что нет, я от всего отпиралась. Ее чуть удар от злости не хватил. А потом в Варшаву заявился Ольсен, и тут уж мне пришлось несладко. Я не представляла, как от него отделаться, как объяснить с Лешеком, как поступить с тобой, ко мне цеплялись всякие подозрительные типы – то ли от милиции, то ли наоборот. Те субчики ведь не догадывались, что я тоже боюсь милиции. Меня, кстати, сразу по возвращении вызывали... Я им наплела всякой чуши...

Мы обе покаянно и в унисон вздохнули.

– В тот последний вечер ко мне заявился Ольсен...

– За каким чертом ты егопустила?

– А я и не впускала, – раздраженно отмахнулась Алиция. – Представь себе, у него были ключи. Кароль подделал по той связке, которой пользовалась сестра. Этот тип вошел сам и объяснился со мной без обиняков: мы, мол, знаем, у кого план, выбирай: или – или... По всему было ясно, что они договорились со мной покончить, а тут еще черт меня дернул сболтнуть, что я знаю о непричастности Лешека. Вот я и порешила исчезнуть, причем устроить так, чтобы всю честную компанию загребли без меня. Придумала, каким манером сообщить тебе, где спрятаны концы, – на случай, если ты тоже в это дело влипла, потом по телефону отправила Гуннару телеграмму, а потом мне захотелось спать...

– А та бумажка... когда ты ее спрятала в кастаньеты?

– Тогда же. Вечер у меня выдался на редкость насыщенный. Остатки клея спустила в унитаз, по-моему, никаких следов не осталось, а? Пририсовала крокодила, чтоб тебе совсем уж все прояснить...

Мы немного помолчали, сидя на широком пне и глядя на живописный лес, залитый серебристым светом.

– А все благодаря Гуннару, – отозвалась я наконец со вздохом облегчения. – Единственно, что могло внушить ему такую безрассудную надежду, так это нешуточная любовь. Он тебя любит!

– Он сейчас ждет меня там, на шоссе. Наверное, от страха за меня уже извелся. Я все боялась, как бы он не перепутал тексты телеграмм, и таки перепутал! Давай поедem к нам, вместе поужинаем.

– Почему бы и нет, с превеликим удовольствием. А когда свадьба? – поинтересовалась я, поднимаясь с пня и разминая затекшие ноги.

– Боюсь, через неделю, – вздохнула Алиция. – Если Гуннар опять что-нибудь не перепутает. Ты-то будешь?

Была, а как же. Вернулась через неделю вместе с Дьяволом – он собственноручно решил доставить датским властям информацию о белой мерзопакости, после чего присоединился к гостям. Свадьба прошла на высоте, с участием многочисленной об эту пору рати соотечественников, и по сему поводу новобрачному непременно захотелось порисоваться перед гостями и перед избранницей сердца знанием родного ее языка. Он поднял бокал, вознамерившись произнести польский тост, и за столом воцарилась благоговейная тишина. Новобрачный тоже молчал, мучительно роясь в памяти.

– До свидания! – наконец разразился он торжествующим воплем.

Перед своим отъездом я углядела в витрине магазина невообразимой красоты туфли – конечно же, из черного крокодила. Последняя модель, глаз не оторвать, а тут еще шпильки стали выходить из моды...

Теперь дело за малым – нарваться на очередную шайку бандитов, – может, снова сослужат мне службу...

notes

Примечания

1

Вы из Польши? У меня в Польше семья (*англ.*).

2

Я не знаю. Никто не знает (*англ.*).

Мазовецкий, Конрад (1191–1247) – польский князь.

Матейко, Ян (1838–1893) – известный польский художник, автор исторических портретов.

Четвертый? Четвертый номер!!! Неужели это возможно??? (*фр.*)

Городок под Варшавой.

Идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*).

Опасность в промедлении (*лат*).